

Жозеф Рони-старший Пещерный лев

Жозеф Рони-старший Пещерный лев (с иллюстрациями)

Часть первая

Глава 1
Уни Зур

Ун, сын Быка, любил бывать в подземных пещерах. Он ловил там слепых рыб и бесцветных раков вместе с Зуром, сыном Земли, последним из племени Ва, Лю-деи-без-плеч, уцелевшим при истреблении его народа Рыжими Карликами.

Целыми днями бродили Ун и Зур вдоль течения подземной реки. Часто берег ее был всего лишь узким каменным карнизом. Иногда приходилось пробираться ползком по тесному коридору из порфира, гнейса, базальта. Зур зажигал смоляной факел из ветвей скипидарного дерева, и багровое пламя отражалось в сверкающих кварцевых сводах и в стремительно текущих водах подземного потока. Склонившись над черной водой, они наблюдали за плавающими в ней бледными, бесцветными животными, затем шли дальше, до того места, где дорогу преграждала глухая гранитная стена, из-под которой с шумом вырывалась подземная река. Подолгу простаивали Ун и Зур перед черной стеной. Как хотелось им преодолеть эту таинственную преграду, на которую натолкнулось племя Уламров шесть лет назад, во время своего переселения с севера на юг.

Ун, сын Быка, принадлежал, согласно обычаю племени, брату матери. Но он отдавал предпочтение своему отцу Нао, сыну Леопарда, от которого унаследовал мощное сложение, неутомимые легкие и необычайную остроту чувств. Его волосы падали на плечи густыми жесткими прядями, словно грива дикого коня; глаза были цвета серой глины. Огромная физическая сила делала его опасным противником. Но еще больше, чем Нао, Ун склонен был к великодушию, если побежденный лежал перед ним, распростершись на земле. Поэтому Уламры, отдавая должное силе и мужеству Уна, относились к нему с некоторым пренебрежением.

Он охотился всегда в одиночку или вместе с Зуром, которого Уламры презирали за слабость, хотя никто не умел так искусно находить камни, пригодные для добывания огня, и изготовлять трут из мягкой сердцевины дерева.

У Зура было узкое, гибкое, как у ящерицы, тело. Плечи его были так покаты, что руки, казалось, выходили прямо из туловища. Такими выглядели с незапамятных времен все Ва – племя Людей-без-плеч. Зур думал медленно, но ум его был более изощренным, чем у людей племени Уламров.

Зур любил бывать в подземных пещерах еще больше, чем Ун. Его предки и предки его предков всегда жили в краях, изобиловавших ручьями и реками, часть которых исчезала под холмами или терялась в глубине горных массивов.

Однажды утром друзья бродили по берегу реки. Они видели, как поднялся над горизонтом багровый шар солнца и золотой свет залил окрестность. Зур понимал, что ему нравится следить за

стремительно бегущими волнами; Ун же отдавался этому удовольствию безотчетно. Они направились к подземным пещерам. Прямо перед ними возвышались горы – высокие и неприступные. Крутые, острые вершины нескончаемой стеной тянулись с севера на юг, и нигде между ними не видно было прохода. Ун и Зур, как и все племя Уламров, страстно мечтали преодолеть эту нескрушимую преграду.

Более пятнадцати лет Уламы, покинув родные места, кочевали с северо-запада на юго-восток. Продвигаясь к югу, они скоро заметили, что чем дальше, тем земля становится богаче, а добыча – обильнее. И постепенно люди привыкли к этому бесконечному путешествию.

Но вот на их пути встала огромная горная цепь, и продвижение племени на юг остановилось. Уламы тщетно искали проход среди неприступных каменных вершин.

Ун и Зур присели отдохнуть в камышах, под черными тополями. Три мамонта, огромные и величественные, шествовали вдоль противоположного берега реки. Видно было, как пробегают вдали антилопы; носорог показался из-за скалистого выступа. Волнение овладело сыном Нао. Как хотелось ему преодолеть пространство, отделяющее его от добычи!

Вздыхнув, он поднялся и зашагал вверх по течению, сопровождаемый Зуром. Скоро они очутились перед темным углублением в скале, откуда с шумом вырывалась река. Летучие мыши метнулись в темноту, испуганные появлением людей.

Взволнованный внезапно пришедшей ему в голову мыслью, Ун сказал Зуру:

– За горами есть другие земли!

Зур ответил:

– Река течет из солнечных стран.

Люди-без-плеч давно знали, что все реки и ручьи имеют начало и конец.

Синий сумрак пещеры сменился мраком подземного лабиринта. Зур зажег одну из захваченных с собой смолистых веток. Но друзья могли бы обойтись и без света – так хорошо знали они каждый поворот подземного пути.

Целый день шли Ун и Зур по мрачным переходам вдоль течения подземной реки, перепрыгивая через ямы и расселины, а вечером крепко уснули на берегу, поужинав испеченными в золе раками.

Ночью их разбудил внезапный толчок, исходивший, казалось, из самых недр горы. Слышен был грохот падающих камней, треск крошащихся скал. Затем наступила тишина. И, не разобрав спросонья, в чем дело, друзья снова уснули.

Но, когда утром они двинулись дальше, путь оказался усеянным обломками скал, которых раньше здесь не было.

Смутные воспоминания овладели Зуром.

– Земля колебалась, – сказал он.

Ун не понял слов Зура и не старался вникнуть в их смысл. Мысли его были короткими и стремительными. Он мог думать только о тех препятствиях, которые возникали непосредственно перед ним, или о добыче, которую он преследовал. Нетерпение его росло, и он все ускорял шаги, так что Зур еле поспевал следом. Задолго до конца второго дня они добрались до того места, где глухая каменная стена обычно преграждала им путь.

Зур зажег новый смолистый факел. Яркое пламя озарило высокую стену, отражаясь в бесчисленных изломах кварцевой породы.

Изумленное восклицание вырвалось у обоих юношей: в каменной стене зияла широкая трещина!

– Это оттого, что земля колебалась, – сказал Зур.

Одним прыжком Ун очутился у края трещины. Проход был достаточно широк, чтобы пропустить человека. Ун знал, какие предательские ловушки таятся в только что расколовшихся скалах. Но нетерпение его было так велико, что он, не задумываясь, протиснулся в черневшую перед ним каменную щель, настолько узкую, что двигаться вперед можно было с большим трудом. Зур последовал за сыном Быка. Любовь к другу заставила его забыть природную осторожность.

Скоро проход сделался таким узким и низким, что они едва протискивались между камнями, согнувшись, почти ползком. Воздух был жарким и спертым, дышать становилось все трудней...

Вдруг острый выступ скалы преградил им путь.

Рассердившись, Ун выхватил из-за пояса каменный топор и ударил им по скалистому выступу с такой силой, словно перед ним был враг. Скала пошатнулась, и юноши поняли, что ее можно сдвинуть с места. Зур, воткнув свой факел в расселину стены, стал помогать Уну. Скала зашаталась сильнее. Они толкнули ее изо всех сил. Раздался треск, посыпались камни... Скала покачнулась и... они услышали глухой звук падения тяжелой глыбы. Путь был свободен.

Передохнув немного, друзья двинулись дальше. Проход постепенно расширялся. Скоро Ун и Зур смогли выпрямиться во весь рост, дышать стало легче. Наконец они очутились в обширной пещере. Ун со всех ног бросился вперед, но вскоре темнота вынудила его остановиться: Зур со своим факелом не поспевал за быстроногим другом. Но задержка была недолгой. Нетерпение сына Быка передалось Человеку-без-плеч, и они большими шагами почти бегом двинулись дальше.

Скоро впереди забрезжил слабый свет. Он усиливался по мере того, как юноши приближались к нему. Внезапно Ун и Зур очутились у выхода из пещеры. Перед ними тянулся узкий коридор, образованный двумя отвесными гранитными стенами. Вверху, высоко над головами, виднелась полоска ослепительно синего неба.

– Ун и Зур прошли сквозь гору! – радостно воскликнул сын Быка.

Он выпрямился во весь свой могучий рост, и гордость от сознания совершенного подвига овладела всем его существом.

Зур, более сдержанный от природы, был тоже сильно взволнован.

Узкое ущелье, затерянное в глубине горного массива, мало чем отличалось от подземного лабиринта, из которого они только что выбрались. Уну не терпелось увидеть поскорей открытое пространство. После краткого отдыха друзья снова двинулись в путь.

Ущелье показалось им бесконечным. Когда юноши, наконец, добрались до выхода из него, день уже склонялся к вечеру.

Перед ними простирался обширный горный луг, край которого, казалось, упирался прямо в синий небосвод. Справа и слева грозно высились горы – мрачный каменный мир, застывший и безмолвный с виду, незыблемый, словно вечность...

Солнце садилось среди каменных башен, зубчатых пиков и куполов. Муфлоны то появлялись, то исчезали вдали, у края пропасти. Старый медведь, сидя на гнейсовой скале, подстерегал в тишине добычу. Огромный гриф медленно парил в вышине, под облаками, озаренными вечерним солнцем.

Ун и Зур слышали биение своих взволнованных сердец. Неведомая земля лежала перед ними. Она неудержимо влекла к себе деятельного, жаждущего приключений Улабра и задумчивого, полного смутных грез последнего человека-без-плеч.

Глава 2 Махайрод

Четырнадцать дней шли по неведомой земле Ун и Зур. Они решили не возвращаться в становище до тех пор, пока не разведают степи и леса, где Улабры могли бы найти в изобилии дичь и съедобные растения.

Человек не может постоянно жить в горах. Горы изгоняют его с наступлением зимы; весной земля оживает там гораздо медленней, чем внизу на равнине, уже давно покрытой пышным ковром трав и цветов.

В первые дни пути Уну и Зуру иной раз до самого вечера не удавалось убить какую-нибудь дичь или найти съедобные растения. Но они упорно продолжали двигаться вперед, постепенно спускаясь все ниже и ниже. На девятый день пути еловые леса сменились буковыми рощами; затем появились дубы и каштаны. Их становилось все больше. Ун и Зур поняли, что приближаются к равнине. Звери стали попадаться чаще; каждый вечер свежее мясо и съедобные корни растений жарились на огне костра, и свет звезд, озарявший путников, уже не казался им таким холодным, как высоко в горах.

На четырнадцатый день они достигли подножия горной цепи. Перед ними расстилалась бес-

крайняя равнина, по которой струились воды огромной реки. Стоя на склоне скалистого отрога, путники жадно смотрели на эту новую, неведомую им землю, где никогда не ступала нога Улабра или Ва.

Внизу росли незнакомые деревья: исполинские баньяны, ветви которых образовывали целые рощицы; стройные пальмы с листьями, напоминающими огромные перья; зеленые дубы, взбиравшиеся на склоны холмов; заросли бамбука, подобного гигантской траве. Рассыпанные среди высоких трав и густых кустарников цветы радовали глаз своими яркими красками.

Но Уна и Зура больше интересовали животные. Они то появлялись, то исчезали вдаль, среди буйных трав и пышного кустарника, в зарослях древовидных папоротников и высокого бамбука.

Видно было, как проносятся среди холмов стадо легконогих антилоп, как бродят по лугам дикие лошади и онагры¹. Олени и огромные дикие быки – гауры² появлялись из-за поворотов реки; стая диких собак – дholeй преследовала сайгу. Змеи неслышно скользили среди густых трав; на вершине холма четко выделялись горбатые силуэты трех верблюдов. Павлины, фазаны и попугаи гнездились на опушках пальмовых рощ; обезьяны выглядывали из густых ветвей баньянов; гиппопотамы ныряли в реку; крокодилы неподвижно лежали в заводях, словно упавшие в воду стволы деревьев.

Нет, никогда в этом краю Улабра не будут испытывать недостаток в свежем мясе для вечерней трапезы у костра!

Ун и Зур стали спускаться по склону скалистого отрога. Воздух делался все теплее и теплее. Скоро стало совсем жарко; горячие камни обжигали ступни босых ног.

Путники думали, что от равнины их отделяет лишь короткий переход. Но расстояние оказалось обманчивым. Внезапно они очутились на краю крутого обрыва.

Крик нетерпения вырвался из груди Улабра, но Человек-без-плеч сказал:

– Неизвестная земля, вероятно, полна опасностей. А у нас мало дротиков. Здесь, на вершине скалы, ни один зверь, пожирающий людей, нас не достанет.

Как бы подтверждая его слова, желтый силуэт льва мелькнул внизу, в расщелине скалы. Ун ответил:

– Зур сказал то, что надо было сказать. Прежде чем спуститься на равнину, мы должны запастись дротиками, палицами и копьями, чтобы убивать дичь и побеждать хищников.

Скалы отбрасывали на землю длинные тени; солнечный свет стал желтым, словно мед. Ун и Зур направились к молодому дубу и стали рубить его крепкие ветви, чтобы изготовить необходимое оружие. Они умели делать копья и палицы, обрабатывать рога и кости животных, обтесывать острые кремни и обжигать на огне костра концы дротиков, чтобы те стали твердыми, словно камень. Но с тех пор, как они выбрались из подземного лабиринта, прошло много времени. Топоры их затупились, запас оружия истощился.

Ун и Зур рубили ветви до тех пор, пока солнце не погасло на горизонте подобно гигантскому багровому костру. Затем они собрали рога, кости и кремни, которые принесли с гор.

– Скоро наступит ночь, – сказал Ун. – Мы возобновим работу, когда солнце вернется.

Набрав хворосту, они сложили его в кучу. Зур уже приготовился зажечь костер, а спутник его тем временем насаживал на острый сук заднюю ногу дикой козы.

Внезапный рев заставил их вскочить на ноги. Этот рев одновременно напоминал и грозное рычание льва и отвратительный хохот гиены. Подойдя к обрыву, они увидели внизу, у подножия скалистого выступа, на расстоянии пятисот шагов незнакомого зверя. Он был ростом с леопарда, красноватой масти, с круглыми черными пятнами на спине и боках. Огромные глаза горели ярче, чем у тигра. Четыре клыка, очень длинных и очень острых, торчали из его пасти, словно сабли. Весь облик зверя свидетельствовал о стремительности и силе.

---

¹ Онагр – дикий осел, близкий родич кулана. В настоящее время встречается в Иране, Месопотамии, Сирии и Северной Аравии.

² Гаур – дикий бык очень крепкого телосложения. В настоящее время встречается в горной Индии, Бирме и Малаккес.

Ун и Зур понимали, что перед ними зверь из породы плотоядных, но он не напоминал им ни одного из тех хищников, которые встречались по ту сторону гор. Однако вид его не вызывал у юношей больших опасений. Ведь с помощью копья, палицы и дротиков Ун всегда выходил победителем из схватки со зверями одного с ним роста. Он был так же силен и стремителен в борьбе, как Нао, победитель Косматых братьев, серого медведя и тигрицы.

Он крикнул:

– Ун не боится красного зверя!

Новый рев, еще более отрывистый и пронзительный, удивил молодых воинов.

– Голос его больше, чем он сам! – заметил Зур. – А зубы острее и больше, чем у всех других пожирателей мяса.

– Ун убьет его ударом палицы!

Внезапно зверь сделал прыжок длиной в двадцать шагов. Нагнувшись над обрывом, Ун увидел другого зверя огромного роста, трусившего рысцой у подножия скалы. У него была гладкая, серая, лишенная волос кожа, толстые, как ствол молодого тополя, ноги и огромная тупая морда. Это был гиппопотам-самец, спешивший как можно скорее добраться до реки. Но махайрод – саблезубый тигр – на каждом повороте преграждал ему путь. Гиппопотам останавливался и угрожающе ворчал, разевая свою широкую пасть.

– Красный зверь слишком мал, чтобы убить гиппопотама, – сказал Ун. – Гиппопотам не боится даже льва.

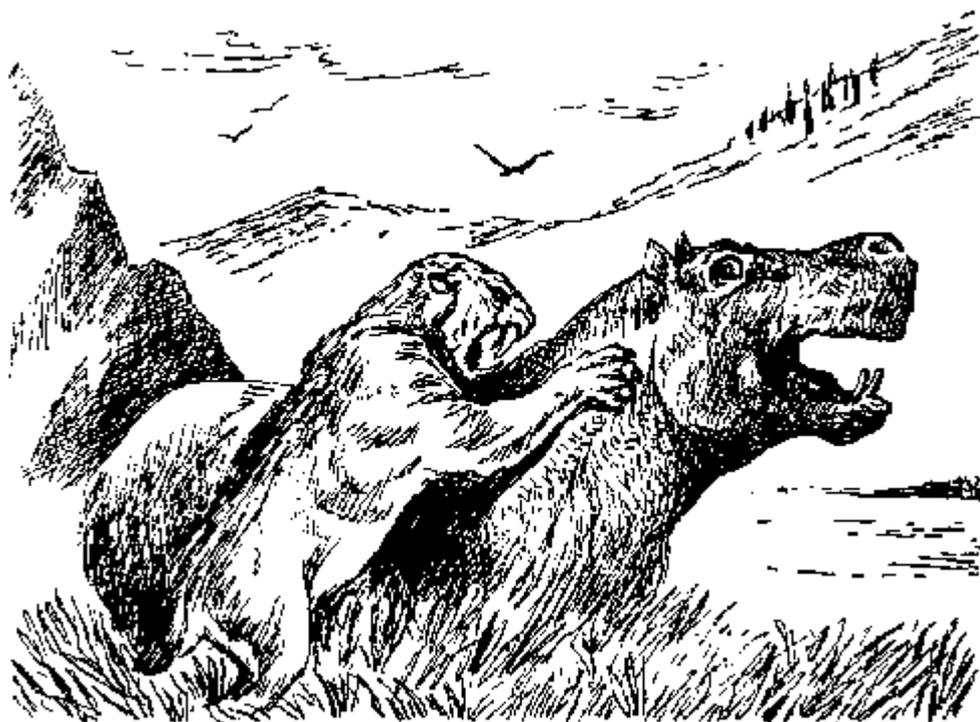
Зур с любопытством следил за происходящим, не говоря ни слова.

Внезапно махайрод сделал гигантский прыжок. Его гибкое красноватое тело упало на спину гиппопотама, длинные когти вонзились в могучий затылок. Толстокожий гигант, громко крича от боли, устремился к реке. Но острые, словно сабли, зубы хищника уже разорвали его твердую, как дерево, кожу и впились в мясо. Рана на огромной шее росла.

В первые минуты гиппопотам ускорил свой бег. Он не ревел больше; вся энергия его была направлена к одной цели: достичь как можно скорее реки. Там, погрузившись в родные глубокие воды, он залечит свою рану и снова вернется к жизни. Массивные ноги зверя топтали траву и, хотя тяжелое туловище качалось из стороны в сторону, он мчался вперед с быстротой дикого кабана...

Река была уже близко. Ее влажные испарения, казалось, придали новые силы толстокожему великану. Но безжалостные клыки все глубже впивались в его шею, края раны расширялись, кровь текла обильнее... Вот гиппопотам пошатнулся; его короткие толстые ноги задрожали. Предсмертный крик вырвался из чудовищной пасти...

Гиппопотам уже достиг прибрежных зарослей тростника, как вдруг внезапное головокружение заставило его остановиться. Медленно, очень медленно гигантская туша повернулась вокруг себя; затем побежденный с глухим коротким ревом рухнул на землю. И тогда махайрод, приподнявшись на своих упругих лапах, издал победный, торжествующий крик, от которого обратились в бегство проходившие вдали буйволы, и принялся пожирать добычу.

Ун и Зур молчали, подавленные. Они чувствовали приближение ночи хищников и смутно догадывались, что земля, на которую они вступили, – более древняя, чем та, по которой кочевали до сих пор Уламры. И в этой стране сохранились еще животные, жившие в ту отдаленную эпоху, когда на Земле появились первые люди.

Мрачные тени прошлого, казалось, приближались к юношам вместе с последними отблесками гаснущей зари, а древняя река катила свои багровые воды вдаль, через необозримую равнину.

Глава 3 Огонь в ночи

Восемь дней понадобилось Уну и Зуру, чтобы пополнить запас оружия. Осколки кремней и острые зубы убитых животных служили наконечниками для дротиков. Каждый изготовил себе копье, заканчивающееся острым рогом, и метательный снаряд, с помощью которого можно было метать на большое расстояние дротики и копья. И, наконец, из дубового ствола они вырезали себе две массивные палицы. Та, которую взял Ун, была настолько тяжелой, что могла служить защитой от самых крупных хищников.

Кончив работу, Ун и Зур спустились со скалистого обрыва на равнину и, очутившись в саванне, почувствовали себя окончательно отрезанными от родного становища, затерявшегося где-то позади, далеко в горах.

Местность вокруг изобиловала дичью. Достаточно было ненадолго спрятаться в густой траве, чтобы подстеречь дикую козу, аксиса³ или сайгу. Но Ун никогда не убивал травоядных без нужды. Животное растет медленно, а человек должен есть каждый день. Когда у племени было много пищи, Нао, вождь Уламров, запрещал охоту.

Ун и Зур встречали на каждом шагу столько нового, что не переставали удивляться. Они с интересом рассматривали огромного гавиала с невероятно вытянутой мордой; видели, как он покачивается, неподвижный, на поверхности реки или подстерегает добычу где-нибудь на острове или в прибрежных камышах.

Дриопитеки⁴ с их черными руками и человекообразными телами выглядывали из густых

---

³ Аксис – красивый белопятнистый олень с длинными трехконечными рогами. Живет стадами в лесах вблизи воды. Распространен в Индии и Кочинхине.

⁴ Дриопитеки – ископаемые человекообразные обезьяны; жившие в Европе, Южной Азии и Северной Африке.

ветвей. Дикие быки – гауры – бродили стадами, – мощные, словно бизоны, потрясая массивными рогами, способными разорвать грудь тигру и пригвоздить к земле льва. Черные гаялы⁵ подставляли солнцу свои мощные тела с выпуклыми загривками. Гепарды то появлялись, то исчезали на опушках лесных чащ. Стая волков, преследуя антилопу-нильгау⁶, пробежала вдаль, быстрая и зловещая. Дикие собаки – дхоли, – уткнувшись носами в землю, выслеживали добычу, или, подняв вверх острые морды, прерывисто выли. Порой перепуганный тапир выскакивал из своего логова и скрывался в тесном лабиринте баньяновых ветвей.

Ун и Зур с расширенными ноздрями, напрягая зрение и слух, осторожно продвигались вперед, стараясь не наступить на кобр, скрывающихся в густой траве, и не разбудить крупных хищников, спящих в своих логовищах или в бамбуковой чаще. Но кругом все было тихо; лишь леопард показался около полудня в углублении скалы. Зеленые глаза его пристально смотрели на приближавшихся людей.

Ун, выпрямившись во весь свой исполинский рост, поднял тяжелую палицу. Но Зур, вспомнив махайрода, удержал руку друга:

– Сын Быка не должен еще сражаться!

Ун понял мысль Зура. Если махайрод оказался опаснее льва, то леопард в этой неведомой стране мог быть сильнее тигра.

Нао, Фаум и старый Гоун – самый старший среди Уламров, всегда внушали молодым охотникам, что осторожность так же необходима воину, как и храбрость. Надо сначала узнать врага. Однако сын Быка не сразу опустил свою палицу.

Он крикнул:

– Ун не боится леопарда!

Но хищник не двинулся с места, и люди беспрепятственно продолжали путь.

Они искали удобное место для ночлега. В этой знойной стране, где ночи, по всей вероятности, кишат хищниками, даже огонь костра не смог бы уберечь путников от грозящей со всех сторон опасности. Уламры хорошо знали, как важно для человека удобное и безопасное жилье. Они умели устраивать у входа в пещеру завалы из каменных глыб, стволов и веток деревьев; могли соорудить убежище на открытом месте или под защитой нависающих скал.

За весь день пути Уну и Зуру не удалось обнаружить на берегу подходящего для ночлега места, и к вечеру они отделились от реки. Уже показывались первые звезды, когда путники решили, наконец, остановиться у подножия крутого холма, поросшего редким кустарником и чахлой травой. Выбрав отвесный склон, сложенный из сланцевых плит, Ун и Зур расположились около него, разложив перед собой костер полукругом. Каждый должен был бодрствовать по очереди. Ун, у которого слух был острее, а обоняние тоньше, решил стать на стражу первым, потому что первая часть ночи всегда таит в себе наибольшую опасность.

Ленивый ветерок доносил до ноздрей Уламра терпкие запахи зверей и нежный аромат ночных растений. Все чувства юноши были напряжены; сознание неутомимо отмечало ночные шорохи, движения и запахи.

Первыми появились шакалы. Они подкрадывались неуверенными шагами; движения их гибких тел были полны изящества. Огонь костра и притягивал и пугал их. Они замирали на месте, затем, легко царапая землю острыми коготками, приближались к невиданному чуду. Длинные тени вытягивались за ними; в блестящих глазах отражалось багровое пламя, острые уши чутко прислушивались к ночным звукам. Малейшее движение Уна заставляло их отступать в темноту, слабо повизгивая.

Ун не боялся шакалов. Но их резкий запах мешал ему, заглушая запахи других хищников.

Чтобы не тратить зря дротики, Ун набрал пригоршню камней и стал кидать их через костер.

---

⁵ Гаял, или гайал, – дикий бык крепкого телосложения, с массивными рогами. В настоящее время распространен в гористых местностях Индии.

⁶ Нильгау – один из видов антилоп. Живет небольшими стадами в негустых лесах и редких джунглях Индии.

Первый же брошенный им камень заставил шакалов разбежаться.

Затем показались дholes. Голод придавал им смелость и делал этих небольших зверей опасными. Они бродили стайками, иногда внезапно останавливались или кидались в сторону с глухим ворчанием, которое передавалось от одного к другому, как будто звери переговаривались между собой. Пламя костра остановило их. Любопытные, подобно шакалам, дholes жадно принюхивались к запаху жареного мяса и человеческих тел.

Когда Ун кидал камни, передние ряды дholeй отступали и сбивались в кучу; угрожающий вой раздавался во мраке. Звери упорствовали: отступив на недостижимое для камней расстояние, они выслали вперед разведчиков, которые упрямо искали подступов к добыче. Промежуток, оставшийся между краем костра и сланцевой стеной, был для них слишком узким. Однако дholes все время возвращались к нему с терпением, которое способно было довести до отчаяния. Иногда они делали вид, что бросаются в атаку, в то время как часть стаи, отправившаяся в обход холма, угрожающе выла за спиной людей, надеясь вызвать среди них панику.

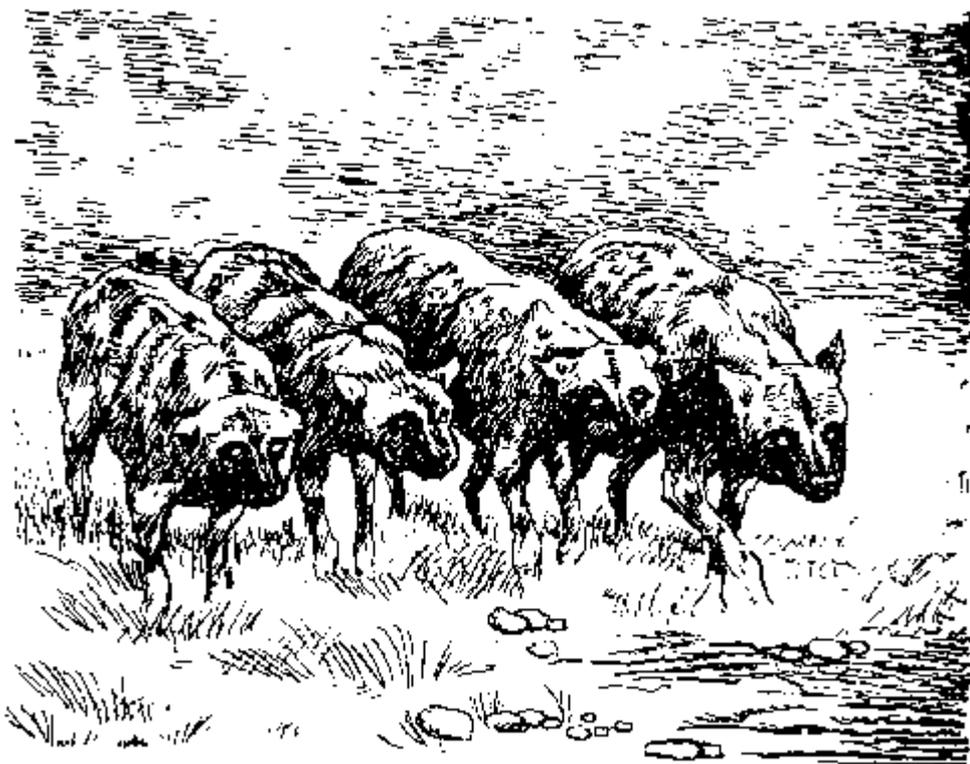
Постепенно возвращались шакалы, более осторожные, держась на почтительном расстоянии от дholeй. Но и те и другие отступили перед двенадцатью волками, появившимися с восточной стороны, а затем разбежались, давая дорогу гиенам. Гиены трусили неторопливой рысцой; их покатые спины судорожно подергивались. Изредка раздавался отвратительный крик, напоминающий пронзительный старушечий хохот.

Две карликовые летучие мыши бесшумно кружились над головой Уна. Большой крылан, по размаху крыльев не уступающий орлу, парил под звездами. Привлеченные пламенем костра, мириады ночных бабочек летели прямо в огонь; ночные насекомые, шелестя крыльями, носились тучами в багровом дыму и, обезумев, сыпались дождем на горящие угли. Из густых ветвей баньяна выглядывали головы двух бородатых обезьян. Болотная сова стонала на соседнем холме. Птицаносорог высовывала свой огромный клюв из-за перистых листьев пальмы.

Тревожные мысли осаждали сына Быка. Со всех сторон он видел разверстые пасти, оскаленные клыки и горящие словно угли глаза хищников...

Смерть грозила молодым воинам отовсюду. Хищников здесь собралось достаточно, чтобы уничтожить по крайней мере пятьдесят человек. Сила дholeй заключалась в их численности; челюсти гиен по мощности не уступали тигриным. У волков были сильные лапы и мускулистые загривки. И даже шакалы с их острыми собачьими мордами могли бы растерзать Уна и Зура за то короткое время, пока на костре успеет сгореть тоненькая веточка. Но страх перед огнем останавливал изголодавшихся зверей. Они терпеливо ждали случая, который помог бы им. Время от времени между хищниками вспыхивала вражда. Если волки принимались рычать, шакалы тотчас же скрывались в темноте; но дholes оставались на месте и лишь угрожающе разевали свои красные пасти. И все вместе они уступали дорогу гиенам.

Гиены обычно не нападали на людей. Они не любили рисковать и довольствовались неподвижной или обессилевшей добычей. И все же они не уходили далеко от костра, удерживаемые необычным скоплением других хищников и странным, таинственным светом, который, казалось, исходил прямо из земли.

Наконец в кругу зверей появился леопард, и Ун разбудил Зура. Хищник присел на задние лапы впереди дхолей. Его желтые глаза внимательно разглядывали языки пламени, а за ними – высокие, прямые фигуры людей.

Возмущенный наглостью зверя, Ун крикнул:

– Сын Быка убил трех леопардов!

Хищник вытянул вперед когтистые лапы, потянулся своим гибким телом и угрожающе зарычал. Он был высок ростом, значительно крупнее тех пятнистых леопардов, с которыми молодому Уламу приходилось встречаться по ту сторону гор. Под шелковистой густой шерстью угадывались могучие мускулы. Зверь мог бы без труда перемахнуть через костер и очутиться у сланцевой стены, рядом с людьми. Встревоженный и недоумевающий, он пытался понять, что за странные двуногие существа скрываются под защитой огня. Запах и внешний облик этих существ напоминали гиббона, но гиббон меньше ростом и у него совсем иная манера держаться. В багровых отблесках пламени неведомые существа казались более высокими, чем дикий бык – гаур. Их движения, необычный вид и странные предметы, которые непонятным образом удлиняли их передние конечности, – все это заставляло леопарда сохранять осторожность. К тому же он был один, а ему противостояли двое.

Ун крикнул еще громче; его голос прозвучал, как голос могучего противника... Леопард отполз влево, остановился в нерешительности перед узким проходом, который отделял край костра от сланцевой стены, затем обошел холм кругом. Камень, брошенный Уном, ударил его по голове. Яростно мяукнув, леопард припал к земле, как бы готовясь к прыжку, судорожно царапнул землю когтями – и повернул к реке. Часть шакалов последовала за ним.

Между тем и волки и дхоли уже проявляли признаки усталости. Гиены, постепенно расширяя круг своих поисков, лишь изредка появлялись в дрожащих отсветах пламени...

Внезапно все хищники насторожились. Ноздри их тревожно втягивали воздух, морды повернулись к западу, острые уши встали торчком. Короткий рев разорвал тишину и заставил вздрогнуть людей в их ненадежном убежище. Чье-то гибкое тело взвилось из темноты и упало на землю перед самым костром. Дхоли испуганно попятнулись; волки застыли в тревожном напряжении. Гиены поспешно вернулись в круг; две виверры⁷ жалобно кричали во мраке.

⁷ Виверры – хищные зверьки средних размеров, в большинстве – ночные животные.

Ун и Зур узнали красноватую масть зверя и его страшные саблевидные клыки...

Хищник присел перед огнем. Ростом он не намного превосходил леопарда и казался даже ниже самой большой гиены. Но какая-то таинственная сила, безмолвно признаваемая всеми остальными зверями, казалось, исходила из всех его движений...

Ун и Зур держали оружие наготове. Сын Быка взял в правую руку копьё; палица лежала у его ног. Менее сильный Зур предпочел вооружиться дротиком. Оба отчетливо понимали, что махайрод гораздо сильнее тигра и, быть может, так же опасен, как тот лев-великан, от которого едва спаслись когда-то Нао, Нам и Гав во время своих странствований в стране Людоедов. Они знали, что махайрод может одним прыжком покрыть расстояние в двадцать шагов, которое отделяло его сейчас от их убежища. Но огонь удерживал хищника. Гибкий хвост извивался по земле; яростный рев потрясал воздух... Мускулы обоих людей напряглись и стали твердыми, словно гранит...

Ун взмахнул копьем и нацелился... Махайрод отпрянул в сторону – и копьё осталось в руке Уна. Зур пробормотал:

– Если копьё заденет зверя, он бросится на нас, забыв про огонь!

Ун был так же ловок и силен, как сам Нао. Но и он не смог бы, метнув копьё с расстояния в двадцать шагов, нанести столь крупному хищнику смертельную рану. Он послушался Зура и стал ждать.

Махайрод снова приблизился к пылающему костру. Он подошел так близко, что от людей его отделяло не более пятнадцати шагов. Теперь Ун и Зур могли хорошо рассмотреть хищника. Шерсть на груди его была светлее, чем на спине и боках, страшные зубы сверкали, словно обнаженные клинки, глаза горели фосфорическим блеском.

Два острых выступа скалы мешали махайроду прыгнуть на людей. Но и люди не могли поэтому метнуть копьё или дротик с достаточной точностью.

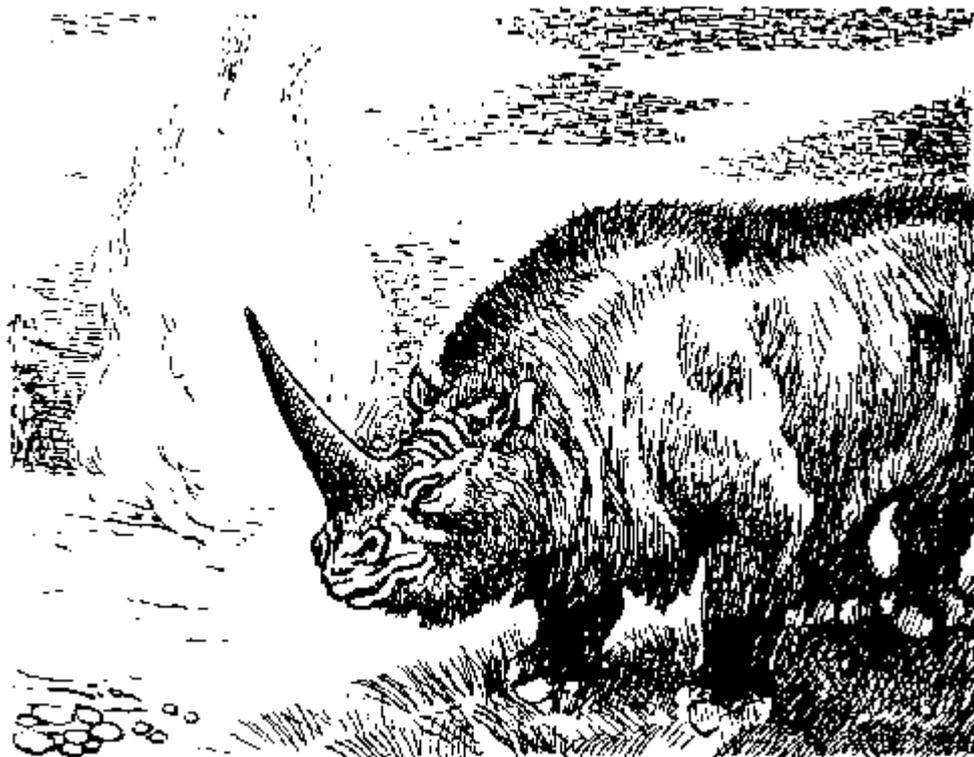
Чтобы сделать прыжок, махайроду надо было продвинуться еще по крайней мере на три шага. Он шагнул вперед, в последний раз внимательно всматриваясь в своих неведомых противников. Грудь зверя вздымалась от все возрастающей ярости; он как бы угадывал стойкость и мужество этих странных двуногих существ.

Внезапно ряды дхолей пришли в смятение. Волки бросились врассыпную, гиены отступили под защиту баньяновых зарослей. В бледном свете звезд среди деревьев обозначились очертания огромного животного, которое приближалось, неуклюже покачиваясь. Скоро в красноватом свете костра появилась широкая, тупая морда, на конце которой возвышался рог, более длинный и крепкий, чем у буйвола. Шкура зверя напоминала кору старого дуба; толстые, как бревна, ноги поддерживали тяжелое туловище Близорукий, надменный и безрассудный в своей слепой ярости зверь продвигался неторопливой рысцой. Все живое уступало ему дорогу. Волк, в панике метнувшийся под ноги носорогу, был раздавлен, словно козявка. Ун знал, что та же участь постигла бы пещерного медведя и льва, очутившихся на пути чудовища. Казалось, даже огонь не в силах преградить дорогу зверю.

Однако, он остановил колосса. Могучее туловище закачалось перед пылающими головнями; маленькие глазки расширились; страшный рог был нацелен в пространство.

Махайрод очутился перед носорогом.

Вытянув туловище, словно гигантское пресмыкающееся, прижавшись грудью к земле, хищник зарычал протяжно и угрожающе. Смутное предчувствие опасности быстро сменилось у носорога приступом слепой ярости. Ни одно живое существо не осмеливалось преграждать ему дорогу ни в степи, ни в джунглях, ни на песчаных равнинах. Тот, кто не успевал спастись бегством, был обречен на гибель.

Страшный рог нацелился на красного зверя. Чудовищные ноги снова пришли в движение. Это был смерч, сметающий все на своем пути... Только гранитная стена или колоссальная сила мамонта могли остановить его. Еще два шага – и махайрод был бы растоптан. Но хищник молниеносно отпрянул в сторону. Носорог пронесся мимо. И в ту же минуту махайрод очутился у него на спине. Хрипло рыча, красный зверь вцепился всеми четырьмя лапами в твердую кожу и принялся за свою страшную работу...

Много тысячелетии назад далекие предки махайрода уже хорошо знали, где находится у носорога та артерия, которую надо перегрызть. Она была здесь, под складками грубой кожи, более толстой, чем кора старых кедров, и более твердой, чем панцирь черепахи, непроницаемой для зубов тигра и самого сильного из тогдашних хищников – пещерного льва. Только эти длинные, острые, как сабли, клыки могли прорвать кожу чудовища, проникнуть глубоко в его тело...

Кровь брызнула фонтаном вышиной в локоть.

Огромное животное тщетно пыталось сбросить со своей шеи крепко вцепившегося хищника. Не достигнув цели, носорог внезапно упал на бок и покатился по земле.

Но махайрод был начеку. Яростно зарывчав, он отскочил в сторону, как бы бросая вызов этой страшной силе, которая в двадцать раз превосходила его собственную. Безошибочное чутье подсказывало хищнику, что жизнь покидает носорога вместе с потоком горячей крови, струившейся из зияющей на шее раны... Надо было только выждать.

Носорог с усилием поднялся на ноги и пошатнулся. И тогда дхولي, гиены, шакалы, волки и виверры с жадным урчанием придвинулись к месту битвы.

Побежденный колосс уже был для всех этих мелких хищников лишь гигантской грудой свежего мяса, достаточной для того, чтобы каждый из них мог насытиться. Махайрода, как и всех других крупных плотоядных, всегда сопровождали целые орды мелких хищников, питавшихся остатками его добычи.

Еще одно, последнее усилие... Чудовищный рог устремляется в сторону противника. Хриплый рев оглашает окрестность. Мощное туловище содрогается в предсмертной агонии. Затем наступает конец: поток крови слабеет и останавливается. Жизнь покидает огромное тело – и носорог, словно каменная глыба, рушится на землю.

Махайрод, раздирая когтями тушу, пожирает теплое мясо. Шакалы жадно лижут кровь, разбрызганную по земле, а дхولي, гиены, волки и виверры смиренно ждут, когда красный зверь насытится.

Глава 4 Люди и красный зверь

После гибели носорога Ун и Зур подбросили сучьев в костер и Ун улегся спать, охраняемый своим другом. Смерть уже не грозила им; страшное кольцо оскаленных морд и острых клыков сомкнулось теперь вокруг поверженного гиганта. Зур мог наблюдать, как звезды, которые в начале ночи горели над верхушками эбеновых деревьев, теперь спускались к реке. Менее отважный, чем Ун, сын Земли чувствовал, как его со всех сторон обступают неведомые опасности этой древней страны, где хищник ростом чуть выше леопарда способен одержать победу над таким чудовищем, как носорог...

Победитель насыщался долго. Ущербная луна в последней своей четверти поднялась из-за противоположного берега реки, когда махайрод отошел, наконец, от растерзанной туши. И в ту же минуту обезумевшие от долгого ожидания волки, гиены, шакалы и дхоли с дикими воплями, отталкивая друг друга, кинулись к брошенной хищником добыче. Казалось, они сейчас перегрызутся. Затем наступила тишина; звери словно заключили перемирие.

На мгновение махайрод повернул голову и взглянул на них полузакрытыми, сонными глазами, утомленный и сытый, с отяжелевшими челюстями. Внезапно он очнулся, сделал несколько шагов по направлению к огню, к этим странным двуногим существам, которые безотчетно раздражали его; но затем раздумал и, исполненный сознания своей непобедимой силы, растянулся прямо посреди поляны и заснул.

Зур недоверчиво рассматривал спящего хищника. Он спрашивал себя: не следует ли им с Уном воспользоваться тем, что зверь спит, и бежать. Но, поразмыслив, решил, что махайрод будет, вероятно, спать долго, и не стал будить Уна.

Постепенно уменьшаясь в размере, луна поднялась высоко в небе; в сиянии ее потускнели яркие звезды. Туша носорога стала заметно меньше; зубы хищников работали все с тем же усердием. При первых признаках утра Человек-без-плеч дотронулся до груди Улабра.

– У нас нет больше дров, – сказал он. – Огонь гаснет, а красный зверь спит. Уну и Зуру надо уходить.

Огромный Улабр встал на ноги и осмотрелся. Он увидел махайрода, неподвижно лежащего в двухстах шагах от их убежища, и ярость закипела в нем. Он вспомнил, как рычал хищник, присев перед пылающим костром, как его страшные зубы вонзились в шею толстокожего гиганта.

– Не следует ли Уну убить зверя, пока он спит? – вполголоса спросил Улабр.

– Он проснется прежде, чем будет нанесен удар, – ответил Зур. – Лучше обойти холм и уйти.

Ун колебался. Бегство представлялось ему чем-то унижительным. Ни Фаум, ни Нао не потерпели бы, чтобы такой небольшой с виду хищник подстерегал их, как добычу, целую ночь.

– Нао убил тигрицу и серого медведя, – сказал он мрачно.

– И тигрица и серый медведь обратились бы в бегство перед носорогом.

Ответ Зура охладил воинственный пыл молодого Улабра. Он приладил на плече копье, метательный снаряд и дротики, взял в руки массивную палицу. Бросив последний взгляд на спящего хищника, молодые воины поднялись на вершину холма и спустились с противоположной стороны. Хмурые, плохо выспавшиеся, они шли молча, с тоской вспоминая о далеком родном становище, затерявшемся по ту сторону гор.

День занимался. Небо на востоке побледнело; голоса хищников замолкли на берегах реки; травы и кустарники казались совершенно неподвижными...

Внезапно рычание разорвало утреннюю тишину. Ун и Зур обернулись и увидели махайрода. Что-то – может быть, уход людей – разбудило его, и он бросился в погоню за этими странными существами.

– Уну следовало убить красного зверя, пока тот спал! – сказал с досадой Улабр, снимая с плеча копье.

Зур молча опустил голову, сознавая, что на этот раз его осторожность оказалась пагубной. Он умоляюще посмотрел на Уна. Но молодой Улабр не был злопамятным. Его широкая грудь уже вздымалась от волнения при мысли о предстоящей схватке. Ведь Зур был как бы частью его само-

го. Они стояли плечом к плечу, и Ун испустил свой боевой клич:

– Сын Быка и сын Земли пронзят красного зверя копьём и разможат ему кости!

Махайрод не торопился нападать. Заметив, что двуногие существа остановились, он тоже замер на месте. Хищник видел, как люди сняли с плеч метательные снаряды и дротики, заметил, что их передние конечности странно удлинились.

Так же как и прошлой ночью, их членораздельная речь изумляла его. Он стал обходить противников, не приближаясь к ним.

– Красный зверь боится людей! – торжествующе крикнул Ун, потрясая одновременно копьём и палицей.

Злобное рычание ответило ему. Махайрод сделал два огромных прыжка. Но, прежде чем ему удалось прыгнуть третий раз, Ун и Зур метнули в него дротики. Один впился хищнику в бок, другой – в затылок. Разъяренный болью, махайрод кинулся на людей. Ун метнул копьё; оно вонзилось между ребрами зверя. Но копьё, брошенное Зуром, лишь оцарапало твердый, словно кремль, череп. Хищник очутился рядом с ними.

Одним ударом могучей лапы он повалил Зура на землю и вонзил ему в грудь свои страшные клыки. Ун обрушил на хищника тяжелую палицу, но удар пришелся в пустоту: махайрод успел отскочить в сторону. Хищник снова прыгнул; Ун отпрянул влево и снова взмахнул палицей, однако тяжелый дубовый комель лишь скользнул по плечу зверя. Махайрод упал на Уна, опрокинул его навзничь и, не удержавшись, покатился вместе с ним по земле. Но, прежде чем хищник снова бросился на него, Уламир успел подняться на одно колено. Зур слабеющей рукой кинул в зверя топор, и в то же мгновение Ун, держа палицу обеими руками, со страшной силой обрушил ее на голову махайрода... Раздался глухой треск; хищник, словно ослепленный, закружился на месте. Второй удар перебил ему шейные позвонки. Тогда Ун принялся наносить удар за ударом по ребрам зверя, по могучим лапам, по страшным челюстям...

Он остановился только тогда, когда бездыханное тело перестало вздрагивать...

Слабым и хриплым голосом Зур пролепетал:

– Он убил красного зверя... Ун сильнее Фаума... Ун так же могуч, как Нао, который отнял Огонь у племени Людоедов!

Слова друга опьяняли Уна. Ноздри молодого Уламира раздувались от гордости.

– Сын Быка будет великим вождем среди людей, – прерывающимся голосом прошептал Зур.

Жалобный стон сорвался с его губ; лицо стало серым, словно глина, и Человек-без-плеч потерял сознание. Видя, что кровь ручьем течет из груди раненого, Ун взволновался так, словно это была его собственная кровь. В памяти вихрем пронеслись бессвязные картины прошлого, долгие годы, прожитые вместе с Зуром. Он снова увидел леса, песчаные равнины, непроходимые чащи, болота и реки, где они бродили вместе и каждый был для другого надежной защитой...

Набрав свежей травы и сочных листьев, Ун растер их на камне и приложил к ранам друга. Веки Зура дрогнули и приподнялись. Он удивился, что лежит на земле, и стал озираться по сторонам, думая увидеть поблизости огонь костра. Потом, вспомнив все происшедшее, повторил слова, которые произнес перед тем, как потерять сознание:

– Ун будет великим вождем среди людей! – Затем, чувствуя слабость и боль, жалобно добавил: – Красный зверь разорвал грудь Зуру...

Ун продолжал перевязывать раны товарища. Огромный диск солнца поднялся из-за Большой реки. Ночные хищники исчезли. Обезьяны суетились среди густых ветвей, белоголовые вороны кружили над остовом носорога; два грифа парили в вышине. Травоядные просыпались от ночного

сна. Опасное время миновало: страшные хищники, пожиратели всего живого, крепко спали в своих логовищах.

Однако дневные часы также опасны для человека, если солнечный свет нестерпимо ярок и палящий зной сжигает землю. Нужно было перенести Зура в безопасное место, в тень.

Ун, как и все Уламы, считал пещеру самым надежным убежищем. Он принялся внимательно разглядывать простирившуюся вокруг них местность, надеясь обнаружить где-нибудь скалистую гряду или утес. Но кругом, насколько хватал глаз, лежала ровная степь, лишь изредка перемежавшаяся зарослями кустарников, небольшими пальмовыми рощами, купами баньянов, островками эбеновых деревьев или бамбуков.

Тогда, укрепив повязку из листьев и трав на груди Зура, Ун взвалил его на спину и пустился в путь. Идти было трудно: кроме раненого, приходилось нести на себе и все оружие. Но Ун унаследовал богатырскую силу Фаума и Нао.

Он шел долго, упрямо борясь с усталостью.

Время от времени молодой Уламы останавливался, опускал Зура на землю в тени дерева и, не теряя его из виду, взбирался на ближайший пригорок или большой валун, чтобы оглядеть местность.

Жара становилась нестерпимой, а вокруг по-прежнему не было видно ничего похожего на скалу или другую возвышенность.

– Зур хочет пить, – тихо сказал Человек-без-плеч, дрожа от лихорадки.

Ун направился к реке. В этот знойный час она казалась пустынной. Лишь кое-где можно было заметить гавиала, вытянувшего свое длинное чешуйчатое тело на песчаном островке, или гиппопотама, показавшегося на мгновение среди мутных, желтоватых волн.

Могучая река несла в бесконечную даль свои щедрые воды, дарившие жизнь тысячелетним деревьям, неутомимым травам и бесчисленному множеству живых существ. В вечном движении, как и сама жизнь, она неустанно гнала вперед буйные полчища волн, низвергая их через пороги и водопады.

Ун зачерпнул пригоршнями воды и напоил раненого. Потом спросил с тревогой:

– Зур сильно страдает?

– Зур очень слаб. Зур хотел бы уснуть...

Мускулистая рука Уна тихо легла на горячий лоб Друга.

– Ун построит убежище.

Кочуя в лесах, Уламы обычно устраивали на ночь укрытия из переплетенных ветвей. Ун принялся отыскивать крепкие лианы, обрубая их острым каменным топором. Затем выбрал три пальмы, которые росли рядом на пригорке, сделал топором зарубки на их гладкой коре и плотно переплел промежутки между стволами гибкими стеблями лиан. Получилось подобие треугольного шалаша, стены которого были упругими и прочными.

Ун работал с ожесточением весь остаток дня. Когда он позволил себе, наконец, короткий отдых, на реку уже ложились длинные вечерние тени. А ему еще надо было перекрыть шалаш толстыми крепкими лианами, способными выдержать тяжесть крупного хищника на тот короткий срок, который нужен охотнику для того, чтобы распороть зверю брюхо топором или вонзить ему острие копья прямо в сердце.

Зур продолжал метаться в жару. Временами он впадал в забытие и, внезапно очнувшись, бормотал отрывистые, бессвязные слова. Когда же сознание возвращалось к сыну Земли, он внимательно следил за работой Уна, подавая другу дельные советы, потому что Люди-без-плеч были более искусными строителями, чем Уламы.

Отдохнув немного, Ун подкрепился холодным мясом, зажаренным накануне, и снова принялся за работу. Он приладил к шалашу крышу из густо переплетенных лиан и соорудил с помощью двух толстых веток нечто вроде двери, которая должна была закрывать входное отверстие.

Солнце коснулось верхушек самых больших эбеновых деревьев, когда люди укрылись, наконец, в своем зеленом убежище. В просветы между лианами хорошо видна была Большая река, протекавшая на расстоянии трехсот шагов от хижины.

В этот прохладный вечерний час река была полна жизни. Чудовищные гиппопотамы подни-

мались со своих подводных пастбищ и выходили на сушу.

Большое стадо гауров утоляло жажду на противоположном берегу. В речных струях резвились дельфины с острым, словно клюв, рылом. Крокодил внезапно выполз из густых зарослей тростника и схватил желтоголового журавля. Макаки-резусы прыгали, словно одержимые, среди ветвей. Пестрые фазаны, сверкая золотым, изумрудным и сапфировым оперением, садились на землю близ тростниковых зарослей. Белые цапли летали, подобно хлопьям снега, над цветущими островками. Иногда охваченное паникой стадо антилоп-нильгау или оленей-аксис проносилось вдали, преследуемое стайкой дholeй либо четой гепардов.

Но вот у водополя появились дикие лошади с расширенными от вечного страха глазами. Жизнь этих животных полна тревог и опасностей, мускулы всегда напряжены. Они двигались резкими скачками, нервно насторожив уши; каждый шорох заставлял их вздрагивать. Несколько гаялов важно шествовали по опушке бамбуковой рощицы.

Вдруг страх овладел всеми животными: затрепетав, они огромными прыжками унеслись прочь. Пять львов спускались к водополю.

В полном одиночестве подошли хищники к берегу. Один только крокодил, пожиравший свою добычу, не обратил внимания на львов. Казалось, он даже не заметил их появления. Его огромное тело, покрытое жесткой чешуей и твердое, как ствол платана, с тупой мордой и неподвижными, словно стеклянными глазами, напоминало скорее обломок скалы, чем живое существо. Однако смутное чувство опасности заставило и его повернуть голову к неожиданным пришельцам. Мгновение крокодил колебался, затем, схватив добычу, погрузился с ней в воду.

Густые гривы украшали шеи двух львов. Это были самцы – коренастые и плотные, с головами, будто высеченными из камня. Львицы были ниже ростом, с гибкими и удлиненными телами. У всех пятерых были широко открытые желтые глаза, способные глядеть вперед, в одну точку, подобно глазам человека.

Хищники смотрели, как убегают от них вдали тучные стада травоядных. Они остановились на пригорке и протяжно, хрипло зарычали.

Громовые голоса самцов прокатились над широкой гладью Большой реки, заставив задрожать всех ее обитателей. Панический страх овладел всеми живыми существами в баньяновых и пальмовых рощах, в зарослях тростника, в глубоких заводях и на песчаных отмелях Большой реки. Обезьяны иступленно кричали в чаще ветвей.

Излив свой гнев и досаду, хищники продолжали путь. Самцы ловили расширенными ноздрями слабый ветерок; львицы, более нетерпеливые, обнюхивали землю. Вдруг одна из них почувствовала запах людей и, припав к земле, поползла к шалашу, наполовину скрытому высокими травами. Две другие львицы последовали за ней, в то время как самцы задержались позади.

Ун смотрел на приближавшихся хищников. Каждый из них был по крайней мере в пять раз сильнее человека; его когти – острее дротиков с костяными наконечниками, а клыки – сокрушительнее каменных топоров и деревянных копий. На мгновение Уна охватил страх от сознания, что он один.

Зур поднял голову. Ужас перед хищниками смешивался в его душе с горькой мыслью о том, что он не может ничем помочь Уну в предстоящей схватке.

Первая львица была уже близко. Не разобрав, что за странные существа скрываются среди густо переплетенных лиан, она принялась кружить вокруг убежища. Теперь, когда львица была рядом, Ун больше не боялся ее. Кровь сотен поколений воинов и охотников, которые умирали в когтях у хищников, сражаясь до последнего вздоха, бурлила в его жилах; глаза горели так же ярко, как у львицы. Потрясая топором, он бросил вызов свирепым хищникам:

– Ун вырвет у львов внутренности!

Зур сказал:

– Пусть сын Быка будет осторожен! Раненый лев забывает о страхе смерти. Надо поражать его копьём прямо в ноздри, когда он подойдет достаточно близко!

Ун почувствовал в словах друга всю мудрость племени Ва и опустил топор. Хитрая усмешка скользнула по его лицу.

Замерев на месте, львица старалась рассмотреть неведомое существо, обладающее столь

мощным голосом. Один из самцов зарычал; за ним – другой. Ун ответил протяжным боевым кличем. Теперь все хищники стояли перед хижинкой. Они хорошо знали силу своих мускулов и преимущество совместной охоты. И все же звери не спешили нападать.

Существа, бросившие им столь дерзкий вызов, продолжали оставаться невидимыми, и это смущало хищников.

Наконец одна из львиц, самая молодая, решила перейти в наступление. Она подошла ближе, обнюхала хижину и ударила лапой по сплетенным лианам. Зеленая стена прогнулась, но выдержала удар. И в ту же минуту острый конец копья с силой ударил хищницу по ноздрям. Львица отскочила назад, мяукая от ярости и боли; остальные смотрели на нее с тревожным удивлением. Мгновение звери стояли неподвижно; казалось, они забыли про людей. Затем один из самцов, зарывшись, сделал гигантский прыжок и очутился на крыше хижины, которая провисла под его тяжестью.

Ун прыгнул. Он ждал. И, когда страшная морда оказалась на расстоянии протянутой руки, сын Быка трижды, раз за разом, нанес удар по ноздрям хищника.

Обезумев от боли, ослепленный кровью, лев упал с крыши и покатился по земле. Скатившись с пригорка, он пополз прочь и исчез в густой траве.

– Если лев осмелится прыгнуть еще раз, Ун выколет ему глаза! – угрожающе крикнул Уламр.

Но хищники стояли в нерешительности. Скрытые среди лиан существа казались им все более загадочными и опасными. Их манера сражаться и голоса не напоминали ни одно из тех живых существ, которых львы подстерегают в засаде или убивают возле водопоя. Удары, наносимые этими странными существами, были нестерпимо болезненными.

Опасаясь близко подходить к хижине, львы все же оставались на месте. Скрытые в высокой траве или под ветвями могучих баньянов, хищники ждали, страшные в своем равнодушном терпении. Временами один из них спускался к реке напиться.

Снова стали появляться травоядные, правда на большом расстоянии. Берега Большой реки кишели пернатыми. Черноголовые ибисы выделялись своим белоснежным оперением на темном фоне речных заводей. Длинноногие марабу смешно приплясывали на зеленых островках. Бакланы внезапно кидались в воду и ныряли. В густых камышах прятались выводки нырков. Стайки журавлей с шумом проносились над скопищами белоголовых воронов. Попугаи, скрытые среди пальмовых листьев, пронзительно кричали...

Но вот с запада донесся глухой, постепенно усиливавшийся гул. Один из львов повернул голову и прислушался. Львица, затрепетав, вскочила на ноги. Все хищники глухо рычали.

Ун, в свою очередь, напряг слух. Ему показалось, что он слышит тяжелую поступь большого стада. Но внимание Уламра было по-прежнему приковано к окружающим хижину хищникам. Возбуждение зверей возрастало. Они снова приблизились к хижине и бросились на нее все разом. Голос Уна остановил их.

Снова послышался глухой гул, исходивший, казалось, из самых недр земли.

Молодой Уламр понял, что какое-то огромное стадо приближается к водопою. Он подумал о бизонах, населявших широкие равнины по ту сторону гор; затем о мамонтах, с которыми заключил союз Нао во время своего пребывания в стране Людоедов... Трубный звук донесся издалека.

– Это мамонты! – уверенно сказал Ун.

Дрожа от лихорадки, Зур тоже вслушивался в далекий гул.

– Да, это мамонты! – повторил он, но с меньшей уверенностью.

Львы вскочили на ноги. Несколько мгновений головы их оставались повернутыми к западу; затем, медленно ступая, звери двинулись вниз по течению реки. Скоро их желтые тела исчезли среди густых кустарников.

Ун не боялся мамонтов. Он знал, что они не убивают ни людей, ни травоядных животных, не трогают даже волков и леопардов. Очутившись на их пути, нужно только оставаться неподвижным и хранить молчание. Но, может быть, вид шалаша из лиан, в котором укрываются люди, раздражит гигантов? Ведь любой мамонт может одним ударом разрушить шалаш, одним движением уничтожить Уна и его товарища.

– Ун и Зур должны покинуть убежище? – спросил Уламр.

– Да, – ответил Человек-без-плеч.

Ун отвязал лианы, закрывавшие вход в убежище, выбрался наружу и помог выйти Зуру. Понесся треск ломаемых деревьев. Вдали смутно обрисовались массивные силуэты цвета глины. Скоро уже можно было различить огромные хоботы и головы, подобные каменным глыбам.

Стадо состояло из трех отрядов, возглавляемых шестью гигантскими самцами. Они топтали траву, кустарники и деревья, пробивали непроницаемые завесы баньяновых ветвей. Их кожа напоминала кору старых кедров; ноги были толще тела Уна, а туловище по объему равно туловищам десяти бизонов.

– У них нет гривы, – вполголоса проговорил Ун, – и бивни почти прямые. Они больше самых больших мамонтов!

– Это не мамонты, – ответил Человек-без-плеч, – это слоны.

Ун с тоской глядел на приближавшихся гигантов. Он чувствовал себя совершенно беспомощным, от обычной уверенности не осталось и следа. Неподвижный и безмолвный, склонившись над своим раненым другом, молодой Уламп ждал...

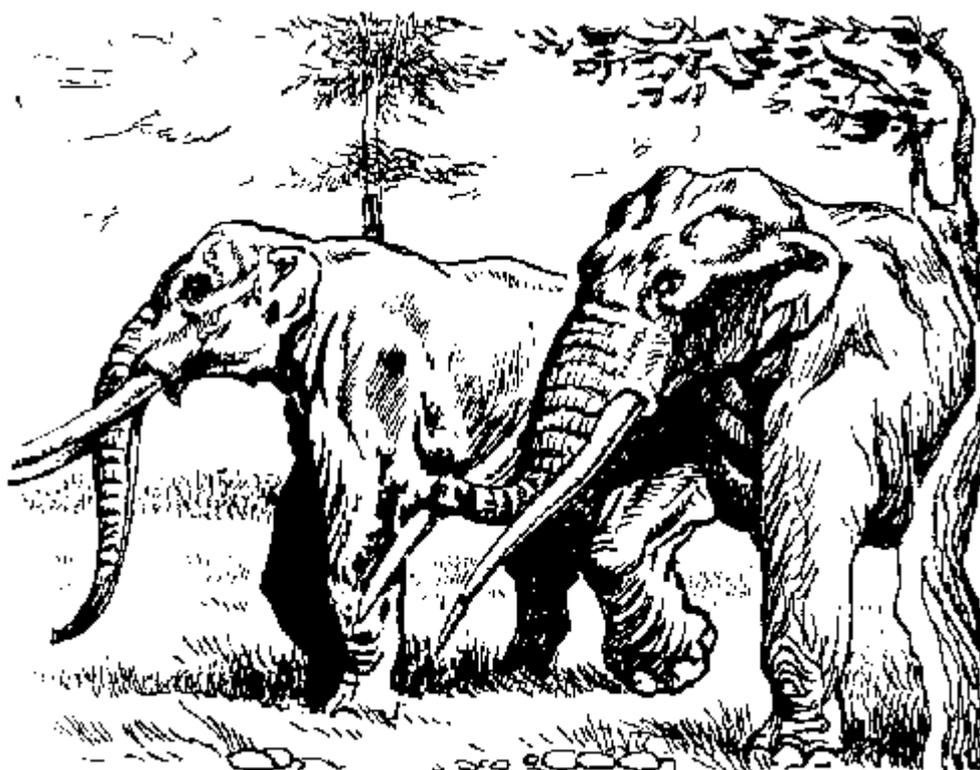
Шесть вожakov уже подходили к хижине. Темные глаза колоссов, не отрываясь, смотрели на людей, но во взгляде их не было недоверия. Может быть, они уже встречались с двуногими существами?..

Жизнь или смерть? Она надвигалась неумолимо. Если вожаки не свернут с пути, им достаточно сделать десять шагов, чтобы раздавить людей и превратить хижину в груды обломков.

Ун глядел прямо в глаза самому могучему вожаку. Он был выше всех ростом; его огромный хобот мог задушить буйвола так же легко, как питон душит оленя...

Гигант остановился прямо перед людьми. Остальные вожаки, как бы повинувшись ему, тоже замерли на месте. И вся колонна, медленно двигаясь, образовала вокруг людей широкий, слегка колеблющийся полукруг. Опустив палицу к ногам, низко склонив голову, Ун покорился своей участи...

Вожак шумно вздохнул и повернул вправо, в обход хижины. Огромные животные послушно последовали за ним. Каждый слон, в свою очередь, огибал препятствие. Ни один, даже самый молодой, не коснулся ни людей, ни их убежища.

Долго еще дрожала земля от тяжелой поступи гигантов. Буйные заросли трав превратились в зеленое месиво; кустарники и деревья гибли под ногами колоссов, Гиппопотамы бежали в страхе.

Громадный гавиал был отброшен в сторону, словно лягушка.

Вдали, на пригорке, видны были силуэты пяти львов, Они поднимали к багровому вечернему солнцу свои тупые морды и злобно рычали.

Скоро все стадо слонов погрузилось в прохладные речные струи. Волны устремились вспять, заливая берега; огромные хоботы с шумом набирали воду и поливали широкие спины... Затем гиганты скрылись в волнах.

На поверхности реки виднелись только чудовищные головы и мощные хребты, подобные гранитным валунам, принесенным с гор ледниками, стремительными потоками и горными обвалами.

– Нао заключил союз с мамонтами! – проговорил задумчиво Ун. – Почему бы сыну Быка не вступить в союз со слонами?

День угасал. Львы исчезли с пригорка. Неуклюжие быки-гауры и легконогие олени-аксисы торопились укрыться на ночь в безопасных убежищах. Солнце коснулось вершин далеких холмов. Хищники просыпались в своих логовищах.

Ун вернулся в хижину и увел с собой Человека-без-плеч.

Глава 5 Гигантский питон

Прошло три дня. Львы не появлялись больше. Слоны ушли в низовья Большой реки. Растоптанные гигантами травы и кустарники быстро оживали под горячими лучами щедрого солнца. Дичь кишела вокруг, и Уну достаточно было один раз метнуть дротик или копье, чтобы обеспечить себе и Зуру дневное пропитание.

Первое время лихорадка и бред больного друга омрачали настроение Уна. Но скоро раны затянулись и озноб перестал мучить Зура. На четвертый день сыну Земли стало лучше, и оба друга почувствовали себя счастливыми. Густая тень лиан и пальмовых ветвей давала приятную прохладу. Сидя у входа в хижину, Уламр и Человек-без-плеч наслаждались покоем, царившим вокруг, и думали о том, что Уламы никогда не будут знать голода в этой плодородной и прекрасной стране. Пурпуровые цапли искали в речных заводях водяные орехи; два черных аиста поднялись в воздух с противоположного берега. Стая желтоголовых журавлей пролетела мимо; алые ибисы бродили среди лотосов.

Вынырнув из прибрежной заводи, огромный питон медленно вытянул на берег свое длинное гладкое тело толщиной с человеческое туловище. Ун и Зур с отвращением рассматривали чудовищное пресмыкающееся, неизвестное доселе Уламам. Питон полз неторопливо, по-видимому без определенной цели, и, казалось, еще не вполне очнулся от долгого сна. Но Ун и Зур и не подозревали, что это грузное туловище способно передвигаться со скоростью бегущего кабана...

Все же, на всякий случай, друзья укрылись в своей зеленой хижине и оттуда наблюдали за действиями питона. Память не подсказывала им, велика ли сила этого гигантского пресмыкающегося, ядовит ли его укус, как укус тех змей, которые встречались по ту сторону гор, в странах Запада. В этой неизведанной стране питон мог оказаться сильнее тигра и ядовитее гадюки.

Питон приближался к хижине. Ун взял в руки палицу и дротик, но почему-то не подумал даже испустить боевой клич. В больших хищниках он чувствовал жизнь, подобную собственной, а это длинное, скользкое, лишненное конечностей туловище с маленькой головкой и неподвижным взглядом холодных глаз вызывало в нем непонятное чувство ужаса и отвращения.

Приблизившись к хижине, питон поднял голову и разинул огромную пасть с плоскими челюстями.

– Не пора ли нанести удар? – спросил Зура сын Быка.

Зур колебался. У себя на родине люди его племени уничтожали змей, разбивая им головы палицами; но что значили змеи тех стран по сравнению с подобным чудовищем?

– Зур не знает, – ответил наконец Человек-без-плеч. – Он думает, что не следует наносить удар, пока животное не напало на хижину.

Широкая плоская голова придвинулась вплотную к зеленой завесе и попыталась притис-

нуться между лианами. Ун взмахнул дротиком и вонзил его острый наконечник прямо в раскрытую пасть.

Питон отскочил с угрожающим шипением, бешено извиваясь всем своим чудовищным туловищем, и повернул к реке...

Молоденькая сайга вышла из кустов и пересекла поляну. Увидев ее, питон замер на месте. Сайга подняла свою горбоносую голову и втянула воздух. Запах людей встревожил ее; она повернула обратно, чтобы удалиться от хижины, и тут только заметила питона. Охваченная дрожью, сайга на мгновение застыла, словно парализованная, не в силах оторвать взгляда от неподвижных холодных глаз. Затем, опомнившись, кинулась в сторону. Но гибкое, скользкое туловище внезапно метнулось ей вслед с быстротой леопарда. Сайга споткнулась о камень, пошатнулась... Страшный удар сбил ее с ног... Однако, прежде чем смертоносные кольца успели обвиться вокруг него, животное вскочило и в смертельном страхе помчалось прочь, не разбирая дороги... Очутившись на краю речного обрыва, сайга оглянулась и увидела, что питон отрезал ей путь к отступлению.

Дрожа от ужаса, сайга бросила тоскливый взгляд на простирившуюся перед ней зеленую равнину. Всего лишь два удачных прыжка – и она спасена! Заметавшись, сайга сделала безуспешную попытку проскочить мимо питона по самому краю обрыва и вдруг, отчаявшись, огромным скачком перемахнула через препятствие...

Удар могучего хвоста настиг ее в воздухе, свалил на землю, и холодное скользкое туловище с молниеносной быстротой обвилось вокруг дрожащего, задыхающегося животного.

Через несколько минут все было кончено.

Глухой непонятный гнев охватил Уна, молча созерцавшего эту страшную картину. Если бы сайгу убил волк, леопард или даже махайрод, – сердце молодого Улабра не дрогнуло бы. Но победа этой холодной скользкой твари возмущала его до глубины души. Он дважды нагибался, чтобы выйти из убежища, и всякий раз Зур удерживал друга за руку.

– У сына Быка и сына Земли много пищи. Что будет с нами, если Ун, подобно Зуру, будет ранен?

Ун уступил нехотя. Он и сам не понимал причины гнева, так безудержно овладевшего им. Это было похоже на боль от раны.

Но Улабр не имел представления о силе гигантского пресмыкающегося. Одним ударом хвоста питон свалил на землю сайгу; не случится ли то же самое с человеком, который отважится вступить в единоборство с этим чудовищем?

Тем не менее молодой воин оставался мрачным.

– Ун и Зур не могут больше оставаться здесь! – сказал он, когда питон скрылся со своей добычей в густых тростниках. – Нам нужно найти пещеру...

– Зур скоро поправится!

Часть вторая

Глава 1

Пещерный лев

Прошло два дня. Зур все еще был слаб, но уже мог держаться на ногах. Теперь Ун имел возможность надолго покинуть хижину, чтобы разведать местность вниз по течению Большой реки.

Он прошел вдоль берега более пятнадцати тысяч шагов, но ему так и не удалось найти надежного убежища. Правда, кое-где у воды высились отдельные скалы, однако расселины и углубления в них были слишком узки и малы, чтобы дать приют человеку. Зур уже подумывал о том, чтобы вырыть убежище в земле. Но это было бы слишком долгим и трудным делом, и, кроме того, Улабры всегда испытывали отвращение к подобного рода жилищам. Поэтому друзья удовольствовались тем, что укрепили, сколь возможно, хижину из лиан, сделав ее неприступной даже для крупных хищников. И все же слон, носорог, гиппопотам, стадо гауров или буйволов легко могли разрушить ее. Само местоположение хижины привлекало к ней внимание хищников, рыс-

кавших вокруг в прибрежных зарослях и чащах.

Близился конец весны. Неистовый зной солнечных лучей обрушивался на воды Большой реки; нездоровые испарения поднимались по ночам с ее поверхности к звездному небу, и туман окутывал окрестности непроницаемой пеленой еще долгое время после того, как на востоке загоралась заря.

В одно жаркое утро Зур почувствовал, что силы его восстановились. Подойдя к Уну, с тоской смотревшему вдаль сквозь окружавшие хижину зеленые заросли, Человек-без-плеч сказал:

– Сын Земли готов следовать за Уном!

Молодой Уламр с радостным восклицанием вскочил на ноги и стал собирать разбросанное на полу хижины оружие.

...Густой туман еще лежал на широкой речной глади. Молодые гиппопотамы с довольным ворчанием резвились в заводях. Стаи птиц стремительно проносились мимо. Ун и Зур выбрались из хижины и двинулись вниз по течению Большой реки.

В полдень друзья расположились на отдых под сенью скипидарных деревьев. У них был запас сушеного мяса, съедобных корней и грибов, которые они поджарили на маленьком костре из сухих сучьев. Ун поглощал пищу с радостной торопливостью молодого волка. Зур же ел медленно, наслаждаясь ароматом еды и ее вкусом.

Вокруг царила полуденная тишина. Все живое словно оцепенело от зноя. Слышался лишь неумолчный говор речных струй да сухой треск цикад.

Зур, еще слабый после полученных ран, скоро уснул. Но сын Быка бодрствовал, охраняя сон друга.

Когда тени деревьев на равнине удлиннились, Ун и Зур снова пустились в путь и шли до тех пор, пока синие сумерки не окутали землю. Назавтра и в последующие дни они упорно продолжали двигаться вниз по реке, продираясь сквозь джунгли, обходя болота, переправляясь через ручьи и речки, впадавшие в Большую реку, прокладывая себе дорогу в густых кустарниках.

Наутро девятого дня путники увидели вдали скалистую гряду, тянущуюся более чем на тысячу шагов по самому берегу реки. Острые вершины вздымались высоко к небу. С другой стороны гряды скалистые отроги доходили до самой опушки густого леса. Два глубоких ущелья прорезали каменную громаду. В расселинах гнездились соколы и орлы.

Ун громко вскрикнул от радости. Он унаследовал от своих предков любовь к каменным жилищам, расположенным близ текущих вод. Зур, более спокойный, внимательно рассматривал местность. Они обнаружили несколько нависших над рекой утесов, похожих на те, которые служили укрытием для племени Уламров, когда в скалах не оказывалось подходящей пещеры. Но для двух человек такое укрытие не было достаточно надежным.

Ун и Зур шли вдоль скалистой гряды, тщательно исследуя каждое углубление, каждую трещину в базальтовых скалах. Они знали, что иной раз небольшое отверстие ведет в глубокую и обширную пещеру.

Зоркий глаз Уна скоро заметил в отвесной скале расселину, расположенную на довольно большой высоте. Узкая внизу, она постепенно расширялась кверху. Для того чтобы добраться до нее, надо было сначала подняться на горизонтальный выступ скалы, а затем вскарабкаться по каменной стене на небольшую площадку, где могли свободно поместиться трое человек.

Молодые воины без труда поднялись на горизонтальный выступ; но для того чтобы достичь площадки, Учу пришлось встать на спину Зуру. Очувтившись наверху, молодой Уламр попытался протиснуться в расселину. Некоторое время он продвигался боком, затем проход расширился, и Ун оказался в низкой, но обширной пещере. Он осторожно обошел ее кругом и внезапно остановился перед углублением в задней стене: узкий подземный коридор, круто спускаясь вниз, уходил в темноту.

Прежде чем продолжить дальнейшее исследование, Ун решил поднять на площадку Зура. Он выбрался наружу и сказал:

– Пещера большая, но у нее, возможно, два выхода. Ун еще не видел конца прохода...

И, нагнувшись, он протянул Зуру копьё. Ухватившись за его конец, Человек-без-плеч поднялся по отвесной стене, цепляясь ногами за шероховатости камня. По мере того как он подни-

мался, Ун выпрямлялся и отступал назад, к входному отверстию.

Когда Зур очутился наконец на площадке, Уламр повел его в глубь пещеры, к подземному коридору. Темнота мешала им двигаться быстро; слабый запах хищного зверя вызывал беспокойство. Они уже подумывали о возвращении, как вдруг увидели внизу, в конце прохода, тусклый свет.

– У пещеры есть другой выход, – прошептал Зур.

Ун с огорчением кивнул головой, продолжая осторожно продвигаться вперед. Спуск стал более пологим; свет, вначале слабый, постепенно усиливался. Он шел из длинной зигзагообразной щели в скале, слишком узкой, чтобы сквозь нее мог протиснуться человек. Несколько летучих мышей, испуганных появлением молодых воинов, носились с пронзительным писком над их головами.

– Ун и Зур – хозяева пещеры! – громко воскликнул сын Быка.

Зур заглянул в щель, пытаясь рассмотреть, что находится за ней. Внезапное рычание заставило его отпрянуть: в обширной пещере он увидел огромного зверя, напоминавшего одновременно и тигра и льва. У него была густая черная грива, мощная грудь, более широкая, чем у гаура, длинное и гибкое туловище. Ростом и массивностью мускулов зверь превосходил всех известных Уламрам хищников. Огромные глаза горели в полумраке то желтым, то зеленым огнем.

– Пещерный лев! – в страхе прошептал Зур.

Зверь стоял перед щелью и яростно хлестал себя по бокам длинным хвостом.

Ун, в свою очередь, посмотрел на хищника и сказал:

– Это лев-великан!

Он снял с плеча копьё и хотел метнуть в зверя, но Зур удержал его руку:

– Ун не может нанести сквозь щель достаточно сильный удар, чтобы убить пещерного льва. Ему даже трудно будет попасть в него.

И сын Земли указал на выступы базальта, которые могли ослабить или остановить полет копья. Но Ун и сам понял, как опасно было бы бессмысленно раздражить хищника. Разъярившись, он мог покинуть логово и отправиться на поиски нарушителей своего спокойствия.

Зверь тем временем стал успокаиваться. Он, по-видимому, был сыт и не собирался выходить на охоту этой ночью: наполовину съеденная туша онагра валялась у выхода из пещеры, в груде обглоданных костей.

– Быть может, Ун и Зур смогут поставить зверю ловушку? – пробормотал Человек-без-плеч.

Еще несколько мгновений до них доносилось громкое, хриплое дыхание хищника. Затем лев отошел от стены и лениво улегся на полу пещеры, среди разбросанных костей. Гнев его проходил быстро; ни разу в жизни могучему хищнику не довелось испытать страх перед другим живым существом. Ни один зверь не осмеливался противостоять его чудовищной силе, разве что носорог, безрассудный в своей слепой ярости. Огромные слоны, правда, не боялись пещерного льва, но всегда избегали единоборства с ним. Вожаки гауров, гаялов и буйволов, бесстрашно защищавшие свои стада от тигров и леопардов, содрогались от ужаса при встрече с пещерным львом. Он был неизмеримо сильнее всех других хищников.

Существа, находившиеся по ту сторону базальтовой стены, напоминали по запаху гиббонов или резусов – животных слабых и беззащитных, которых пещерный лев мог убить одним ударом могучей лапы.

Ун и Зур вернулись в верхнюю пещеру. Близкое соседство хищника вселяло в них мучительное беспокойство. Правда, пещерный лев жил по ту сторону скалистой гряды и, вероятно, никогда не охотился днем, но случайная встреча всегда была возможна. И это убежище, такое удобное и безопасное, доступное лишь людям, летучим мышам и птицам, теперь оказывалось сомнительным и ненадежным.

И все же молодые воины решили не покидать пещеру до тех пор, пока не найдут другую, более подходящую.

Сын Быка сказал:

– Ун и Зур будут выходить из убежища только тогда, когда увидят, что пещерный лев уснул в своем логове.

– Пещерный лев слишком тяжел, чтобы лазать по деревьям, – добавил Зур. – Здесь кругом лес и мы всегда сумеем укрыться среди ветвей.

Несколько дней молодые воины прожили спокойно. Зур собирал съедобные корни и плоды растений, Ун добывал свежее мясо и приносил дрова для костра. Вечером они разводили огонь на площадке перед входом. Яркие отблески пламени отгоняли прочь рыскавших по равнине хищников, отпугивали летучих мышей, орлов и сов, обитавших в расселинах скал.

Несколько раз в сутки Зур спускался по подземному коридору и наблюдал за логовом пещерного льва. Громадный хищник не проявлял больше гнева или нетерпения при виде человека. Запах молодого воина стал для зверя привычным и не тревожил даже во время сна. Иногда он подходил к щели и старался рассмотреть своими горящими глазами смутные очертания фигуры и лица человека.

Однажды вечером сын Земли сказал ему:

– Ун и Зур – не враги пещерного льва!

Встревоженный звуками человеческой речи, хищник заворчал и царапнул когтями базальтовую стену.

– Пещерный лев сильнее Зура, – продолжал Человек-без-плеч. – Но Зур хитер... Если пещерный лев, сын Земли и сын Быка заключат между собой союз, никакая дичь не ускользнет от них.

Он говорил так без особой надежды на успех. Смутные воспоминания теснились в мозгу юноши. С детства он слышал рассказы о том, что в прежние времена люди племени Ва часто жили по соседству с крупными хищниками, а иногда даже охотились вместе с ними. Все племя Уламров знало, что Нао, сын Леопарда, некогда заключил союз с мамонтами. Зур мог часами размышлять об этом, особенно в спокойные дни. Он часто мечтал заключить союз с каким-нибудь могущественным животным, подобно тому, как это делали в свое время его предки или Нао. Но сам Нао не пытался больше дружить с мамонтами. Сделавшись вождем Уламров, он скоро забыл о своем путешествии с Намом и Гавом и думал только о том, как бы найти для племени плодородные и богатые дичью земли, где люди могли бы жить в покое и довольстве. Племя становилось все многочисленнее и охотиться стало труднее. Животные сделались пугливыми и держались на слишком большом расстоянии от охотников. Овладеть добычей можно было лишь с помощью хитрости: ставить ловушки, строить западни, рыть ямы...

Здесь, в этой пещере, Зур мог без всякого риска для себя дотронуться до самой морды пе-

щерного льва. Ему стоило лишь подойти вплотную к щели в скале и протянуть руку. Громадная фигура пещерного льва, его мощная грудь, величественная, словно высеченная из базальта голова, зеленый огонь его зрачков перестали пугать Зура. Всем своим существом он ощущал, что и сам становится для хищника знакомым. Говоря по правде, сын Земли предпочел бы заключить союз с каким-нибудь менее грозным хищником, но выбрать не приходилось...

Приближалось лето. Свирепый зной обрушивался на землю. Он иссушал безводные степи, умножал и без того буйную растительность густых лесов, джунглей и сырых саванн. Непроходимые заросли скрывали берега Большой реки. В зеленых чащах с ужасающей быстротой размножались всевозможные животные. Тысячи рептилий, моллюсков и земноводных копошились в сыром иле прибрежных заводей. Неисчислимые стада травоядных устремлялись из сухих степей на тучные пастбища у речных берегов.

Львы, тигры и другие хищники, не обращая внимания на присутствие пещерного льва, охотились вблизи скалистой гряды.

Ун и Зур покидали пещеру только по утрам, когда хищники спали, и возвращались в нее задолго до наступления темноты. Они узнали, что в дальнем лесу жил черный лев с двумя львицами, а у слияния Большой реки с ее притоком – тигр и тигрица. Иногда во мраке летней ночи слышалось рычание приближающегося льва или пронзительный крик тигра; пещерный лев отвечал им своим громовым голосом.

В эти ночные часы Ун и Зур снова начинали думать о том, что им необходимо как можно скорее найти другое, более надежное убежище. Но едва лишь занималась заря, они забывали о страшных ночных голосах. Добыча делалась все обильнее: опасные хищники засыпали задолго до наступления утра.

Зур говорил:

– В другом месте будут другие львы, другие тигры или махайроды... Но найдут ли сын Быка и сын Земли такую же удобную пещеру?

Ун ничего не отвечал на слова друга. Он мечтал о новых походах, хотел разведать новые земли. Иногда по утрам, во время охоты, он спускался вниз по течению, до места слияния Большой реки с ее притоком. Он смотрел издали на скалы, где находилось логовище львов, и страстное желание сразиться с хищниками внезапно охватывало его. Несколько раз молодой Уламп поднимался вверх по течению притока, удаляясь на две-три тысячи шагов от того места, где жили львы. Случалось, он переправлялся на другой берег вплавь либо прыгая с одного валуна на другой. Ему хотелось во что бы то ни стало узнать, какие степи и леса скрыты за туманной далью, какие звери там водятся, хороша ли охота. Он с тоской всматривался в синюю полосу леса, закрывающую горизонт, и, вернувшись в пещеру, долго не мог найти себе места.

Во время этих отлучек Зур сушил на солнце нарезанное узкими полосками мясо и собирал съедобные растения. Несколько раз в день он спускался по подземному коридору, подходил к щели и, найдя пещерного льва бодрствующим, разговаривал с ним, приучая хищника к звукам человеческой речи.

В один из жарких дней, в послеполуденное время, Зур был удивлен тем, что Ун долго не возвращается с охоты. Соскучившись, он спустился из пещеры на равнину с помощью сырмятных ремней. Сначала сын Земли направился к месту слияния Большой реки с ее правым притоком, но многочисленное стадо буйволов преградило ему дорогу. Зур хорошо знал, что эти животные при малейшей тревоге становятся опасными. Он обошел стадо стороной и собирался продолжать путь на юг, как вдруг из высокой травы ему навстречу вышел носорог. Зур поспешил укрыться под гигантским баньяном; тяжеловесный зверь последовал за ним. Тогда Зур взобрался на бугор, обогнул большое болото, углубился в густой кустарник и неожиданно оказался по ту сторону скалистой гряды, неподалеку от логовища пещерного льва.

Носорог остался далеко позади. Зур принялся с любопытством рассматривать местность, куда они с Уном никогда не отваживались забираться. Скалистая гряда с этой стороны выглядела более дикой и была сильно изрезана и изрыта. Два сокола то кружили над скалами, то взмывали, почти не шевеля крыльями, к пышному белому облаку. Косые лучи заходящего солнца освещали багровым светом причудливо выветрившиеся базальтовые утесы и пышную растительность у их

подножия. Лежа на земле, в тени дерева, Зур смотрел на скалы и старался догадаться, где может быть вход в логовище пещерного льва. Слева от Зура было болото, заросшее густым тростником, справа простиралась изрытая, изборожденная складками местность, усеянная невысокими буграми. От скалистой гряды отходили в разных направлениях островерхие базальтовые отроги, похожие на полуобвалившиеся каменные стены, увенчанные острыми зубцами... Пещерный лев, вероятно, дремал в своем логове в ожидании часа, когда над остывающей от дневного жара землей зазвучат голоса пробудившихся хищников.

Внезапно волосы Зура поднялись дыбом. На вершине самого большого бугра показалась коренастая фигура льва. То был не желтый лев, вроде тех, что нападали когда-то на их хижину из лиан, но огромный черный зверь незнакомой породы. Под деревом, где лежал Зур, трава была короткой и редкой. Лев увидел человека.

Зур, словно парализованный, приник к земле. Он не обладал ни силой, ни стремительностью Уна; удар его копыта не мог пробить широкую грудь льва; палица не способна была раздробить позвонки, размогнуть череп или лапы хищника. Надо было спастись бегством: дерево, под которым он находился, оказалось слишком низким, чтобы можно было укрыться в его ветвях. Там, вдалеке, Зур видел зубчатую каменную стену, которая могла привести его к вершинам скалистой гряды по узкому гребню, недоступному для громадного хищника.

Вскочив на ноги, Человек-без-плеч побежал что было сил к ближайшему отрогу. Лев, рыча, стал спускаться с бугра. Зур добежал до подножия базальтового утеса; полуобвалившаяся каменная стена скрыла его на время от глаз черного льва. На бегу сын Земли внимательно вглядывался в зубцы и трещины, усеивавшие крутые склоны. Пробежав около тысячи шагов, Зур оглянулся: позади никого не было. Должно быть, лев, потеряв его из виду, остановился в нерешительности. А быть может, ленивый, как все его сородичи, он и вовсе отказался от преследования? С вспыхнувшей в сердце надеждой Зур поспешил к базальтовой стене. Внезапное рычание заставило его содрогнуться, и, оглянувшись, он снова увидел позади себя черную фигуру хищника. Зверь мчался большими скачками, разгоряченный погоней и упорный в преследовании намеченной жертвы. Хриплое, прерывистое дыхание хищника слышалось все явственнее: лев настигал человека.

Внезапно внимание беглеца привлекли три выступа в каменной стене. Они были расположены словно обломанные сучья на дереве и вели к острому гребню базальтового утеса.

Зур высоко подпрыгнул, добрался до первого выступа, поднялся, цепляясь руками и ногами, до второго, затем до третьего выступа, подтянулся на руках до четвертого и очутился на гребне базальтовой стены. Лев был совсем близко... Он сделал громадный скачок и тяжело рухнул обратно; базальтовый утес, почти отвесный, не давал никакой опоры для его массивного тела. Трижды возобновлял хищник свою попытку, затем, рыча от бессильной ярости, отступил. Минуту человек и зверь пристально смотрели в глаза друг другу...

Сидя верхом на остром базальтовом гребне, сын Земли спрашивал себя, следует ли ему оставаться здесь или спуститься с противоположной, более пологой стороны утеса. Ведь, в конце концов, лев мог найти к нему дорогу либо снизу, либо сверху.

Зур раздумывал ровно столько времени, сколько лев оставался в нерешительности. Как только хищник принялся рыскать у подножия утеса, Зур решил и, скатившись с крутого откоса, побежал на север. На бегу он лихорадочно вглядывался в каменные трещины и расселины, все еще надеясь обнаружить какое-нибудь убежище...

Черный лев не показывался. Может, он до сих пор не нашел прохода среди обломков базальтовой стены? Зур вряд ли спрашивал себя об этом... Он стремительно приближался к скалам...

Он был шагах в пятидесяти от их подножия, когда услышал сзади рычание и понял, что погоня возобновилась. Черный лев, обогнув каменный отрог, снова увидел человека. Он несся громадными прыжками, приминая высокую траву.

В базальтовых скалах по-прежнему не было видно ни одного подходящего углубления или расселины... Зур продолжал бежать, повинувшись лишь смутному инстинкту самосохранения.

Базальтовая стена уже совсем близко... И вдруг Зур увидел прямо перед собой зияющее отверстие в скале. И тут же услышал за спиной хриплое дыхание хищника и шорох раздвигаемых трав...

Зур остановился. Сердце его билось неровными, частыми толчками, голова кружилась, ноги подкашивались. Скалы, деревья и кустарники плыли перед расширенными от ужаса глазами. Он чувствовал себя беззащитным, словно ибис в когтях орла. У него не было с собой никакого оружия. Острые клыки хищника сейчас вопьются в его тело...

Мгновение кажется длиннее вечности. Зур должен сделать выбор. Позади, за спиной, – черный хищник; впереди – вход в логовище пещерного льва. Времени на размышления нет; только пять-шесть прыжков отделяют от него преследователя. И, внезапно решившись, Зур с головокружительной быстротой бросается вперед...

Он исчезает в зияющем отверстии пещеры, словно воробышек в пасти кобры.

Два громовых рычания угрожающе звучат впереди и позади него. Там, в багровом свете заходящего солнца, четко обрисовывается силуэт черного льва. Исполинская фигура выходит ему навстречу из темной глубины пещеры. Два гигантских прыжка, царапанье могучих когтей по базальту, страшное щелканье зубов – и пещерный лев уже торжествует победу. Черный хищник перевернулся через голову, скатился вниз и удаляется ползком; из глубокой раны на левом плече течет струя горячей крови, обрызгивая зеленые травы... Стоя у входа в логовище, пещерный лев, высоко подняв свою царственную голову, смотрит, как убегает дерзкий враг, и громовый рев победы вырывается из его могучей груди.

Вряд ли Зур видел эту битву гигантов. Он знает только, что победителем остался хозяин пещеры. Обессиленный, лежит он, раскинув руки, на каменном полу пещеры и ждет... Он знает, что спасения нет. Ни надежды, ни отчаяния в его душе. Зур готов к смерти; он покорился ей, как некогда покорялся боли, когда махайрод раздирал ему клыками грудь.

Еще минуту исполин грозно рычит, стоя у входа, затем поворачивается и медленно, тяжелыми шагами возвращается в пещеру, зализывая на ходу царапину, оставленную когтями врага. Он видит человека, простертого на земле... обнюхивает его, опускает ему на плечо свою громадную лапу... Он может растерзать это трепещущее тело – человек не будет сопротивляться... Но зверь не трогает Зура. Дыхание его спокойно. И сын Земли догадывается, что пещерный лев узнал запах, который просачивался каждый день в его логово сквозь щель в базальтовой стене.

Надежда на спасение вновь пробуждается в молодом Ва... Он смотрит снизу вверх на величественную голову хищника и, вспомнив, что пещерный лев всегда с интересом прислушивался к звукам членораздельной человеческой речи, говорит слабым голосом:

– Зур словно сайга в когтях у пещерного льва...

Дыхание зверя делается громче; он тихо снимает с плеча Зура свою мощную лапу. Близость, которая установилась между ними в те времена, когда базальтовая стена разделяла их, приняла новые формы. Сын Земли чувствует, что каждая минута увеличивает его шансы на спасение. Если зверь не растерзал его сразу, значит, он не считает Зура добычей. Между могучим хищником и человеком заключен союз...

Время идет. Багровый шар солнца закатывается за дальние холмы. Но огромный хищник по-прежнему не трогает Зура. Сидя перед сыном Земли, он слушает знакомые звуки человеческой речи. Иногда он склоняет голову и обнюхивает Зура, словно хочет еще раз удостовериться, что это он. Иногда, втянув когти, зверь ласково трогает человека своей могучей лапой; так же ласково, как когда-то в материнском логове, играя с теми, кто родился в один день с ним. И всякий раз сердце Зура снова сжимается от страха. Но страх постепенно проходит...

Сумерки южной ночи сгущались быстро. Свет у входа в пещеру стал синим, затем темно-лиловым. Две звездочки замерцали на потемневшем небе, и ночной ветерок овеял прохладой базальтовые скалы...

Пещерный лев поднялся на ноги. Это был час охоты, Зеленые огоньки вспыхнули в его глазах, ноздри расширились. Ночь, полная добычи, манила хищника. И Зур понял, что для него снова наступила минута между жизнью и смертью. Если он покажется пещерному льву добычей, подобно бесчисленному множеству травоядных, спрятавшихся в густых зарослях и чащах, – сын Земли никогда не увидит Уна. Несколько раз хищник, тяжело дыша, возвращался к Зуру; горевшие зеленым огнем глаза пристально вглядывались в хрупкий силуэт человека... Наконец, издав короткое рычание, зверь вышел из пещеры, и его массивная фигура растворилась в непроглядной тьме тропической ночи.

Бурная радость овладела молодым воином:

– Пещерный лев заключил союз с Зуром!.. – Он бросился к трещине в стене и громко позвал: – Ун!

Послышались поспешные шаги. Красноватый свет факела озарил пещеру. Сын Быка увидел Зура в львином логове и вскрикнул испуганно:

– Зачем Зур пришел сюда? Пещерный лев растерзает его!

– Нет, – ответил Человек-без-плеч.

И он рассказал другу, как попал в пещеру. Потрясенный Ун слушал затаив дыхание эту необычайную повесть, более удивительную, чем история дружбы Нао с вожаком мамонтов...

Когда Зур кончил рассказ, Ун сказал с гордостью:

– Ун и Зур теперь также могущественны, как вождь Уламров!.. – Затем беспокойство снова овладело им: – Зур не должен больше оставаться в львином логове, – заявил он. – Я выхожу ему навстречу.

Друзья сошлись у южной оконечности скалистой гряды. Затем, вернувшись к себе, развели большой огонь на площадке перед входом и долго сидели у костра, наслаждаясь, как никогда, чувством покоя и безопасности.

А внизу, во тьме джунглей, за каждым деревом и кустом, таились, подстерегая добычу, ночные хищники, и травоядные с жалобными криками спасались от преследователей, прятались в густых зарослях и чащах или гибли в когтях безжалостных врагов.

Глава 2

Тигр и пламя

Теперь Ун и Зур часто спускались по подземному коридору к щели в базальтовой стене. Если пещерный лев бодрствовал, они окликали его и говорили с ним по очереди, заглядывая в расщелину. В первое время присутствие Уна вызывало у хищника неудовольствие и беспокойство; громкое дыхание вырывалось из широкой груди; иногда зверь глухо рычал, охваченный гневом и недоверием.

Но постепенно он привык к запаху второго человека. И если теперь лев и подходил иногда вплотную к щели, то только потому, что чувствовал уже смутную симпатию к этим странным

двуногим существам, и еще потому, что даже хищники испытывают подчас тоску одиночества.

Однажды вечером Ун сказал:

– Надо возобновить союз с пещерным львом... Ун и Зур пойдут к нему в тот день, когда у зверя будет удачная охота.

Зур не возразил ничего, хотя по натуре своей был менее склонен рисковать жизнью, чем Ун. Но союз с пещерным львом он считал своим кровным делом и часто думал о нем с радостью и гордостью.

Однажды утром они увидели в львином логове тушу большой антилопы. Одной задней ноги ее оказалось достаточно, чтобы хищник насытился. Зверь крепко спал, усталый после охоты и отяжелевший от сытости.

– Мы пойдем к нему в пещеру, когда он проснется, – сказал Ун. – Он не будет испытывать голода в ближайшие две ночи.

Молодые воины думали об этом все утро, бродя по берегам Большой реки или отдыхая под защитой базальтовых утесов.

В полдень Ун и Зур заснули крепким сном в своей пещере, затем долго сидели, погруженные в смутные грезы, на площадке перед входом. Раскаленные солнцем скалы медленно остывали по мере того, как тени их удлинялись. Свежий ветерок прилетел с реки и овеял прохладой обнаженные тела людей. Ун и Зур думали о родном становище, затерянном далеко в горах; вспоминали случаи на охоте, переселение Уламов на юго-восток, горную цепь, вставшую на их пути, подземную реку, вдоль которой они пробирались при свете факелов, и яркие картины жизни в новой стране, где сейчас находились.

Но чаще всего они думали об исполинском хищнике, обитающем по ту сторону скалистой гряды, и с нетерпением ждали наступления вечера.

Когда солнце склонилось к западу, Ун и Зур спустились по подземному коридору. Хищник уже проснулся и снова принялся за еду.

– Идем к нему! – сказал Ун.

Сын Земли уступил желанию друга. Его решение зрело медленно, но, когда оно было принято, Человек-без-плеч рисковал своей жизнью так же бесстрашно, как Уламр.

Они вышли на площадку перед входом и спустились к подножию скалистой гряды. Олени и антилопы, утолив жажду у водопада, искали убежища на ночь. Пронзительно кричали птицы, перелетая с ветки на ветку или прячась в густой листве. Большой гиббон пробежал между деревьями и быстро вскарабкался на высокую пальму.

Ун и Зур обогнули скалистую гряду и очутились перед входом в львиное логовище.

Ун сказал:

– Я пойду первым.

Это вошло у него в привычку. Всегда, в случае опасности, широкая грудь Уламира заслоняла Зура и защищала его от гибели. Но на этот раз сын Земли воспротивился:

– Пещерный лев знает меня больше. Будет лучше, если я окажусь между ним и Уном...

В отношениях между друзьями, не было ложной гордости или самолюбия. Каждый ценил в другом те качества, которых не хватало ему самому, и умел пользоваться этими качествами в случае необходимости. Ун признал, что Зур прав, и уступил.

– Иди! – сказал он.

Они посмотрели друг другу в глаза. Ун держал палицу в левой руке и самое крепкое свое копье в правой. В эту решающую минуту Уламр отчетливее, чем его товарищ, чувствовал, какая смертельная опасность грозит им...

Тихими шагами приблизился Зур к чернеющему в базальтовой скале отверстию. Мгновение его фигура четко выделялась на темном фоне входа, затем густая тень поглотила ее. Сын Земли снова стоял лицом к лицу с царственным зверем.

Пещерный лев бросил свою добычу. Глаза его, вспыхнувшие зеленым огнем, впились в узкую фигуру Человека-без-плеч.

Зур сказал вполголоса:

– Люди пришли возобновить союз с пещерным львом. Близится период дождей, когда дичь

попадаетея редко и ее трудно добывать. Тогда пещерный лев соединит свою силу с умом и хитростью Уна и Зура.

Гигантский хищник полузакрыв и снова открыл глаза. Затем поднялся во весь рост и, медленно ступая, подошел к человеку. Голова его коснулась плеча Зура, и Зур положил свою руку на жесткую гриву.

Самые свирепые звери испытывают чувство доверия и симпатии к тому, кто дотронется до них. В душе сына Земли нет больше страха. Несколько раз он повторяет свой жест и медленно гладит густую гриву зверя. Пещерный лев стоит неподвижно, дыхание его спокойно.

И все же Зур не спешит позвать Уна. Но вдруг высокая фигура появляется у входа в пещеру. Это Ун. Он по-прежнему держит в руках палицу и копье. Гигантский хищник резким движением повернул к Уламу свою огромную голову, в полуоткрытой пасти сверкнули мощные клыки... Кожа на лбу зверя собралась в крупные складки, мускулы напряглись, зеленые огни снова загорелись в его зрачках...

– Ун тоже заключил союз с пещерным львом! – поспешно сказал Человек-без-плеч. – Ун и Зур живут вместе в пещере, наверху.

Лев рванулся вперед... Уламр крепко сжал в руке палицу. Но Зур одним прыжком очутился между ними, прикрывая друга своим телом, и могучий хищник остался на месте.

Ун и Зур снова приходили в последующие дни. Лев уже привык к ним и даже проявлял признаки удовольствия при их появлении. Одиночество тяготило огромного зверя; он был молод и со дня своего рождения до прошлой осени жил среди себе подобных. Там, в низовьях Большой реки, на берегу глубокого озера было его логовище, где он поселился со своей самкой. Их детеныши уже начинали охотиться. Но однажды ночью, во время грозы, озеро вышло из берегов. Бурлящие воды затопили прибрежные заросли и чащи. Ураган вырывал с корнем высокие пальмы. Клокочущий поток унес самку и ее потомство, а самец, увлекаемый водоворотом вместе с поваленными деревьями, был выброшен на пустынный берег вдали от родных мест...

Весь сезон дождей логовище оставалось под водой... Сначала лев разыскивал его с мрачным и отчаянным упорством; громовой голос звал сквозь гул дождя утраченных сородичей...

Но время шло... Блуждая в бесцельных поисках по джунглям, лев набрел на скалистую грядку и поселился в пещере, укрываясь от потоков воды, низвергавшихся с небес.

Смутная тоска не давала ему покоя. Просыпаясь по утрам, он долго обнюхивал углы своего одинокого жилища, а вернувшись с охоты, клал добычу на землю и озирался по сторонам, будто ждал тех, кто когда-то разделял с ним трапезу.

Постепенно образы самки и детенышей потускнели и исчезли из его памяти. Он привык не ощущать рядом с собой никакого другого запаха. Но тоска одиночества по-прежнему мучила его...

Однажды вечером Ун и Зур отправились вместе с пещерным львом на охоту.

Они шли втроем по ночному лесу, озаренному неверным светом ущербной луны.

Резкий запах хищника будил травоядных, укрывшихся на ночь в лесной чаще. Все живое бежало перед ним в страхе, скрываясь в глубине джунглей или подымаясь на ветви высоких деревьев. Животные, жившие стадами, каким-то способом давали знать друг другу о его приближении.

Среди безбрежного океана жизни огромный зверь был словно в пустыне... Гигантской силе его противостояли хитрость, быстрота и ловкость слабых существ. Лев мог одним ударом могучей лапы убить сайгу, онагра или антилопу-нильгау; одним прыжком он опрокидывал на землю дикую лошадь, кабана и даже гаура; но все они умели вовремя скрыться в непроходимой чаще или исчезнуть в необозримых просторах саванн... И только невероятное изобилие травоядных помогало царю зверей утолять свой голод, ибо в это время года широкие равнины и лесные заросли буквально кишели дичью.

Все же рассвет часто заставлял исполинского хищника без добычи, и он, измученный бесплодными поисками, возвращался голодный в свое одинокое логово...

Этой ночью пещерный лев долгое время безуспешно пытался настигнуть антилопу или оленя. В конце концов он затаился в засаде на опушке леса, близ обширного болота. Огромные ночные цветы источали опьяняющий аромат; земля пахла мускусом и перегноем. Люди отделились от

хищника и тоже спрятались: один в зарослях тростника, другой – в бамбуковой чаще.

Вдалеке слышался топот убегающего стада; сова бесшумно пролетела на мягких крыльях. Затем появился кабан, роя землю своими крепкими клыками.

Это был неповоротливый зверь с крепкой шеей и тонкими ногами. Он брел хмурый и чем-то раздраженный, пыхтя и злобно хрюкая.

Кабан приблизился к тростникам, где спрятался Зур, и внезапно остановился, почуяв запах человека. Но запах этот напоминал гиббона или резуса, которых ему нечего было опасаться. Кабан сердито фыркнул и направился к бамбуковой роще.

Тогда Ун, желая направить зверя в сторону пещерного льва, испустил свой боевой клич, который был тотчас же подхвачен Зуром.

Кабан отступил – не из страха, а из осторожности. Все непонятное таит в себе опасность: ни гиббон, ни резус не обладают столь мощным голосом.

Крик повторился.

Кабан круто повернул и побежал прямо к тому месту, где притаился пещерный лев. Исполнская фигура внезапно выросла перед ним; кабан в ярости обратил на нее свои острые клыки. Но зверь, обрушившийся ему на спину, весил больше, чем матерый буйвол. Кабан пошатнулся. Огромные челюсти сомкнулись на его загривке, сокрушая шейные позвонки...

Когда пещерный лев принес тушу кабана в логовище, Ун захотел убедиться, насколько прочен их союз с огромным зверем. Он взял топор, отрубил от кабаньей туши заднюю ногу – и хищник не препятствовал ему.

Люди поняли, что отныне их сила стала равной силе целого племени.

Много раз еще охотились Ун и Зур со своим могучим союзником. Часто они вынуждены были уходить далеко от пещеры, потому что дичь постепенно покидала места, где бродил страшный обитатель скалистой гряды.

Но Ун по-прежнему мечтал о более далеких походах. Нетерпеливое любопытство не давало ему покоя. И однажды утром он сказал Зуру:

– Хорошо бы нам разведать другие земли для охоты. Многие животные, вероятно, покинут осенью эти места. Хочет ли Зур сопровождать меня по ту сторону жилища тигров?

Зур никогда не отказывался следовать за своим товарищем, хотя и не обладал такой беспокойной натурой, как Ун.

– Мы должны увидеть земли, к которым стремится Большая река, – ответил он.

Молодые воины привели в порядок свое оружие, накопили мяса, напекли съедобных корней и отправились в путь, когда солнце только показалось над противоположным берегом Большой реки.

Зур покидал пещеру с грустью и сожалением. Здесь он жил в спокойствии и довольстве; здесь они с Уном заключили союз с царственным хищником...

Все утро и вторую половину дня путники шли, не испытывая беспокойства. Лишь бесчисленные насекомые все время докучали им. Мириады красноглазых мух, назойливо жужжа, летели за ними, привлеченные запахом вяленого мяса. Надо было также остерегаться огромных шершней, шести семи укусов которых было достаточно, чтобы убить человека. А во время привалов – избегать соседства с гигантскими термитниками.

Было уже поздно, когда Ун и Зур добрались наконец до места слияния Большой реки с ее правым притоком. Ун хорошо знал эту небольшую, но бурную речку, ему не раз приходилось переправляться через нее. Он провел Зура сквозь лабиринт огромных валунов, и путники очутились в местах, где обычно охотились тигры. И сразу все вокруг показалось им угрожающим. Ибо лев спит днем в своем логове, а тигр рыщет повсюду и спит там, где застанет его утро, в местах, которых избегают другие хищники... Человек не в состоянии угадать намерений тигра и пройти так, чтобы не встретиться с ним.

Ун и Зур шли на довольно большом расстоянии друг от друга, чтобы увеличить зону наблюдения. Присутствие травоядных успокаивало их: ни сайги, ни антилопы, ни гауры не станут спокойно пастись по соседству с тиграми. Но, когда травоядные вдруг исчезли, молодые воины встревожились.

Ун решил, что безопаснее держаться как можно ближе к реке, поскольку все признаки жизни на суше исчезли, а речные воды по-прежнему кишели всевозможными живыми существами. Огромные гавиалы скользили, рассекая волны, между островками, бесчисленные стаи водоплавающих птиц копошились у берега. В тростниковых зарослях дремали гигантские питоны, свернувшись кольцами свои скользкие тела...

– Мы приближаемся к логовищу тигров! – вполголоса проговорил Зур.

Ун, напрягая зрение и слух, медленно продвигался вперед. Лес в этом месте почти вплотную подходил к воде, весь ошетилившийся колючками и опутанный лианами.

Внезапно сын Земли остановился.

– Вот здесь тигры ходят на водопой! – сказал он, указывая на тропу, пробитую в густом кустарнике.

На сырой земле виднелись многочисленные отпечатки широких лап. Зур нагнулся, чтобы рассмотреть их получше. Острый запах ударил ему в ноздри.

– Они прошли здесь совсем недавно, – прошептал Человек-без-плеч.

Дрожь пробежала по его телу. Ун, встревоженный, снял с плеча копье.

В чаще раздался треск... Оба человека замерли, неподвижные, словно стволы деревьев. Бежать было поздно. Если хищники близко, придется принимать бой. Но на тропе никто не появился, и сын Быка, втянув ноздрями слабый ветерок, прилетевший из чащи, сказал:

– Тигры еще далеко!

Они снова зашагали вдоль берега, стремясь быстрее миновать опасное место. Скоро лес продвинулся вплотную к реке, и, так как на опушке он был совершенно непроходим, путники свернули вправо и углубились в бамбуковую чащу.

Через некоторое время заросли поредели, и молодые воины вышли на широкую прогалину, где паслось несколько травоядных. Близился вечер, и они принялись искать место для ночлега. Но вокруг, сколько хватал глаз, не было видно ни одной скалы или возвышенности. Лес окружал прогалину со всех сторон.

Скоро Зур обнаружил семь толстых бамбуков, которые росли близко друг от друга, образуя посредине нечто вроде естественного убежища. Три просвета между стволами были настолько узки, что человек не мог протиснуться между ними; сквозь два просвета Ун и Зур кое-как пролезали боком, но ни тигр, ни лев не сумели бы этого сделать. И, наконец, последние два просвета имели ширину в один шаг у основания, но постепенно суживались кверху. Надо было заделать их с помощью переплетенных ветвей и лиан до высоты, равной двойному росту Уна.

Молодые воины принялись поспешно срезать лианы и молодые бамбуки. Сын Быка заготавливал и обрубал их, а Зур, как более искусный строитель, связывал бамбуки и переплетал их лианами с ловкостью, присущей людям племени Ва.

Сумерки уже сгустились, когда юноши наконец закончили свою работу. Ни одна подозрительная тень не появлялась на краю прогалины. Ун и Зур развели большой костер и принялись жарить вяленое мясо и грибы. После напряженного труда ужин показался им особенно вкусным. Они испытывали гордую радость от сознания, что они – люди. Ни одно животное – даже из числа самых искусных строителей – не смогло бы за столь короткий срок соорудить такое удобное и надежно защищенное от хищников убежище.

Закончив ужин, друзья некоторое время сидели в задумчивости у входа в убежище. Луна взошла над равниной, в темном небе засверкали первые звезды. Зур в который раз спрашивал себя: кто зажигает каждый вечер на небе эти маленькие огни? Их слабый свет изумлял его, – они были подобны уголькам от горящих факелов. А солнце и луна – большие костры из толстых сучьев... Но раз они горят так долго – значит, наверху есть кто-то, все время поддерживающий огонь? Зур силился разглядеть тех, кто подбрасывает дрова в небесные костры, и не мог понять, почему они остаются невидимыми. Он думал также о том огромном тепле, которое излучает солнце. Почему оно сильнее днем, когда солнце стоит высоко над головой, а не вечером, когда солнце делается больше и опускается ближе к земле?

От таких мыслей Зур быстро уставал. Но сегодня он был поражен видом вечерних облаков, долгое время горевших на западе после того, как солнце скрылось за горизонтом. В этих облаках было больше огня, чем во всех кострах Уламров, которые они зажигали в течение целой зимы. И такой большой огонь давал меньше света и тепла, чем маленький солнечный диск! Зур вдруг испугался своих размышлений. Ни одному Уламу или Ва не приходили в голову подобные вещи. Он сказал машинально:

– Что за люди зажигают небо, когда солнце уходит?

Ун сперва думал о тиграх, бродивших где-то неподалеку, затем дремота овладела им. Вопрос Зура вывел его из состояния полусна. Он не понял хорошенько, о чем говорит сын Земли. Ун знал, что Зуру приходят иногда в голову удивительные мысли, несвойственные другим людям.

Повернув лицо к ночному небу, Уламр посмотрел на звезды.

– Зур говорит о маленьких огнях, что светятся там, наверху?

– Нет... Зур говорит о больших огнях, желтых и красных, которые только что угасли на закате. Может, их зажигают какие-нибудь неведомые племена, более многочисленные, чем Уламы, Кэамы и Рыжие Карлики?

Ун наморщил лоб. Он смутно представил себе людей, которые прятались наверху за огненными облаками, и эта мысль была ему неприятна.

– Ночь гасит небесные огни, – ответил он сонным голосом. – Ночь заставляет наш костер светить еще ярче.

Такой ответ разочаровал Зура. Однако он продолжал еще некоторое время размышлять о небесных огнях. А Ун тут же забыл о вопросе, который совсем не интересовал его.

Между тем ночной ветерок становился все прохладнее и доносил до слуха людей ночные шорохи и шумы. Неясные тени каких-то животных появлялись на краю прогалины и снова исчезали в чаще. Некоторые останавливались и смотрели издали на огонь, сверкавший все ярче в сгустившейся темноте ночи. Стайка из пяти шести дholeй приблизилась к костру, жадно вдыхая соблазнительный запах жареного мяса. Но скоро они исчезли. Внезапно две антилопы выскочили из чащи и стремительно умчались в просторы саванны.

Ун вскочил на ноги, напрягая обоняние и слух.

– Пора укрыться в убежище! – прошептал он. И добавил: – Тигр близко!

Они проскользнули между бамбуковыми стволами и очутились внутри укрытия.

Густые заросли кустарников раздвинулись. В серебряном свете луны и багровых отблесках костра появился большой полосатый зверь. Он был так же велик, как лев, но ниже ростом, с более гибким и удлинненным туловищем. Уламры и Люди-без-плеч боялись тигра больше всех других хищников, ибо даже лев уступает ему в хитрости, быстроте и ярости; махайрод не встречается по ту сторону гор, а из всего племени Уламов только Нао, старому Гоуну да еще двум воинам доводилось видеть пещерного льва.

Тигр шел не спеша, величественный и грозный, слегка изгибая свое длинное туловище. Увидев костер, он остановился и поднял вверх массивную голову, так что стала видна его широкая грудь, покрытая светлой шерстью. Глаза хищника вспыхнули. Такого крупного тигра Ун и Зур еще никогда не видели. И, несмотря на жгучее беспокойство, заставлявшее его кровь быстрее струиться по жилам, сын Быка невольно залюбовался могучим зверем.

Ун всегда чувствовал восхищение перед силой живых существ, даже в тех случаях, когда они оказывались его смертельными врагами.

Тем не менее он сказал пренебрежительно:

– Тигр во много раз слабее пещерного льва!

А Зур добавил:

– Он все равно, что леопард перед нашим могучим союзником!

Но оба прекрасно понимали, что для человека тигр был так же страшен, как их грозный товарищ, обитатель скалистой гряды.

Постояв немного, тигр снова двинулся к костру, озадаченный и недоумевающий. Как и все дикие звери, он смертельно боялся огня. Ему довелось однажды убежать от степного пожара, зажженного молнией. Но это пламя напоминало скорее огни, которые загораются в небе, когда ночь подходит к концу... Тигр подошел так близко, что почувствовал жар, исходивший от костра. Он увидел языки пламени, лизавшие сухие сучья, услышал треск горящего дерева и гул огня. Страх охватил хищника; он повернул влево и стал обходить костер, держась на почтительном расстоянии от огня. Этот маневр привел его к группе бамбуков. Зверь одновременно увидел людей и почувствовал их запах.

Тигр глухо зарычал, затем испустил протяжный охотничий крик, напоминающий вой дхолой.

Ун, не задумываясь, ответил своим боевым кличем. Тигр вздрогнул, изумленный, и стал внимательно разглядывать невиданных противников. Они показались ему слабосильными; запах напоминал запах робких и беззащитных существ. Между тем все те, кто осмеливался противостоять хищнику, обладали исполинским ростом и колоссальной силой.

Однако, будучи старым и опытным и зная, какие неожиданности скрывает подчас неведомое, тигр решил проявить осторожность. Близость огня придавала еще больше таинственности странному двуногим существам.

Хищник медленно приблизился к группе бамбуков и обошел ее кругом. За долгие годы охоты в джунглях он научился безошибочно определять расстояние, отделявшее его от добычи. Это умение неизменно помогало ему настичать свою жертву, когда до нее оставался лишь один прыжок. Тигр знал также прочность бамбуковых стволов и даже не попытался пройти там, где просветы между ними были слишком узкими. Миновав их, тигр остановился перед стеной из сплетенных ветвей и, подняв когтистую лапу, попробовал разорвать тонкие лианы. Но в тот же момент копые Уна едва не задело его ноздри.

Зверь отступил, глухо рыча, и остановился в нерешительности. Этот неожиданный отпор делал неведомых противников еще более непонятными. Ярость овладела хищником; хриплое дыхание с шумом вырывалось из широкой груди. Молниеносным прыжком он обрушился на зеленую стену.

На этот раз копые Уна попало в цель: оно вонзилось прямо в пасть хищника.

Тигр почувствовал, что стены убежища прочны, а мужество обороняющихся велико. Он снова отступил, припал к земле и стал ждать.

Но час охоты еще не наступил. Тигру хотелось пить. Если бы огонь не привлек его внимания, он сперва спустился бы к водою. Через некоторое время злорадия хищника стала остывать, и он снова почувствовал ту невыносимую сухость в горле, которую могла утолить только прохладная речная вода.

Протяжно зарычав, зверь поднялся на ноги, обошел два раза вокруг убежища и скрылся в густом кустарнике, где виднелся узкий проход, ведущий к реке. Ун и Зур смотрели ему вслед.

– Он вернется! – сказал Зур. – И, быть может, вместе с тигрицей.

– Ни одна лиана не разорвана, – ответил Уламр.

Некоторое время они тревожно размышляли о грозившей им опасности. Однако первобытные люди были не способны долго испытывать страх перед будущим. Убежище, сооруженное ими на ночь, выдержало первую атаку тигра; оно сохранит их и от всех последующих. Не было даже необходимости бодрствовать: едва они растянулись на земле, как богатырский сон овладел ими.

Часть третья

Глава 1

Атака тигра

Ун проснулся в середине ночи. Луна уже скрылась за вершинами леса на западе, но ее невидимые лучи окрашивали розоватым цветом густой туман, клубившийся над деревьями. Пепельный сумрак окутывал прогалину. Костер догорал, отбрасывая слабый свет.

Приподнявшись на локте, Уламр увидел вокруг лишь неподвижные, словно уснувшие, деревья. Но обоняние предупредило его о чьем-то присутствии. Вот на фоне зарослей возникла тень и остановилась у небольшой купы пальм, затем осторожно двинулась к убежищу. Ун знал, что это тигр; с тревогой и гневом следил он за приближением хищника. Но, несмотря на ужас, который внушал ему тигр, молодой воин всем своим существом жаждал схватки с ним. Разве Нао не одолел в свое время серого медведя и тигрицу? А сам Ун разве не убил махайрода, победившего носорога? Кровь бросилась в голову Уламру, но он тотчас же овладел собой. Осторожность, унаследованная от многих поколений предков, охладила его воинственный пыл. Ун прекрасно понимал, что ни Нао, ни Фаум не рискнули бы первыми напасть на тигра, разве что для спасения своей жизни.

К тому же проснулся тот, кто всегда удерживал молодого Уламра от опрометчивых поступков. Человек-без-плеч поднялся с земли, посмотрел на тигра, потом на своего товарища, схватившего тяжелую палицу, и сказал:

– Тигр не нашел добычи.

– Если он подойдет к хижине, – ответил Уламр прерывающимся от волнения голосом, – Ун метнет в него копьё и дротик.

– Опасно нанести тигру рану. Его ярость сильнее, чем ярость льва.

– А если он не захочет уйти от убежища?

– У нас есть запас пищи на два дня.

– Зато нет воды. А что, если к тигру присоединится тигрица?

Зур промолчал. Он уже подумал об этом. Он знал – хищники иногда объединяются, чтобы сообща преследовать добычу. Но, поразмыслив минуту, сказал:

– Тигр бродит один с самого вечера. Тигрица, должно быть, далеко отсюда.

Ун, как всегда, мало задумывался о будущем и потому не стал настаивать на своем предположении. Все внимание его было приковано к тигру, который тем временем приблизился к бамбукам на расстояние пятидесяти шагов. В свете догорающего костра отчетливо была видна его массивная голова с огромной пастью, окаймленной жесткой щетиной усов. Глаза сверкали еще ярче, чем в прошлый раз. Ун испытывал странную ненависть к их зеленому мерцанию; Зура при виде его охватила лихорадочная дрожь. Временами из груди зверя вырывалось низкое, протяжное рычание. Он подошел еще ближе, затем принялся кружить вокруг бамбуков с ужасающим, способным довести до отчаяния, терпением. Можно было подумать, что тигр ждет, не расширятся ли просветы между стволами, не раздвинутся ли сплетенные из ветвей и лиан зеленые стены. И каждый раз, когда зверь приближался к убежищу, оба человека вздрагивали, будто боялись, что ожидания хищника сбудутся.

В конце концов тигр перестал рыскать вокруг убежища и затаился в высокой сухой траве. Положив морду на лапы, он терпеливо наблюдал за скрытыми позади бамбуков странными существами. Иногда хищник зевал, широко раскрывая пасть, и тогда при слабом свете догоравшего костра видно было, как блестят его страшные клыки...

– Он не уйдет отсюда и утром, – мрачно сказал Ун.

Зур ничего не ответил другу. Он задумчиво разглядывал две маленькие сухие ветки скипидарного дерева. Зур любил всегда иметь под руками сухую растопку. Он осторожно расколочил одну веточку вдоль и принялся собирать мелкие щепки и травинки.

– Не собирается ли Зур зажечь в убежище костер? – укоризненно спросил Ун.

– Ветра нет, земля вокруг убежища голая, а бамбуки – молодые и зеленые. Зуру нужен только маленький огонь.

Ун не стал противоречить. Он смотрел, как крохотные язычки пламени лижут сухие веточки и травинки, а его товарищ тем временем зажег на этом крошечном костре кончик смолистой ветки. Скоро она вспыхнула ярким пламенем. Тогда, подойдя к одному из просветов, сын Земли швырнул свой пылающий факел в сторону хищника. Пламя описало широкую дугу и упало в сухую траву, которой еще не успели коснуться ночные испарения.

Тигр отпрянул в сторону. Огненный снаряд пронесся мимо него и исчез в гуще высоких стеблей. Ун беззвучно рассмеялся.

В густой траве мерцала лишь крохотная красная точка. Тигр, успокоившись, снова улегся на землю...

Подождав еще немного, Зур зажег вторую ветку. Но не успела она разгореться, как вдруг из чащи сухих стеблей взвился кверху огненный язык. Тигр снова вскочил, злобно рыча, и рванулся вперед, но в ту же минуту Зур метнул в него вторую ветку. Пылающий факел угодил прямо в грудь хищнику.

Обезумев от ужаса, тигр закружился на месте, затем бросился в сторону. Но огонь с сухим потрескиванием, казалось, гнался за зверем по пятам, перепрыгивая с одного стебля на другой; затем рассыпался снопами и окутал хищника со всех сторон... Жалобно воя от боли и страха, тигр прорвался сквозь огненное кольцо и убежал.

– Он не вернется больше! – уверенно сказал Зур. – Ни один зверь не возвращается на то место, где его опалил огонь.

Хитроумие друга восхитило Уна. Смех его не был больше беззвучным, он звенел над прогалиной, как ликующий боевой клич.

– Зур хитрее старого Гоуна, самого мудрого среди Уламов! – воскликнул он радостно.

И его мускулистая рука ласково коснулась плеча друга.

Тигр действительно не приходил больше, и молодые воины спокойно проспали весь остаток ночи. Густой туман окутывал прогалину, тишина и безмолвие царили на ней до самой зари. Затем стали появляться дневные животные. Гул пробуждающейся жизни донесся с берегов Большой реки и с бесчисленных деревьев, окружавших поляну. Ун выбрался из убежища и осмотрелся. Никаких подозрительных запахов в воздухе не чувствовалось. Олени не торопясь прошли через поляну; их появление окончательно успокоило молодого охотника.

Он обернулся к Зуру и сказал:

– Мы продолжим наш путь, но сначала пройдем на запад, чтобы не встретиться больше с тигром.

С первыми лучами солнца они тронулись в дорогу. Ночной туман медленно таял; клочья его поднимались к бледному утреннему небу и исчезали в постепенно густевшей синеве. Травоядные стали попадаться все чаще, и молодые воины поняли, что они миновали, наконец, охотничьи владения тигров.

Однако Ун с новой тревогой вдыхал горячий, неподвижный воздух. Удушливый, давящий зной окутывал деревья и кустарники; красноголовые мухи неотступно преследовали путников; солнечные лучи, проникавшие сквозь густую листву, жгли обнаженную кожу, словно укусы термитов.

– Гром будет греметь над лесом! – сказал Зур.

Ун остановился и посмотрел на запад. Впереди открывалась широкая прогалина. Над ней простиралась ярко-синяя полоса неба без единого облачка. И тем не менее оба чувствовали смутную тревогу, постепенно распространявшуюся в природе.

Они шли опушками густых зарослей, стараясь держаться ближе к берегам Большой реки. К полудню гроза, казалось, все еще была далеко. Не разжигая огня, путники съели без всякого удовольствия по куску холодного мяса, зажаренного накануне, и немного отдохнули под деревом, тревожимые все теми же назойливыми насекомыми.

Когда они собрались идти дальше, первые тучи стали появляться на западе. Молочная белизна постепенно заволакивала небесную лазурь. Из чащи донесся тревожный рев буйволов и жалобный крик оленя. Обеспокоенные кобры бесшумно скользили среди высоких трав.

Некоторое время молодые воины были в нерешительности: продолжать ли им путь? Но окружающая местность явно не подходила для стоянки: тысячелетние деревья вздымали к небу свои гигантские кроны; почва под ними была мягкой и рыхлой. И вокруг – никакого укрытия от надвигающейся бури, которая скоро обрушится на лесные чащи...

Первые порывы ветра уже пронеслись над вершинами деревьев с шумом, напоминающим рев горной реки. За ними следовали минуты густой, давящей тишины. Плотная стена облаков, постепенно темнея, поднималась все выше к зениту; края ее зловеще светились. Затем яростные вспышки молний озарили мертвенным светом зеленое море деревьев... Но они рождались далеко от того места, где находились Ун и Зур, и гром еще не примешивал своего голоса к грохоту бури. Когда же стена туч достигла зенита и стала заволакивать восточную половину неба, ужас приковал к земле всех обитателей джунглей. Лишь изредка можно было увидеть испуганное животное, спешившее укрыться в своем логове, или встревоженное насекомое, не успевшее забиться в трещину древесной коры.

Ун и Зур знали, как страшна для всех живых существ ярость разбушевавшихся стихий. Ун лихорадочно озирался в поисках хоть какого-нибудь укрытия, а Зур время от времени поглядывал на небо и спрашивал себя, что за чудовищные хищники прячутся там, наверху, среди клубящихся туч? Вот уже доносится издали их глухое рычание... Затем рев чудовищ сделался оглушительным, а блеск молний – нестерпимым. Послышался постепенно нарастающий шум дождя; скоро он превратился в грохот катящихся по земле дождевых потоков. Гром непрерывно гремел над головами.

Лес внезапно расступился, и путники увидели прямо перед собой большое озеро, окруженное обширными болотами.

Под ветви гигантского баньяна, где остановились Ун и Зур, вполз леопард. Сверху слышались жалобные крики тонкотелов⁸.

Ливень усилился; казалось, с неба, прорвав невидимую плотину, низвергается целый океан. Ветер налетал яростными шквалами. За один час вода в озере поднялась и наполнила до краев прибрежные болота. Скоро одно из них вышло из берегов и стало заливать опушку.

Ун и Зур бросились обратно в глубь леса, но вода прибывала со всех сторон; грозный рев kloкочущих потоков сливался с грохотом урагана и громовыми раскатами. Молодые воины бежали наугад, не разбирая дороги, по направлению к востоку, преследуемые по пятам наводнением. Едва им удавалось увернуться от одной волны, как дорогу внезапно преграждала другая. Ун мчался, словно молодой конь, Зур следовал за ним, пригнувшись к земле. Наконец расстояние между беглецами и поднимавшейся водой стало увеличиваться, но молодые воины продолжали бежать на восток, в надежде добраться до берегов Большой реки.

Они пересекали прогалины, продирались сквозь заросли бамбуков и пальм. Вышедшее из берегов болото вынудило их свернуть к северу.

Гроза утихала. Ветер уже не завывал так неистово. Дождь прекратился.

Ун и Зур выбежали на поляну, через которую катился бурный поток, образовавшийся после ливня, и остановились у самой воды, пытаясь определить ее глубину.

Внезапно сверкнула молния и словно скосила группу эбеновых деревьев на противоположном берегу.

---

⁸ Тонкотелы – ископаемые и современные обезьяны из семейства мартышковых.

Чье-то гибкое, длинное тело метнулось в сторону от рухнувших на землю лесных великанов. Ун и Зур сразу узнали тигра. Несколько минут хищник, обезумев от ужаса, метался по берегу, затем остановился и увидел людей.

Инстинкт подсказывал Уну, что перед ними тот самый тигр, который рыскал прошлой ночью вокруг их убежища. Зур же уверился в этом, как только увидел на груди зверя рыжеватое пятно опаленной шерсти.

Тигр тоже узнал своих таинственных двуногих противников, вспомнил огонь, опаливший ему грудь прошлой ночью и едва не погубивший его. По странной случайности хищник встретился снова с этими загадочными существами в ту самую минуту, когда другой, более страшный огонь уничтожил на его глазах купу эбеновых деревьев. Это заставило хищника остановиться в нерешительности.

Несколько мгновений все трое стояли неподвижно. Расстояние, отделявшее людей от тигра, было слишком коротким. Приходилось принимать бой.

Ун уже сорвал с плеча копьё. Осторожный Зур, понимая, что на этот раз за отступлением неизбежно последует погоня, тоже приготовился к битве. Он первым метнул в тигра свое оружие.

Дротик просвистел над бурлящими водами потока и вонзился в правое веко хищника... С яростным воплем зверь рванулся вперед. Но кровь, залившая ему глаз, помешала смертоносной точности прыжка. Длинное, гибкое тело хищника, не достигнув берега, упало в клокочущую воду. Перевернувшись несколько раз, тигр добрался до берега и зацепился за него передними лапами. Ун ринулся вперед, но его копьё, вместо того чтобы вонзиться в плечо хищника, ударилось о его

широкую грудь. Тигр выскочил на берег и бросился в атаку. Он заметно хромал; движения его были замедленными. Второй дротик, брошенный Зуром, впился в левый бок зверя, в то время как Ун наносил удар в затылок...

Затем, высоко подняв палицы, молодые воины приготовились к решающей схватке. Тяжелый дубовый комель с размаху опустился на широкий лоб хищника. Зур, зайдя сбоку, нанес зверю удар в затылок. Когтистая лапа разорвала кожу на груди Уна, но Уламп молниеносно отпрыгнул в сторону, и страшные когти тигра лишь скользнули вдоль его туловища. В ту же минуту Ун нанес хищнику второй удар, на мгновение парализовавший зверя. И, прежде чем тигр успел опомниться, палица Уна в третий раз опустилась на голову хищника с такой силой, что тот упал и больше не мог подняться...

Острые дротика, вонзившись прямо в сердце зверя, оборвало его жизнь.

Глава 2 **Лесные люди**

Последующие дни были благоприятны для путников. Они отважно продвигались вперед по неизведанной местности, следуя течению Большой реки, которая в этих местах была широкой, словно озеро. Они ночевали в джунглях и на речном берегу, в расселине базальтового утеса и в дупле столетнего дерева, а иногда – в непролазной чаще кустарников с такими крепкими и длинными колючками, что, прорубив в ней топорами узкий коридор и закрыв затем входное отверстие, можно было спокойно спать, не опасаясь нападения хищников.

Обширное озеро преградило им путь на юг и заставило уклониться в сторону от Большой реки. Огибая его, путники очутились перед невысоким горным хребтом. Им пришлось потратить все го полдня, чтобы подняться наверх.

Здесь перед ними открылся вид на широкое плоскогорье, тянувшееся с северо-востока на юго-запад и густо поросшее степными травами. Вдали синел лес. На северо-западе возвышался горный хребет, с которого стекали две реки, питавшие новое озеро.

Ун и Зур добрались до леса лишь к закату солнца. Местом для ночлега они избрали глубокую расселину в порфиловом утесе, закрыв вход в нее ветвями деревьев. Затем разожгли на опушке леса большой костер и поджарили на нем мясо. Здесь, на плоскогорье, не чувствовалось такой томительной жары, как внизу, на равнинах. С соседних гор дул легкий и свежий ветерок. После душных и знойных ночей на берегах Большой реки Ун и Зур наслаждались этой живительной прохладой, которая напоминала им о вечерах, проведенных с родным племенем Улампров. Чистый и свежий воздух доставлял молодым воинам такое же наслаждение, как и вкусная еда. Шелест леса походил на журчание отдаленного ручья. Из чащи изредка доносилось мяуканье хищника, злобный хохот гиены или вой дholeй.

Внезапно лес огласился пронзительными криками, и на опушке, среди древесных ветвей, замелькали странные фигуры. Они походили на собак и отчасти на Рыжих Карликов. Очень подвижные лица освещались круглыми, близко посаженными глазами.

Ун и Зур сразу узнали их. Это были обезьяны-резусы, покрытые густой шерстью, зеленоватой на спине и желтоватой на груди, с лицами красными, словно заходящее солнце. Они с любопытством смотрели на огонь.

Сын Земли не испытывал к ним отвращения. В каком-то смысле он считал этих обезьян подобными себе – в той же мере, что и Рыжих Карликов. Ун разделял его убеждение. Странствуя по новым землям, путники почти каждый день встречались с этими животными и знали, что они безобидны. Однако, благодаря отдаленному сходству с Рыжими Карликами, резусы все же внушали молодым воинам смутное недоверие.

В свете угасающего дня можно было разглядеть на деревьях около дюжины обезьян. Посмотрев некоторое время на огонь, резусы начинали с головокружительной быстротой прыгать с ветки на ветку и с дерева на дерево, затем останавливались и снова созерцали необычное зрелище.

Наконец большой самец, ростом с взрослого волка, медленно спустился с дерева на землю и двинулся по направлению к костру. Пройдя десяток шагов, он остановился и издал нежный, жа-

лобный звук, видимо означавший призыв.

Вспомнив предательское поведение Рыжих Карликов, которые были не намного больше резусов, Ун взялся было за копьё, но тут же отложил его в сторону, услышав жалобный голос обезьяны. Постояв немного, резус снова продвинулся на несколько шагов вперед. Затем остановился, по-видимому окончательно, удерживаемый на месте одновременно и страхом и любопытством.

Со стороны саванны донесся протяжный вой. Три волка появились на вершине ближнего бугра. Ветер дул в их сторону, и ни люди, ни обезьяны не почувствовали приближения хищников.

Резус бросился обратно к опушке. Но один из волков – самый проворный – преградил ему дорогу, в то время как остальные окружали добычу, чтобы отрезать ее от леса. Лишь путь к огню оставался свободным. Большая обезьяна несколько мгновений стояла в растерянности, между тем как ее сородичи отчаянно кричали, Обезьяна повернула испуганное лицо к людям, увидела, что волки сжимают свой треугольник, и, обезумев, бросилась к костру...

Когда резус подбежал к огню, волки почти настигали его. Обезьяна закричала раздирающим голосом: между хищниками и страшными языками пламени не оставалось свободного пространства...

Повернув голову в сторону леса, резус с тоской взглянул на зеленый океан листьев, где он так легко мог ускользнуть от преследователей. Затем его полные отчаяния глаза вторично обратились к людям, моля о помощи.

Зур вскочил на ноги, высоко вскинув дротик, и бросился навстречу обезьяне. Волк отступил перед странным двуногим существом. Ун, в свою очередь, поднялся во весь рост. Волки злобно завывали. Держась на почтительном расстоянии, они делали вид, что собираются перейти в атаку, свирепо рыча и скаля зубы.

Ун презрительно швырнул в них камнем. Обломок базальта угодил ближайшему волку в плечо. Взвыв от боли, зверь отступил к остальным.

– Волки не заслуживают удара копьём или дротиком, – пренебрежительно усмехнулся Уламп.

Среди густых ветвей на опушке леса по-прежнему метались и кричали взволнованные обезьяны. А резус, застыв на месте, с ужасом смотрел на своих спасителей. Его длинные руки дрожали. Страх пригвоздил его к земле.

Однако постепенно сердце спасенного стало биться спокойнее; круглые глаза уже с меньшим недоверием глядели на людей. Теперь резус боялся только огня и волков. Но, так как огонь костра оставался на месте и пламя было словно ограничено невидимой чертой, обезьяна понемногу перестала опасаться и огня.

Отогнав хищников, Ун и Зур принялись с любопытством рассматривать своего гостя. Он сидел на земле, словно ребенок; маленькие ручки и плоская грудь дополняли сходство.

– Волки не съедят зеленого карлика! – сказал Ун со смехом, который заставил обезьяну подскочить.

– Ун и Зур проводят его до леса! – добавил Человек-без-плеч.

Когда они подошли ближе, резус снова задрожал. Но медленные движения и ласковые голоса людей успокоили его. Резус почувствовал доверие и смутную симпатию к этим необычным существам.

Время шло. Волки все еще сидели поодаль и стерегли добычу. Но в конце концов они все же вынуждены были уйти. Их темные силуэты растаяли в вечерних сумерках.

Резус не сразу покинул своих новых друзей. Он уже начал привыкать к огню. Ветер с гор становился холодным; безоблачное небо словно всасывало тепло земли в свою бездонную синюю чашу. Подражая людям, обезьяна с видимым удовольствием грелась в теплом дыхании горящего костра.

Наконец резус тихо вскрикнул, пристально посмотрел на людей и побежал к лесной опушке.

Ун и Зур пожалели об его уходе.

На следующий день молодые воины углубились в лес. Их изумляла величина деревьев и кустарников. Змей здесь было гораздо меньше, чем на равнинах. Стаи белоголовых воронов громко каркали на вершинах деревьев. Гауры неторопливо пересекали лесные поляны и исчезали в чаще.

Черные медведи показывались в развилках толстых ветвей. Иногда на склоне дня вдалеке появлялся леопард, не смея, однако, напасть на людей. Затем стали встречаться большие стаи тонкотелов с длинными хвостами и бородатými лицами. Они свешивались гроздьями с высоких веток и пронзительно кричали, словно радуясь тому, что их так много.

На четвертую ночь легкий ветерок донес до ноздрей Уна необычный запах. Со времени вступления на новую землю ни один запах не напоминал ему до такой степени запах человека. Уламр вздрогнул; беспокойство овладело им, все мускулы напряглись. Никакой другой запах – будь то запах тигра, махайрода или даже самого пещерного льва, не мог показаться сыну Быка более пугающим.

Он разбудил Зура. Оба напрягли все чувства, пытаясь разобраться в незнакомых запахах. Однако Человек-без-плеч не обладал остротой обоняния, свойственной Уламру, и мог уловить лишь смутные дуновения, тогда как Ун, расширив ноздри, вдохнул несколько раз ночной воздух и сказал уверенно:

– Запах напоминает запах Кзамов.

Племя Кзамов было самым свирепым из всех известных Уну и Зуру человеческих племен. Жесткие рыжеватые волосы, напоминающие шерсть лисицы, росли пучками на их лицах и туловищах. Руки были длинными, как у Древесных людей, а ноги – кривые и короткие, с огромными пальцами. Они съедали побежденных Уламров и уничтожили без остатка всех Людей-без-плеч, уцелевших после битвы с Рыжими Карликами.

Запах постепенно слабел; таинственное существо, по-видимому, удалялось. Но затем запах опять резко усилился, и Зур, наконец, прошептал:

– Сын Быка сказал правду. Это похоже на запах Кзамов.

Дыхание Уна участилось; тревога сжимала сердце. Палица лежала у его ног; он взял в руки копьё, чтобы можно было сразу поразить невидимого врага.

Теперь Уламр был уверен, что таинственный незнакомец не один. Запах шел одновременно с двух сторон. Он сказал раздраженно:

– Они нас видят, а мы их нет. Надо, чтобы мы тоже их увидели!

Более медлительный, чем Уламр, Человек-без-плеч колебался.

– Огонь освещает нас, – продолжал Ун.

Он поднял палицу с земли. Зур попробовал еще раз всмотреться в окружающий мрак, но не сумел уловить что-либо определенное и, понимая, что неизвестные существа могут каждую минуту напасть на них врасплох, согласился с Уном.

Уламр быстрым шагом двинулся в темноту. Зур следовал за ним в молчании. Пригнувшись к земле, изучая каждую неровность почвы, они останавливались по временам, и Ун, более чуткий, напрягал слух и обоняние. В одной руке он держал палицу, в другой – копьё и дротик. По мере того как они продвигались вперед, обоняние Уламра снова и снова улавливало подозрительные запахи. Скоро сын Быка убедился, что таинственных существ было только двое.

Впереди, в густом кустарнике, послышался шорох. Ветки закачались. До слуха молодых воинов донесся еле уловимый звук удаляющихся шагов. Ун и Зур успели заметить смутные очертания чьей-то фигуры, однако не смогли даже определить, была ли она вертикальной. Но шаги, несомненно, принадлежали существу, передвигающемуся на двух ногах. Ни резус, ни тонкотел, ни даже гиббон не бегали таким образом.

Ун сказал вполголоса:

– Это люди!

Они застыли на месте, потрясенные до глубины души. Темнота сразу стала угрожающей. И внезапно перед лицом смертельной опасности Ун бросил в ночь свой боевой клич. Тогда слышались другие шаги, в стороне от первых; шаги и запах скоро ослабели и исчезли. Уламр рванулся вперед. Его остановили заросли лиан, затем непроходимое болото. Зур спросил:

– Зачем Ун испустил боевой клич? Быть может, эти люди не хотят сражаться с нами.

– Их запах подобен запаху Кзамов!

– Запах Голубых людей тоже похож на запах Кзамов.

Это замечание поразило Уна. Осторожности ради он несколько минут оставался неподвиж-

ным, затем глубоко втянул ноздрями ночной воздух и сказал:

– Они далеко!

– Они знают лес, а мы не знаем его, – заметил Зур. – Мы не увидим их этой ночью. Придется ждать рассвета.

Ун ничего не ответил. Он отошел в сторону и лег, прижав ухо к земле. Сразу стали явственно слышны всевозможные ночные звуки, и среди них Уламр лишь с трудом различил удаляющиеся шаги неизвестных людей. Скоро они замерли вдали.

– Лесные люди не осмелились принять бой, – сказал Ун, поднимаясь с земли. – А может, они отправились известить своих сородичей?..

Они вернулись к костру и подбросили хворосту в огонь. На сердце у обоих было тяжело.

Но в лесу наступила тишина, и опасность вдруг показалась им очень далекой. Уламр сразу уснул, а Зур еще долго сидел у костра, задумчиво глядя на багровые отблески догорающего пламени.

Утром молодые воины долго были в нерешительности: стоит ли продолжать путь или лучше вернуться обратно. Менее склонный к риску Зур мечтал снова очутиться на берегу Большой реки, по соседству с пещерным львом, союз с которым делал их неуязвимыми для всех врагов. Но Уну с его беспокойным характером претила мысль об отступлении.

– Если мы повернем обратно, Лесные люди могут последовать за нами. И кто знает – нет ли других людей в тех лесах, где мы прошли?

Зуру эти доводы показались убедительными. Он знал, что человеческим племенам свойственно передвигаться с места на место гораздо больше, чем волкам, шакалам и дхоям. Только птицы преодолевают еще более обширные пространства. Если молодые воины не встречали до сих пор на своем пути людей, это не значит, что их не было ни справа, ни слева и что они не встретят этих людей, когда пойдут обратно.

Зур согласился на риск. Более предусмотрительный, чем Ун, менее склонный к битвам и схваткам, он обладал не меньшим мужеством, чем его могучий товарищ. Все сородичи Зура погибли, и, если бы не Ун, Человек-без-плеч чувствовал бы себя на земле совсем одиноким. Все радости жизни были связаны в его представлении с дружбой молодого Уламра. Зур скорее согласился бы погибнуть, чем жить без своего товарища и друга.

Они двинулись дальше.

День прошел без новых тревог, и, когда вечером молодые воины выбрали место для ночлега, никаких подозрительных запахов в воздухе не чувствовалось.

Они находились в самой глубине леса. Видимо, в это место недавно ударила молния, которая спалила несколько деревьев и выжгла траву вокруг них. Три сланцевые глыбы, нагроможденные одна на другую, представляли надежное убежище. Надо было только закрыть вход в него колючими ветками. Ун и Зур изжарили на костре заднюю ногу оленя, мясо которого они особенно любили за нежный вкус. Поужинав, они улеглись спать под яркими звездами.

Рассвет был близок, когда Ун внезапно проснулся и увидел, что Зур стоит у входа в убежище и, склонив голову набок, напряженно прислушивается.

– Зур слышит шаги тигра или льва?

Зур не знал. Ему показалось, что до него снова донесся подозрительный запах. Ун, расширив ноздри, вдохнул несколько раз прохладный ночной воздух и сказал утвердительно:

– Лесные люди вернулись.

Он отодвинул колючую преграду и медленно пошел по направлению к югу. Запах почти улетучился; это был лишь след, оставшийся после прохода таинственных существ. Преследовать их в темноте казалось невыполнимым. Ун и Зур вернулись в убежище и стали ждать утра.

Небо на востоке медленно светлело. Пепельный свет разливался по темным грядам облаков. Проснувшаяся птичка прощебетала свою первую песенку. На востоке, среди клубящихся туч, появились багровые отблески. И вдруг облака вспыхнули ярким огнем, и сквозь гигантские кроны стал виден ослепительно-алый диск солнца.

Не теряя времени, Ун и Зур двинулись в путь. Они шли на юг, подгоняемые страстным желанием разгадать мучившую их загадку. Инстинкт подсказывал молодым воинам, что надо любой

ценой узнать, что представляют собой неведомые существа и как обороняться от них.

Лесные тропы в этой части леса, казалось, были проложены много раз проходившими здесь людьми.

Ун продолжал чувствовать незнакомый запах. Долгое время запах этот оставался слабым и еле уловимым, но к середине дня вдруг резко усилился. Охваченный нетерпением, Уламр ускорил шаг. Лес постепенно редел. Открылась широкая прогалина, поросшая островками деревьев, кустарником и высокими папоротниками. Кое-где поблескивали болотца. Внезапно сын Быка вскрикнул: на влажной земле виднелись свежие следы. Можно было различить отпечаток широкой ступни с пятью пальцами, более напоминающий отпечаток человеческой ноги, чем след дриопитека.

Склонившись к земле, Ун долго рассматривал следы.

– Лесные люди недалеко, – сказал он. – Они еще не успели добраться до конца прогалины.

Молодые воины снова устремились вперед. Сердца их бились учащенно; они тщательно обследовали каждую купу деревьев, каждый куст на своем пути. Пройдя три или четыре тысячи шагов, Ун остановился и, указывая на густые заросли мастиковых деревьев, сказал вполголоса:

– Они здесь!

Дрожь охватила обоих юношей. Они ничего не знали о силе противников. Уну было лишь известно, что их двое. Если у Лесных людей нет метательных снарядов для бросания дротиков, преимущество будет на стороне Уламра и Ва.

– Готов ли Зур к схватке? – спросил Ун друга.

– Зур готов... Но сначала надо попытаться заключить союз с Лесными людьми, как некогда Люди-без-плеч заключили союз с Уламами.

– Оба племени были врагами Рыжих Карликов!

Ун вышел вперед, потому что хотел принять на себя первый удар. Страх за жизнь товарища толкал его навстречу неведомой опасности.

Подойдя к зарослям мастиковых деревьев на расстояние ста шагов, молодые воины стали медленно огибать заросли, подолгу останавливаясь и внимательно изучая каждый просвет в зеленой чаще. Но ничего похожего на живое существо нельзя было разглядеть за непроницаемой завесой широких листьев.

Потеряв терпение, Уламр громко крикнул:

– Лесные люди думают, что спрятались, но Ун и Зур обнаружили их убежище. Ун и Зур сильны... Они победили махайрода и убили тигра!

Зеленая чаща молчала. Ни звука не донеслось в ответ – ничего, кроме шелеста пролетающего ветерка, жужжания красноглазых мух и далекой песенки лесной пичужки.

Ун снова возвысил голос:

– У людей племени Уламов чутье, как у шакалов, и слух, как у волков! Два Лесных человека прячутся среди мастиковых деревьев!

Страх, осторожность или хитрость по-прежнему заставляли неизвестных хранить молчание.

Ун приготовился метнуть дротик. Однако, передумав, срезал несколько тонких веток и стал подравнивать их. Зур последовал его примеру.

Закончив работу, они не сразу решились перейти к действиям. Зур, как всегда, предпочитал выждать; даже Ун был полон неуверенности. Однако мысль о скрытой опасности становилась для Уламра невыносимой; он приладил одну из заготовленных веток к метательному снаряду и пустил в чащу. Ветка исчезла среди густой листвы.

Трижды возобновляли молодые воины свои попытки. На четвертый раз в чаще послышался глухой крик, ветви раздвинулись, и странное волосатое существо вышло из зарослей мастиковых деревьев.

Подобно Уну и Зуру, оно держалось на задних ногах; спина была согнута дугой, плечи, почти такие же узкие как у Зура, сильно наклонены вперед. Грудь выдавалась углом, как у собаки, руки казались короче, чем у обезьян. Массивную голову с громадными челюстями и низким покатым лбом украшали острые уши, одновременно напоминавшие уши шакала и уши человека. Узкая полоска длинных волос шла от лба к затылку, образуя на макушке нечто вроде гребня, по обе сто-

роны которого торчали короткие и редкие пучки растительности. Тело было сухое и мускулистое; рост – ниже Уламов, но выше Рыжих Карликов. В руках пришелец держал острый камень.

Несколько мгновений его круглые глаза со страхом и ненавистью смотрели на молодых воинов; кожа на лбу собралась в складки.

Ун и Зур внимательно рассматривали фигуру незнакомца, изучали его движения. Последние сомнения рассеялись: существо, стоявшее перед ними, безусловно было человеком. Камень, который пришелец держал в руках, носил следы грубой обработки. Лесной человек держался на ногах гораздо прямее, чем Голубые люди, и было во всех его движениях и облике нечто несомненно человеческое...

Зур оставался озабоченным, но громадный Уламр, сравнив оружие незнакомца со своей тяжелой палицей, дротиками, копьем и топором, а свой исполинский рост – с невзрачной, приземистой фигурой Лесного человека, счел превосходство над ним неоспоримым. Он сделал несколько шагов вперед по направлению к зарослям мастиковых деревьев и громко воскликнул:

– Сын Быка и сын Земли не собираются убивать Лесного человека!

Хриплый голос ответил ему; голос, похожий на рычание медведя, но в котором смутно угадывались членораздельные звуки. И другой голос, не столь низкий, прозвучал вслед за первым. Из чащи зеленых ветвей появилась вторая фигура: более тщедушная, с узкой грудью, круглым животом и кривыми ногами. Женщина смотрела на молодых воинов округлившимися от страха глазами, полуоткрыв рот.

Ун принялся смеяться. Он показал свое оружие, поднял огромную руку с могучими мускулами и сказал:

– Могут ли мужчина и женщина с длинными волосами противостоять сыну Быка?

Смех Уна изумил незнакомцев и, видимо, уменьшил их страх. Любопытство осветило тупые лица.

Зур сказал мягко:

– Почему бы волосатым людям не заключить союз с Уламом и Ва? Лес велик, и добыча обильна...

Он знал, что Лесные люди не могут понять его слов, но, подобно Уну, непоколебимо верил в могущество членораздельной речи. И он не ошибался: волосатые существа прислушивались к его словам с любопытством, которое постепенно переходило в доверие...

Сын Земли умолк, но Лесные люди все еще продолжали стоять, слегка наклонившись вперед, затем женщина издала несколько неясных звуков, в которых тоже чувствовался ритм человеческой речи. Ун снова засмеялся и, бросив оружие на землю, сделал знак, что не собирается воспользоваться им. Женщина тоже засмеялась хриплым, гортанным смехом, которому мужчина стал неуклюже вторить.

После этого Ун и Зур двинулись к мастиковым деревьям, взяв с собой одни палицы. Они шли медленно, часто останавливаясь. Лесные люди, вздрагивая, следили за их движениями. Они дважды делали попытку убежать, но смех Улабра всякий раз удерживал их на месте. Наконец все четверо очутились в двух шагах друг от друга.

Минута была тревожной и решающей. Недоверие и страх с новой силой овладели Лесными людьми. Бессознательным движением мужчина поднял руку с заостренным камнем, но Ун, снова расхохотавшись, протянул вперед свою громадную палицу:

– Что может сделать маленький камень волосатого человека против большой палицы?

Сын Земли добавил протяжно:

– Ун и Зур – не львы и не волки!

Понемногу Лесные люди стали успокаиваться. И опять женщина сделала первый шаг: она робко прикоснулась к руке Зура, лепеча какие-то неясные слова. Поскольку ничего страшного при этом не произошло, женщина окончательно уверилась, что гибель не угрожает ни ей, ни ее спутнику.

Зур протянул мужчине кусок сушеного мяса, который тот с жадностью съел. Ун угостил женщину съедобными кореньями.

Задолго до конца дня все четверо почувствовали себя друзьями, словно провели вместе уже много месяцев.

Огонь костра не испугал Лесных людей. Они с любопытством наблюдали, как пламя пожирает сухие ветки, и скоро привыкли к его теплоте дыхания.

К вечеру подул холодный ветер. Небо было ясным и чистым; нагретая за день земля быстро остывала, словно стремясь отдать свое тепло далеким звездам.

Ун и Зур радовались, глядя, как их новые товарищи греются, сидя на корточках возле пылающего костра. Это зрелище напоминало молодым воинам о вечерах, проведенных в родном становище.

Все четверо чувствовали себя гораздо увереннее оттого, что их стало больше.

Зур пытался понять смысл неясных слов и жестов новых друзей. Он уже знал, что мужчину зовут Ра, а женщина отзывается на имя Вао.

Зур старался выведать у них, есть ли в лесу другие люди и принадлежат ли они к одному племени.

Постепенно сын Земли постигал значение невнятных ответов Лесных людей, особенно если

они сопровождалась выразительной мимикой и не менее выразительной жестикуляцией.

В последующие дни их дружба стала еще тесней. Ни мужчина, ни женщина не испытывали больше недоверия к молодым воинам. В их сознании, более примитивном, чем сознание Уна и Зура, уже возникла привычка.

Врожденная кротость и стремление к покорности сменялись у Ра и Вао свирепостью и жестокосердием лишь в минуты гнева или страха. Они охотно подчинялись физическому превосходству огромного Улабра.

Слух, обоняние и зрение у Лесных людей были так же остры, как у сына Быка, и, сверх того, они, подобно леопардам, могли видеть в темноте так же хорошо, как и при свете дня. Они лазали по деревьям не хуже резусов и дриопитеков, охотно ели мясо, но умели довольствоваться листьями деревьев и кустарников, молодыми побегами, съедобными травами, кореньями и грибами. Бегали Ра и Вао не так быстро, как Ун, однако могли успешно соперничать с Зуром. У них не было другого оружия, кроме грубо обработанных, заостренных камней, которыми Лесные люди пользовались также для срезания молодых побегов или коры деревьев. Они не умели ни добывать огонь, ни сохранять его.

Когда-то, в давно прошедшие времена, в лесах третичной эпохи, далекие предки Лесных людей научились произносить первые слова и грубо обтесывать острые камни. Их потомки расселились по всему свету. И, в то время как одни из них учились пользоваться огнем, а другие – искусству добывать его с помощью кремней и сухого дерева, в то время как каменные орудия постепенно совершенствовались в искусных руках. Лесные люди, избалованные обилием пищи и легкой жизнью, продолжали оставаться на той же ступени развития, что и их далекие предки. Речь их, почти не изменившаяся на протяжении тысячелетий, оставалась примитивной, движения не становились разнообразней. И, самое главное, они плохо приспосабливались к новой обстановке, к новым условиям жизни.

Однако такие, как они есть, Лесные люди умели противостоять леопардам, волкам и дхоям, которые поэтому редко нападали на них. Умение лазать по деревьям спасало их от преследования львов и тигров. Привыкнув питаться самой разнообразной пищей, Лесные люди редко испытывали чувство голода и даже зимой без особого труда разыскивали съедобные коренья и грибы. К тому же им никогда не приходилось испытывать тех ужасных холодов, которым подвергались в зимние месяцы племена Улабров, Людей-без-плеч, Рыжих Карликов и Кзамов, жившие по ту сторону гор, в странах Запада и Севера.

И тем не менее племя Лесных людей, ранее населявшее многочисленные леса и джунгли, постепенно вымирало. Другие, более сильные племена, владевшие более развитой и членораздельной речью, умевшие делать более совершенные орудия и пользоваться огнем, понемногу оттесняли Лесных людей с равнин на плоскогорье. За последнее тысячелетие победители только два или три раза в сто лет поднимались сюда, но никогда не обосновывались надолго. При их появлении Лесные люди, охваченные ужасом, убегали в самые глубины леса. Это были времена тяжелых испытаний и бедствий, воспоминание о которых долго омрачало потом сознание Лесных людей, передаваясь из поколения в поколение...

Ра и Вао ничего не знали об этих страшных временах. Они были молоды и еще ни разу не пострадали от нападения врагов.

Как-то, подойдя к самому краю плоскогорья, они увидели внизу, на равнине, огни далеких становищ. Но память их сохранила об этом случае лишь смутное воспоминание, которое оживало теперь перед костром, зажженным Уном и Зуром.

С каждым днем Зур и Вао все лучше понимали друг друга. Сын Земли узнал, что в лесу жили другие Лесные люди, и предупредил об этом Уна. Большой Улабр воспринял новость со свойственной ему беспечностью. Заключив союз с Вао и Ра, он был уверен, что ему не придется вступать в борьбу с остальными Лесными людьми, так как они, конечно, не осмелятся напасть на него. Но Зур не разделял этой уверенности. Он боялся, что Лесные люди заподозрят его и Уна в агрессивных намерениях.

Однажды вечером, когда желтые язычки пламени весело плясали среди сухих сучьев, Ра и Вао, блаженствуя, сидели на корточках возле костра и, обученные Зуром, забавлялись тем, что ки-

дали в него хворост. Охотники насадили на вертел часть туши молодой лани, и она уже начала поджариваться на огне, распространяя кругом дразнящий запах жареного мяса. Рядом на плоском камне пеклись грибы. Сквозь густую листву деревьев виднелся тонкий серп молодого месяца, серебрившийся среди бесчисленных звезд.

Когда мясо и грибы изжарились, Ун отдал часть Ра и Вао, а остальное разделил пополам с Зуром. Хотя убежище их в этот вечер было не слишком надежным, люди чувствовали себя в безопасности. Огромные деревья с гладкими стволами окружали стоянку; ветви их начинались на такой большой высоте, что тигр не мог до них добраться, а люди всегда успели бы укрыться на деревьях прежде, чем хищник бросится в атаку.

Это был тихий и спокойный час. Недоверие не разделяло больше суровых полудиках людей, готовых совместно отразить любое нападение.

Внезапно Ун и Ра, а затем Вао вздрогнули. Дуновение ночного ветерка донесло незнакомый, быстро улетучившийся запах. Ра и Вао засмеялись странным смехом.

Ун, встревоженный, обернулся к Зуру:

– Новые люди приближаются к нам!

Зур, в свою очередь, обернулся к женщине. Нагнув голову, она напряженно всматривалась в темноту своими зоркими глазами. Зур тронул ее за плечо и знаками и словами спросил: кого она видит? Вопрос был поставлен ясно, и понять его можно было сразу. Вао, кивнув головой, протянула вперед обе руки и издала утвердительный звук.

– Ун прав, – сказал сын Земли. – Пришли новые Лесные люди.

Уламр вскочил на ноги. Суровое лицо его выражало гнев и недоверие. Зур мрачно опустил глаза. Ра попытался ускользнуть в темноту, но голос Зура вернул его обратно. На лице Лесного человека появилось выражение неуверенности; вид был растерянный. Ему, очевидно, не терпелось бежать навстречу сородичам, но он боялся разгневать громадного Уламра.

После минутного раздумья сын Быка схватил свое оружие и решительным шагом двинулся в направлении незнакомых запахов. Они становились все сильнее. Ун подсчитал, что в чаще скрывается не менее шести или семи человек. Он ускорил шаг.

В пепельном свете звезд, струившемся сквозь густую листву, Уламр смутно различил несколько силуэтов, которые тотчас же растаяли во мраке. Ун со всех ног бросился за ними, но его задерживали попадавшиеся на пути кустарники. Вдруг сын Быка остановился как вкопанный: у ног его расстилалась широкая полоса воды. Лягушки прыгали со всех сторон в прибрежную тину; другие громко и встревожено квакали среди лотосов. Серебристая дорожка лунного света бежала по темной воде.

На том берегу смутно вырисовывались движущиеся фигуры.

Ун крикнул:

– Сын Быка и сын Земли – союзники Лесных людей!

Услышав громовой голос Улабра, беглецы оглянулись и забормотали что-то, угрожающе размахивая руками. Затем снова хотели бежать, но в эту минуту на берегу рядом с Уном появился Ра и закричал что-то своим сородичам. Он показывал на Уна, затем прижимал обе руки к груди. Визгливые голоса ответили ему нестройным хором; руки жестикулировали неустанно. Способность ясно видеть в темноте позволяла беглецам отчетливо различать фигуры и лица Улабра и Ра. Ра, в свою очередь, не упускал ничего из слов и жестов своих соплеменников.

Когда на берегу появились Зур и Вао, среди Лесных людей поднялся невообразимый гам. Затем внезапно наступила тишина.

– Как удалось волосатым людям перейти болото? – удивленно спросил Ун.

Зур повернулся к Вао и постарался объяснить ей смысл вопроса. Женщина засмеялась и, схватив сына Быка за руку, потащила влево. Здесь, в прозрачной воде, он увидел убегающую от берега сероватую дорожку. Вао, сделав ему знак, ступила на нее. Ноги ее погрузились в воду лишь по колени; затем она быстро пошла к другому берегу по этой подводной тропинке. Ун без колебания последовал за женщиной. Ра двинулся за ним; Зур замыкал шествие.

Несколько мгновений Лесные люди оставались неподвижными. Затем их снова охватил страх. Одна из женщин бросилась бежать, другие последовали ее примеру. Ра что-то кричал им вслед пронзительным голосом. Один из мужчин, самый коренастый и плотный, остановился первым; за ним постепенно стали останавливаться остальные.

Когда Ун вышел на берег, снова началась паника, впрочем быстро прекратившаяся. Ра, выбравшись из воды, опередил Улабра и бросился к своим. Коренастый человек ждал его. Взоры всех Лесных людей были устремлены на громадную фигуру Улабра. Те, кому случалось видеть прежде Людей огня, не могли припомнить среди них такого гиганта. Картины беспощадного истребления вставали перед округлившимися от ужаса глазами беглецов; дрожь пронизывала их тела. Но, по мере того как Ра что-то горячо объяснял им, отчаянно жестикулируя, Лесные люди успокаивались. Ун сделал шаг вперед. Коренастый невольно попятился, однако позволил Улабру положить руку на свое плечо. Зур, тем временем тоже переправившийся через болото, делал Лесным людям дружеские знаки, которым научила его Вао.

И тогда ликование охватило сердца этих бедных, слабых созданий и, быть может, смутная гордость при мысли о союзе с подобным гигантом, который превосходил силой их самых свирепых и страшных врагов. Первыми вернулись женщины. Они подбежали к Уну и окружили его и Коренастого плотным кольцом.

Громадный Улабр засмеялся громким и счастливым смехом, радуясь, что снова находится среди людей после стольких дней, проведенных вдали от родного становища.

Глава 3 Люди огня

Несколько недель Ун с Зуrom и их новые друзья кочевали по лесу. Жизнь была легкой и привольной. Лесные люди без труда отыскивали в чаще родники и ручьи, выкапывали съедобные корни или извлекали вкусную сердцевину из ствола саговой пальмы, чуяли издали хищников.

Вечером, сидя вокруг костра, они наслаждались чувством полной безопасности. Теперь Лесные люди не боялись больше нападения диких зверей. Ун и Зур изготовили увесистые палицы и острые каменные топоры для своих новых товарищей. Вскоре Лесные люди научились довольно ловко орудовать ими и отныне, предводительствуемые громадным Улабром, готовы были дать отпор любому хищнику. Безоговорочная преданность, которую эти слабые существа испытывали к сыну Быка, граничила с обожанием. Низкорослые Лесные люди с восхищением взирали на могучий стан и мускулистые руки Уна; его громовой голос приводил их в неописуемый восторг. Вечерами, когда багровые отсветы огня плясали среди лесных трав и озаряли высокие зеленые своды, Лесные люди с радостными восклицаниями собирались вокруг сына Быка. Все, что пугало их в Людях огня, здесь, наоборот, служило гарантией безопасности. Присутствие Зура было для них почти таким же приятным. Лесные люди уже не раз успели убедиться в его изобретательности; знали, что огромный Улабр всегда прислушивается к его советам. Он лучше Уна понимал их жесты и невнятную речь. Но Зура Лесные люди любили скорее как равного себе; Уна же они боготворили, словно тот был высшим существом.

По мере того как маленький отряд продвигался все дальше к югу, Лесные люди начали проявлять какую-то странную нерешительность, походившую на боязнь. Вао объяснила, что они приближаются к краю леса. Плоскогорье постепенно снижалось; климат становился жарче. Появились баньяны, пальмы, бамбуки, лианы и другие тропические растения.

Как-то в послеполуденное время они подошли к краю почти вертикального обрыва. Под ни-

ми, глубоко внизу, мчался по узкому каменистому ущелью бурный поток. Противоположный берег вздымался так же круто, но был значительно ниже, чем тот, где они стояли. За ним до самого горизонта простиралась необозримая саванна, усеянная островками деревьев и кустарников.

Лесные люди, укрывшись в кустах, напряженно всматривались в противоположный берег. Зур, расспросив Вао, сказал сыну Быка:

– Это край Людей огня!

Ун с враждебным любопытством взглянул в сторону саванны.

Зур добавил:

– Когда Люди огня приходят в лес, они убивают Лесных людей, а затем съедают их, словно оленей или антилоп.

Гнев охватил Уламура. Он вспомнил свирепых людоедов Кзамов, у которых Нао когда-то похитил огонь.

Место было чрезвычайно удобным для стоянки. В гранитной скале виднелась глубокая пещера, вход в которую легко было защищать от врагов. Перед пещерой находилась открытая площадка, где можно было развести костер. Плотная стена деревьев делала его невидимым с другого берега. Ун и Зур с помощью Лесных людей принялись укреплять вход в пещеру, и к вечеру она уже могла выдержать нападение как четвероногих, так и двуногих врагов.

Сын Быка с довольным видом осмотрел результаты своей работы и сказал:

– Ун, Зур и Лесные люди теперь сильнее Людей огня!

И он засмеялся своим громким, торжествующим смехом, который скоро передался всем остальным.

Заходящее солнце отражало в бурных водах горного потока свой багровый диск. Облака пылила сказочными красками. Затем краски потускнели, и огонь костра в наступивших сумерках показался людям прекрасным. Свежий ветерок раздувал яркое пламя, сухие сучья весело трещали, искры летели к темному небу. Целая туша оленя жарилась на ужин для всего отряда. Лесные люди, руководимые Зуром, пекли на плоских камнях свои бобы, коренья и грибы.

Трапеза уже подходила к концу, когда Ра, сидевший ближе других к обрыву, внезапно вскочил на ноги, бормоча неясные слова. Рука его указывала на противоположный берег.

Ун и Зур пробрались сквозь чащу к самому краю обрыва, выглянули из-за деревьев и невольно вздрогнули: слева от их стоянки, на противоположном берегу, мерцал огонек...

Скоро пламя разгорелось, багровые языки взвились к ночному небу. Красноватый дым стелился по земле. Пламя росло и ширилось, побеждая темноту. Отсветы его озаряли степь далеко вокруг. Видно было, как вокруг огня суетятся люди; в колеблющемся свете костра их силуэты казались то черными, то медно-красными.

Постепенно все Лесные люди присоединились к Уну. Осторожно раздвинув густые ветви, они горящими глазами следили за движениями своих вековечных врагов, временами вздрагивая от страха. Самые старые вспоминали паническое бегство сквозь густой лес, трупы сородичей, зверски убитых ударом копья или каменного топора...

Когда костер Людей огня разгорелся, Ун смог подробно рассмотреть вражеское становище. Он увидел, как Люди огня насаживали на заостренные палки куски мяса и жарили их на горячих углях. Врагов было семеро; все мужчины. Вероятно, это был охотничий отряд, наподобие тех, которые существовали у многих первобытных племен: и у Кзамов, и у Рыжих Карликов, и у самих Уламуров, а в прежние времена – и у Людей-без-плеч. Один из охотников обжигал на огне острие деревянного копья, чтобы сделать его более твердым. Казалось, Люди огня не догадывались о наличии другого костра на противоположном берегу. Стоянка их была расположена ниже стоянки Уна и Зура; вдобавок заросли деревьев образовывали перед костром почти непроницаемую завесу. Но скоро Ун понял, что Люди огня все же что-то заметили: время от времени то один, то другой охотник поворачивал голову к обрыву и пристально смотрел вверх.

– Они видят свет нашего костра! – догадался Зур.

Спокойствие врагов удивляло его. Вероятно, Люди огня думали, что в пещере находится другой охотничий отряд их племени. Зур стал спрашивать Вао. Она показала рукой на реку сначала вверх, затем вниз по течению, и объяснила, что переправы нигде поблизости нет; течение

такое бурное и стремительное, что ни человек, ни зверь не могут перебраться через поток вплавь. Нужно идти всю ночь до утра, чтобы достигнуть вражеского лагеря. Таким образом, на короткое время обе стороны могли чувствовать себя в полной безопасности.

Долго еще наблюдал Ун за этими существами, которые по образу жизни и развитию были ближе к Уламрам, чем Лесные люди, но вместе с тем так сильно напоминали исконных противников его племени – свирепых людоедов Кзамов. Несмотря на разделявшее их расстояние, сын Быка отчетливо видел короткие кривые ноги и удлиненные туловища Людей огня, но не мог рассмотреть достаточно ясно их головы, более массивные, чем у Кзамов, с мощными челюстями и громадными надбровными дугами.

– Люди огня не нападут на нас этой ночью, – сказал он наконец. – Осмелятся ли они напасть завтра?

В мужественном сердце громадного Улабра не было страха перед грядущей схваткой. Он верил в победу. Пусть Лесные люди физически слабее своих противников, но зато их значительно больше. Кроме того, сын Быка рассчитывал на свою собственную силу и на хитроумие Человека-без-плеч. Он спросил:

– Есть ли у Людей огня копья и дротики?

Зур снова обратился к Вао. Некоторое время женщина силилась понять смысл вопроса, затем, в свою очередь, стала расспрашивать самого старого из своих сородичей.

– Они бросают камни, – сказал Зур, когда разобрался, наконец, в беспорядочных словах и жестах Лесных людей.

– И не умеют добывать огонь! – торжествующе воскликнул сын Быка.

И он указал на два маленьких огонька, мерцавших на некотором расстоянии от большого костра. Если убить этот огонь, как некогда враги убили огонь Улабров (до того, как Нао узнал секрет добывания его от племени Ва), Люди огня будут вынуждены вернуться к своим сородичам...

Ночь прошла спокойно. Ун, вставший на стражу первым, мог с легкостью следить за всеми действиями противника, поскольку луна в этот вечер зашла позднее, чем в предыдущий. Вместе с Улабром бодрствовали, сменяя друг друга, двое Лесных людей.

Когда Зур, после полуночи, в свою очередь стал на Стражу, луна уже скрылась за горизонтом. Костер на том берегу угасал, бросая вокруг лишь слабые отблески. Все вражеские воины спали; только караульный бодрствовал. Видно было, как тень его двигалась взад и вперед в полумраке. Вскоре Зур перестал различать движения караульного, но зоркие глаза Ра продолжали следить за противником, несмотря на расстояние и сгустившуюся темноту...

Медленно текли ночные часы. Мириады небесных светил тихо склонялись к западу; другие непрерывно появлялись на восточной половине неба и поднимались к зениту. Только одна красная звезда неподвижно мерцала на севере. Перед самым рассветом густой туман, поднявшись с поверхности реки, постепенно заволок противоположный берег.

Стоянка Людей огня стала невидимой.

Уже совсем рассвело, но туман не рассеивался. Утренний ветерок иногда разрывал его, восходящее солнце понемногу растапливало плотную белую пелену. Очертания противоположного берега выступали все явственнее. Сначала показались верхушки деревьев, затем медленно стал открываться береговой откос...

Жалобный вопль вырвался из уст Лесных людей. Вражеского отряда на противоположном берегу больше не было. Только кучка золы да несколько обгорелых головешек указывали место его ночной стоянки.

Глава 4 Невидимый враг

Большую часть дня Ун и Зур вместе со всеми Лесными людьми потратили на укрепление своего убежища, стараясь сделать его неприступным для врагов. Те средства защиты, которые могли обезопасить пещеру от хищных зверей, были явно недостаточны против двуногих врагов. Хищники ведь в конце концов всегда уходят. А Улабр и Человек-без-плеч хорошо знали, что Кза-

мы и Рыжие Карлики были способны держать осаду в продолжение многих недель.

После полудня охотники убили несколько антилоп, мясо которых закоптили на костре. Лесные люди набрали много съедобных растений.

Суровые условия жизни приучили первобытных людей быть постоянно настороже. К счастью, их убежище было расположено так удачно, что враги не могли подобраться к нему незамеченными. На юге подступы к убежищу преграждала река и обрывистые береговые скалы; на востоке – обширная пустошь; на западе – непроходимое болото.

Враги могли напасть только со стороны леса, который начинался позади пещеры на севере. Однако и здесь между лесной опушкой и входом в пещеру лежало открытое пространство, за которым осажденным удобно было наблюдать.

Таким образом противник не мог захватить Уна и его союзников врасплох. Для того чтобы достигнуть убежища, Люди огня должны были пройти от пятисот до девятисот шагов по открытому месту под обстрелом дротиков и копий.

До самого вечера ни один подозрительный запах не возвестил о приближении неприятеля. В сумерках Лесные люди, рассыпавшись цепью, обследовали местность вокруг пещеры. Ун поднялся на самые высокие скалы. Но Людей огня нигде не было видно. Если они и находились где-нибудь поблизости, то предпочитали держаться на недостижимом расстоянии.

Постепенно к Уну вернулась его обычная уверенность в себе.

– Людей огня было только семь, сказал он Зуру. – Они ушли.

Он хотел сказать, что, увидев большой костер, Люди огня побоялись натолкнуться на многочисленный и боеспособный отряд и отступили. Но Зур продолжал тревожиться.

– Если Люди огня не пришли сейчас, – ответил он Уну, – значит, они отправились за подкреплением.

– Их становище далеко! – беззаботно сказал Уламп. – Зачем им возвращаться?

– Затем, что Лесные люди не зажигают костров. Люди огня захотят узнать, что за новые существа появились в лесу.

Ответ Зура заставил Уна задуматься. Однако, расставив караульных так, чтобы исключить всякую возможность внезапного нападения, сын Быка снова успокоился. Как всегда, он встал на стражу первым. Луна, более полная и яркая, чем в предыдущий вечер, должна была зайти лишь к середине ночи. Это обстоятельство, благоприятное для Уна и Зура, мало интересовало их союзников, которые видели в темноте так же ясно, как днем. Ночной мрак скорее давал им преимущество перед неприятелем.

Торжественную тишину ночи лишь изредка нарушал голос хищника, вышедшего на охоту. Сидя около огня, Ун погрузился в полудремотное состояние. Остальные дозорные, казалось, тоже дремали, однако малейший подозрительный запах или шорох заставил бы их мгновенно вскочить на ноги. Слух и обоняние у Лесных людей были не менее острыми, чем у дholeй.

Луна уже прошла в небе две трети своего пути, когда Ун внезапно поднял голову. Он увидел костер, превратившийся в груды раскаленных углей, и машинально подбросил в него дров. Затем втянул ноздрями воздух и тревожно посмотрел на остальных дозорных. Двое уже вскочили на ноги; через мгновение к ним присоединился третий.

Слабые запахи шли со стороны леса. Они до такой степени напоминали запах Лесных людей, что Ун подумал, не приближаются ли к пещере их новые сородичи. Он повернулся к Ра. Лесной человек, напрягая слух, широко раздувая ноздри, смотрел в ночной мрак округлившимися от ужаса глазами. Дрожь пробегала по его плечам. Когда Ун подошел, Ра протянул руку в сторону леса, бормоча какие-то отрывочные, неясные слова. И Ун понял: Люди огня пришли.

Скрытые в глубине леса, они видели костер, видели Улабра и его союзников, сами же оставались невидимыми.

О внезапном нападении не могло быть и речи. Земля вокруг пещеры поросла густой, но низкой травой, среди которой лишь кое-где возвышались одинокие деревья и кусты.

В пепельном свете луны зоркие глаза Уна видели все детали окружающей обстановки. Гнев разгорался в его сердце, потому что Люди огня переправились через реку и, обогнув пустошь, готовились атаковать убежище Лесных людей, доказав тем самым свою дерзость и откровенно враждебные намерения.

Прежде чем разбудить Зура, Улабра попытался разобраться в запахах и определить, хотя бы приблизительно, число врагов. Уну очень хотелось выманить Людей огня из леса: раз они умеют только кидать камни, сын Быка сможет ранить или даже убить нескольких противников прежде, чем они приблизятся настолько, чтобы поразить его самого.

Между тем Лесные люди один за другим выбегали из пещеры: обоняние предупредило их о том, что враг близко. Зур выбежал вместе с ними. Он сразу понял грядущую опасность.

Огромный Улабра всматривался поочередно то в своих союзников, то в темную массу деревьев. Врагов, скрывающихся за ними, не должно быть более семи. А у Лесных людей – восемь взрослых мужчин и четыре женщины, почти равные им по силе. И затем, разумеется, Ун и Зур. Если Лесные люди проявят мужество, превосходство будет явно на их стороне.

Но скоро Улабра убедился, что большинство его союзников охвачено непобедимым, паническим страхом и едва ли устоит перед решительной атакой врагов. Только Коренастый, Вао, Ра и еще один юноша с темными глазами держались мужественно.

– Врагов столько же, сколько мы видели вчера вокруг костра? – спросил Зур.

– Их не должно быть больше, – ответил Улабра. – Пора подать сигнал к бою!

Но Зур предпочитал мирные переговоры боевым действиям. Помолчав немного, он сказал:

– Лес велик... Добычи хватит на всех. Может ли Зур поговорить сначала с Людьми огня?

Несмотря на возрастающее раздражение, Ун принял предложение друга. И Зур, возвысив го-

лос, заговорил протяжно и раздельно:

– Сын Быка и сын Земли никогда не враждовали с Людьми огня. Они не противники им!

Лес хранил молчание. Уламр, в свою очередь, крикнул:

– Ун убил красного зверя! Ун и Зур победили тигра! У нас есть тяжелые палицы, острые копья и дротики! Если Люди огня вступят с нами в бой, ни один из них не вернется к своему становищу!

Все то же молчание было ему ответом; лишь слабый ночной ветерок шелестел в густой листве. Ун сделал сотню шагов в сторону леса, и голос его зазвучал еще громче:

– Почему Люди огня не хотят ответить?

Теперь, когда он подошел ближе к опушке, сын Быка явственнее различал незнакомые запахи. И, зная, что враги следят за ним из темноты, он почувствовал, как гнев с новой силой охватывает его. Ударив себя кулаком в грудь, огромный Уламр закричал оглушительным голосом:

– Ун перебьет вас всех! Он отдаст ваше мясо гиенам!

Гул прокатился под темными сводами деревьев. Ун продвинулся еще на сто шагов. Он был всего лишь в трехстах шагах от опушки. Крикнув Зуру, чтобы тот не вздумал следовать за ним, Уламр снова пригрозил невидимым врагам:

– Сын Быка разобьет ваши головы!

Он надеялся, что враги, увидев его одного так близко, обнаружат, наконец, себя.

Запахи на мгновение усилились, но затем стали слабеть и удаляться. Ун, пробежав еще полтора шага, остановился, выпрямившись во весь рост. Теперь с помощью метательного снаряда он мог метнуть дротик до самой опушки.

Вдруг позади послышались отчаянные крики Лесных людей. Слева, из-за выдвинувшегося вперед куста, выскочили три человека и бросились наперерез, видимо желая отрезать Уна от остальных. Видя это, Уламр пренебрежительно рассмеялся и не спеша повернул обратно; на ходу он вложил дротик в метательный снаряд. Но в эту минуту справа появились еще трое Людей огня. Ужас объял Лесных людей... Половина их обратилась в бегство. Однако Ра, Коренастый, юноша с темными глазами и один из стариков остались на месте. Вао даже бросилась вдогонку за убежавшей в лес женщиной, пытаясь вернуть ее обратно.

Между тем обе группы врагов стремились соединиться, чтобы отрезать Уна от его соратников. Уламр поднял руку – дротик, свистя, пронесся по воздуху и впился в плечо одного из нападающих. В ту же минуту Зур, размахивая копьем, бросился вперед, сопровождаемый Ра. Пораженные тем, что Уламр нанес удар с такого большого расстояния, изумленные видом Зура, который вел за собой в атаку Лесных людей, и опасаясь новой неожиданности, Люди огня поспешно отступили под своды леса.

Те, что нападали справа, уходя, захватили в плен Вао.

Часть четвертая

Глава 1

Погоня

Передышка была короткой. Ра стонал от горя и ярости. Сын Быка переживал похищение Вао, как личное поражение. Даже Зур забыл свою привычную осторожность. И они впятером бросились в погоню.

Ветер переменился. Запахи врагов на какое-то время перестали быть ощутимыми. Когда же они вновь были обнаружены, Люди огня успели удалиться на значительное расстояние. Следы шли сквозь густую чащу или через топкие болота, где можно было продвигаться лишь с большим трудом. Однако, покружив немного, преследователи напали, наконец, на верный путь.

Вскоре лес кончился. Перед ними простиралась унылая равнина, и на востоке, на расстоянии двух тысяч шагов, виднелся огонь костра. На камне возле огня сидел человек, видимо дозорный. Заметив выбежавших из леса людей, он вскочил на ноги. В тот же момент у костра появились Лю-

ди огня, тащившие за собой Вао. Их было пятеро. Шестой с трудом плелся позади, держась рукой за плечо.

Ун со всех ног ринулся вперед. Но, пробежав полторы тысячи шагов, внезапно остановился, вскрикнув от досады. Перед ним была пропасть – широкая расселина в почве, на дне которой шумела вода. Люди огня встретили появление Улабра насмешливыми выкриками и презрительным смехом.

Расстояние, отделявшее Уна от вражеского костра, было раза в четыре больше предела досягаемости метательного снаряда. Обескураженный, сын Быка неподвижно стоял на краю расселины.

Люди огня столпились вокруг костра, уверенные в своем превосходстве, полные презрения к соратникам Уна. Лесных людей они считали менее опасными, чем шакалов. Зур казался жалким с его узким туловищем и короткими руками. Только громадный Улабр внушал Людям огня опасение. Но разве сами они, еще никем не побежденные, не обладали поистине медвежьей силой? Менее высокий, чем Ун, вождь Людей огня был так же широк в плечах, с длинными руками, способными задушить леопарда... Зловеще ухмыляясь, он повернул к Улабру свое широкое лицо с низким лбом и массивными челюстями...

Вокруг костра там и сям были разбросаны громадные гранитные глыбы, делавшие позицию Людей огня неприступной. Все преимущества, кроме оружия, были на их стороне. Ун хорошо понимал это, а осторожный Зур – еще лучше. Но оба были возбуждены до последней степени. Сын Земли успел привязаться к Вао; Улабр же не мог примириться с мыслью о своей неудаче. Мрак сгустился вокруг них; багровый шар луны уже тонул в черной туче, поднимавшейся с запада. Резкий ветер, усиливаясь, налетал порывами.

Внезапно сын Быка решил. Он побежал вдоль края расселины и снова вошел в лес. Через две тысячи шагов расселина сузилась, затем исчезла.

– Я пойду один, – сказал Ун своим спутникам. – Следуйте за мной издали, пока костер не окажется на виду. Люди огня не захватят меня. Они бегают недостаточно быстро!

Очувшись снова на равнине, Ун убедился, что Люди огня не трогались с места. Трое из них, укрывшись среди гранитных глыб, наблюдали за местностью; остальные расположились вокруг костра. Все были вооружены топорами, копьями и камнями для метания.

Увидев Уна, враги завyli, словно дхоли. Вождь, взмахнув копьем, подал сигнал к атаке.

Улабр замедлил шаг. Он хорошо понимал, что ему нечего и думать о нападении.

– Если вы отпустите Вао, – крикнул он, – мы дадим вам вернуться в места вашей охоты!

Люди огня не поняли, разумеется, слов Уна, но его жесты, одинаковые у всех первобытных людей, ясно означали, что Улабр требует возврата пленницы.

Грубый смех прозвучал в ответ. Вождь схватил Вао за волосы и, оглушив ударом кулака, свалил на землю. Затем, указывая на неподвижное тело пленницы, на огонь костра и на свои челюсти, дал понять, что Люди огня собираются изжарить Вао и съесть ее...

Ун прыгнул вперед, как леопард. Люди огня укрылись за гранитными глыбами. Тем временем подоспел Зур. Когда оба товарища приблизились к врагам на расстояние действия метательного снаряда, сын Земли сказал:

– Пусть Ун идет вправо. Тогда некоторые из тех, кто прячется среди камней, станут видны.

Улабр описал вокруг костра широкий полукруг. Два Человека огня, обнаруженные им, попытались спрятаться, но дротик просвистел в воздухе, и жалобный крик зазвенел над равниной.

Сын Земли, в свою очередь, метнул дротик. Второй воин, раненный в бедро, упал на землю.

– У Людей огня теперь трое раненых! – торжествующе воскликнул Ун.

Черная стена грозовых туч росла на западе. Луна скрылась за непроницаемой пеленой облаков, и местность освещалась лишь слабыми отблесками угасавшего костра да ослепительными вспышками молний. Люди огня, сделавшись невидимыми в темноте, стали недосягаемыми для копий и дротиков. И Ун, и Зур, и все Лесные люди понимали, что бессмысленно атаковать врагов, скрытых во тьме среди каменных глыб...

В таинственной поступи приближающейся грозы внезапно наступила пауза. Ветер стих, грома еще не было слышно. Животные, притаившиеся в лесной чаще, не подавали голоса. Но вот

тучи взревели, словно стадо разъяренных буйволов, и первые тяжелые капли дождя упали на землю.

Ярость охватила людоедов: их огонь может погибнуть! Им не уберечь его в своих плетенках под проливным дождем.

Вождь вполголоса отдал приказание, и Люди огня с единодушным воплем ринулись в атаку. Четверо, в том числе двое раненых, бросились к Зуру и Лесным людям, а широкоплечий вождь и самый сильный из воинов – к Уну. Два дротика просвистели в воздухе, затем еще два, но темнота и стремительные движения противников помешали им достичь цели. Желая выиграть время для метания копий, Ун отступил к реке, а Зур и Лесные люди – к опушке.

Однако копья, брошенные почти наугад в сгустившейся темноте, лишь слегка оцарапали врагов. Люди огня, торжествуя крича, ускорили свой бег. Ун продолжал отступать к реке; Зур и Лесные люди уже достигли опушки, когда чудовищный ливень внезапно обрушился с неба, словно тысяча горных потоков. Костер стал гаснуть, бросая вокруг дрожащие отсветы. Раненый в бедро воин оставался один во вражеском лагере, укрывая плетенки с драгоценным огнем под каменными глыбами.

Зур и его соратники были окружены врагами. Темноглазый юноша, обезумев от ужаса, хотел укрыться в ветвях огромного дуба, но удар вражеского топора раскроил ему череп... Ра и Коренастый мужественно отбивались палицами, которые вырезал для них Ун. Сын Земли ударом топора уложил на месте раненого в плечо воина, но второй, зайдя сзади, схватил Зура за шею и свалил наземь.

Увидев, что расстояние между ним и нападающими не превышает пятнадцати шагов, сын Быка рванулся вперед. Тремя громадными прыжками он настиг врагов и обрушил на них свою страшную палицу. Первый удар переломил копье; второй раскроил череп. Вождь людоедов и Уламр очутились лицом к лицу – два гиганта, приготовившиеся к смертельной схватке. Фигура вождя напоминала одновременно медведя и дикого кабана; туловище было покрыто густой рыжеватой шерстью, глаза горели огнем, как у дикого зверя...

Высокий и стройный, с широкими плечами и выпуклой грудью, не имевшей сходства с грудью какого бы то ни было животного, крепко стоя на длинных прямых ногах, Ун держал двумя руками массивную палицу. Противник его был вооружен копьём эбенового дерева, тяжёлым и очень острым, способным пробить грудную клетку и раздробить кости.

Первым нанес удар людоед, но его копьё лишь слегка задело руку Улабра. Ун, в свою очередь, опустил тяжёлую палицу. Удар пришелся по земле: противник успел отскочить в сторону, рыча от ярости. Широкое лицо его выражало насмешку и лютую, кровожадную злобу.

На минуту оба отступили, подстерегая движения противника. Низвергавшиеся с неба водяные потоки окутывали их плотной пеленой. Последние отблески гаснущего костра озаряли страшную картину. Оба чувствовали, что смерть стоит рядом; они слышали ее голос в раскатах грома и содрогании земли под ногами.

Ун снова перешел в наступление. Тяжелая палица опустилась еще раз, оцарапав бедро противника, в то время как острие эбенового копья разорвало кожу на плече Улабра. Затем все смешалось в рукопашной схватке. Вражеское копье коснулось груди Уна – он отпрыгнул назад. Кровь текла из обеих ран. С яростным воплем сын Быка схватил левой рукой копье противника, а правой нанес сокрушительный удар. Вождь как подкошенный рухнул на землю с разбитым черепом...

Костер погас. Непроглядный мрак поглотил все окружающее. Гроза утихла. Редкие молнии едва пробивали тяжелую толщу туч. Ун тщетно искал в потемках Зура и Лесных людей. Ветер и дождь рассеивали все запахи.

– Где прячется Зур? – кричал он в темноту. – Сын Быка уничтожил всех врагов!

Далекий голос ответил ему; он доносился со стороны леса и совсем не походил на голос Человека-без-плеч. Ун продвигался ощупью во тьме или мчался вперед при вспышках молний. Когда он добрался, наконец, до опушки леса, перед ним на мгновение вырос силуэт Ра, но тут же снова исчез во мраке. Лесной человек бормотал какие-то невнятные слова, и Ун с трудом понял, что Зур исчез. Выразительный жест Ра, который удалось разглядеть при вспышке молнии, наглядно подтвердил его слова.

Прошло немного времени, и Коренастый, в свою очередь, появился из тьмы. То, что он пытался сказать, было еще менее понятным, чем речь Ра.

Действовать было невозможно. Дождь лил без конца, окутывая непроницаемой пеленой измученных людей.

Огромный Улабр испытал этой ночью самое большое горе в своей жизни. Хриплые стоны, похожие на подавленные рыдания, вырывались из его груди; слезы текли по щекам, смешиваясь с дождевыми струями. Все его прошлое было связано с Зуром. Он полюбил его с того самого дня, когда Нао привел последнего Человека-без-плеч из страны Рыжих Карликов. И, оттого что Зур предпочитал Уна всем остальным людям, сын Быка тоже любил его больше, чем кого бы то ни было...

Напряженно вглядываясь в темноту, Ун время от времени бросал в непроглядную ночь громкий призывный клич, и всякий раз в сердце его пробуждалась новая надежда.

Медленно текли ночные часы. Дождь наконец прекратился. Слабый свет разлился на востоке. В серых сумерках рассвета стал виден труп Человека огня, убитого Зуром. Рядом лежал молодой соратник Уна с разбитой головой. Немного подальше валялись тела вражеского воина и вождя. У погасшего костра стонал раненный в бедро Человек огня. Вао, слабая и дрожащая, сидела, скорчившись, около гранитной глыбы. Она так долго пробыла без сознания, что не слышала криков Уна и Ра. Увидев своего спутника и громадного Улабра, женщина засмеялась тихим, счастливым смехом.

Раненый воин бросился к ногам Уна, моля о пощаде. Но Ра и Коренастый, подбежав, поспешно прикончили врага. Вид этого зрелища возмутил великодушного Улабра, хотя он отчетливо сознавал, что таков жестокий закон войны.

Вао понимала жесты Уна лучше, чем Ра, и помнила несколько слов, которым научил ее Зур. Она выслушала Коренастого и Ра и дала понять Улабру, что Люди огня увели Зура в лес. Дождь мешал Лесным людям ясно видеть в темноте, и они не сумели проследить, в каком направлении скрылись враги. Ра заблудился во мраке, так же как и Коренастый, который вдобавок был ранен и временами терял сознание. Судьба Зура, таким образом, оставалась неизвестной.

Надежда и отчаяние сменялись в душе Уна. Все утро он тщетно искал следы похитителей. Если среди их запахов он не различит запаха Зура, значит Человек-без-плеч мертв.

Лесные люди рассыпались по лесу в поисках утерянного следа. Вчерашние беглецы постепенно возвращались и присоединялись к ним.

В конце концов было решено, что часть Лесных людей пойдет к верховьям реки, а другая спустится вниз по течению с тем, чтобы перейти реку вброд. Ун присоединился к последним.

Они шли весь день, не отдыхая, и к вечеру переправились через реку... Внезапно Вао остановилась и радостно вскрикнула: след был найден! На глинистой почве ясно виднелись отпечатки ног; среди запахов врагов отчетливо различался запах Зура.

Бурная радость вспыхнула в сердце Улабра, но тут же сменилась страхом и неуверенностью:

след не был свежим. Люди огня прошли здесь еще утром, и догнать их раньше завтрашнего дня не представлялось возможным. И, самое главное, – надо было, чтобы Ун пустился в погоню один. Лесные люди не смогли бы следовать за ним даже издали. Они не были приспособлены к столь быстрой ходьбе.

Ун проверил, в порядке ли его оружие: три дротика, подобранные на месте боя, два копья, топор и палица. Не забыл он и про кремни, с помощью которых высекал огонь. Минуту он стоял неподвижно, с бьющимся сердцем, чувствуя смутную нежность к этим слабым, плохо вооруженным людям с их невнятной речью и примитивными жестами. Они охотились вместе с ним, грелись у его костра, а некоторые проявили подлинное мужество в борьбе с людоедами.

– Ра, Вао и все Лесные люди – друзья Уна! – сказал Уламр ласково. – Но Люди огня ушли далеко вперед и двигаются быстро. Ун один может догнать их!

Вао поняла его слова и передала их своим соплеменникам. Уныние овладело Лесными людьми.

Когда Ун стал подниматься вверх по речному откосу, Вао заплакала, а Ра закричал, словно раненый дхоль. Они проводили Уламра до самого гребня откоса, откуда снова начиналось плоскогорье. Ун побежал с быстротой волка. Лесные люди жалобно окликнули его, и Уламр, обернувшись, постарался утешить их:

– Сын Быка скоро вернется к Лесным людям!

И он помчался во всю прыть дальше. Временами след делался почти неразличимым, затем снова появлялся. В местах, где Люди огня останавливались на отдых и где земля хорошо сохраняла их запах, Ун всегда находил пучки трав, которые Зур, видимо, долго держал в руках, а затем бросал на землю. Ун восхищался хитроумием друга. Его удивляло только, почему Люди огня оставляли в живых своего пленника, раз он не мог двигаться так быстро, как они, и лишь замедлял их бегство.

Ун не останавливался на отдых до самого вечера и даже с наступлением темноты продолжал упорно идти по следу при свете луны и звезд. Но, когда он, совершенно измученный, улегся, наконец, на отдых среди скал, он был еще далек от цели.

На рассвете Ун обогнул маленькое озеро и снова углубился в лес. Несколько раз он терял след, затем вновь отыскивал его. Но вскоре после полудня, когда Ун собрался немного отдохнуть, след стал совершенно отчетливым.

Число Людей огня удвоилось. Видимо, небольшой охотничий отряд присоединился к вражеским воинам, уводившим Зура. Ун мог даже определить путь, по которому пришли вновь прибывшие. Теперь Уламру предстоял бой с шестью противниками. К тому же он приближался к землям, где жило племя Людей огня...

Силы были слишком неравными, и борьба казалась невыносимой. Любой другой Уламр – за исключением Нао и Уна – отказался бы в таких условиях от дальнейшего преследования. Но чувство более сильное, чем инстинкт самосохранения, заставляло Уна идти дальше. Он надеялся на свои ноги, быстрые, как у кулана. Никогда коротконогим Людям огня не догнать его!

Второй день погони близился к концу. И вдруг след исчез! Ун потерял его при переправе через речку.

Ун долго и безуспешно искал потерянный след. Вечер давно наступил, а сыну Быка все не удавалось обнаружить хотя бы слабый запах Людей огня. Ун шел по открытой местности, широкие лужайки сменялись небольшими рожицами. Внезапно до ноздрей Уламра донеслись запахи, усиленные благоприятным ветерком. Это были, несомненно, запахи Людей огня, но Уну почему-то показалось, что он чувствует какое-то отличие. И ни один из этих запахов не свидетельствовал о присутствии Зура.

Ун осторожно прокрался вперед среди густых кустарников и бамбуковых зарослей, пересек ползком большую поляну и неожиданно очутился рядом с теми, кого выслеживал... Звук человеческого голоса заставил его вздрогнуть. Две коренастые фигуры внезапно выросли перед ним. Ун не обнаружил своевременно их близости, так как ветер относил запахи в другую сторону.

Его заметили. Надо было подготовиться к бою. Луна, уже поднявшаяся довольно высоко, ярко освещала обе фигуры, и Ун с удивлением увидел, что это не мужчины, а женщины. Низко-

рослые, коротконогие, с широкими, как у Людей огня, лицами, они были вооружены тяжелыми и длинными копьями.

Женщины племени Уламов обычно не владели оружием. И, хотя Ун встретил среди Лесных людей несколько женщин, почти равных мужчинам по силе и отваге, он все же изумился, видя этих незнакомок в угрожающей позе. Сам он никакой вражды к ним не испытывал.

– Ун пришел не для того, чтобы убивать женщин, – сказал он миролюбиво.

Женщины прислушивались к звукам чужого голоса, искаженные злобой лица постепенно смягчались. Желая успокоить их окончательно, громадный Уламр принялся смеяться. Затем он медленно подошел к незнакомкам, волоча палицу по земле. Одна из женщин попятилась, затем прыгнула в сторону, и обе пустились бежать, не то испугавшись, не то желая предупредить своих соплеменников. Однако их короткие ноги не могли соперничать с длинными ногами Уламара. Ун легко догнал обеих женщин, затем перегнал их. Тогда, став бок о бок и выставив вперед копья, они стали ждать...

Ун небрежно помахал палицей.

– Палица без труда переломит копьё! – пробормотал он.

Движением, скорее вызванным страхом, чем враждебными намерениями, одна из женщин внезапно метнула в него копьё. Ун легко отбил его, отломил острие и, не отвечая на удар, заговорил снова:

– Почему вы нападаете на сына Быка?

Женщины поняли, что Уламр щадит их, и смотрели на него ошеломленные. Доверие рождалось понемногу в их сердцах. Первая опустила копьё и стала делать мирные знаки, которые другая принялась усердно повторять. Затем они зашагали дальше. Сын Быка последовал за ними, надеясь, в случае какой-нибудь ловушки, на свою силу и быстроту. Пройдя против ветра около четырех тысяч шагов, они добрались, наконец, до небольшой лужайки, густо поросшей папоротниками. Здесь, при свете луны, Ун увидел других женщин. При появлении Уламара женщины вскочили на ноги, оживленно жестикулируя и выкрикивая какие-то слова, на которые спутницы Уна отвечали резкими, отрывистыми восклицаниями.

На мгновение Уламр остановился в нерешительности, опасаясь ловушки или предательства. Дорога была свободна – он еще имел возможность бежать. Но какая-то странная апатия, рожденная усталостью, одиночеством и горем, удержала Уна на месте. Когда он снова почувствовал беспокойство, было уже поздно. Женщины окружили его тесным кольцом.

Их было двенадцать вместе с теми, которые привели Уна. Несколько подростков – мальчи-

ков и девочек – стояли тут же. Два или три совсем маленьких ребенка спали на земле.

Это были в большинстве своем молодые женщины крепкого телосложения, с широкими лицами и массивными челюстями. Но одна из них заставила Уна вздрогнуть. Высокая, стройная и гибкая, она напомнила ему дочерей Гаммлы – самых красивых девушек племени Уламов. Густые блестящие волосы падали волнами на ее плечи. Зубы белели, словно перламутр, при свете луны.

Сердце Уна сжалось от неведомого доселе волнения, Он не мог отвести глаз от нежного лица незнакомки...

Женщины еще теснее сомкнули круг. Одна из них, по-видимому старшая, с мускулистыми руками и массивными плечами, стояла прямо против Уна и что-то говорила ему. У нее было широкое, энергичное лицо и умные глаза. Ун понял, что женщина предлагает ему союз и дружбу. Ничего не зная о существовании племен, где мужчины и женщины жили отдельно друг от друга, он стал озираться по сторонам, ища глазами мужчин. Не обнаружив ни одного, Уламир кивнул головой в знак согласия. Женщины радостно засмеялись, сопровождая свой смех знаками дружбы, которые Уламир понимал лучше, чем неясные жесты Лесных людей.

Однако женщины продолжали оставаться изумленными. Никогда еще воин такого роста и телосложения, с речью столь отличной от их собственной, не появлялся среди них. До сих пор им были знакомы лишь три человеческих племени: Люди огня, охотничий отряд которых держал в плену Зура; Лесные люди, которых женщины видели редко и с которыми никогда не враждовали, и люди их собственного племени, где мужчины и женщины, по суровым обычаям предков, жили раздельно большую часть года. Даже если бы Ун принадлежал к их племени, женщины в обычных условиях прогнали бы его или подвергли суровым испытаниям. Но сейчас они переживали тяжелое время, часть племени погибла при наводнении, часть была уничтожена Людьюми огня; большинство детей умерло.

В довершение всех несчастий они потеряли огонь и теперь скитались, жалкие и беспомощные, угнетенные сознанием собственного бессилия и полные ненависти к врагам.

Поэтому они рады были заключить союз с высоким, широкоплечим иноземцем, сильным и могучим, словно гаял. Столпившись вокруг Уламира, женщины пытались понять его жесты и слова, научить чужеземца своей речи. В конце концов они догадались, что Ун разыскивает след товарища, уведенного в плен Людьюми огня, и обрадовались, что противниками Уламира были те самые люди, которых они все смертельно ненавидели.

Поняв, что женщины лишились огня, Ун принялся собирать сухую траву и хворост. Затем с помощью своих кремней заставил огонь родиться. Слабый язычок пламени вспыхнул на кончике сухой ветки. С воплями восторга самые молодые из женщин принялись прыгать вокруг огня, выкрикивая слова, которые подхватили все другие, повторяя их хором, в такт прыжкам. Когда же костер разгорелся и животворное тепло распространилось вокруг, восклицания и прыжки стали неистовыми...

Одна только девушка с нежным лицом не кричала и не прыгала вместе с остальными. Сидя у костра, она с безмолвным восхищением смотрела то на огонь, то на высокого незнакомца. Иногда она что-то тихо говорила низким, грудным голосом с робким выражением радости в больших темных глазах.

Глава 2 На озерной косе

Каждое утро Ун принимался за поиски утерянного следа. Женщины доверчиво следовали за ним. Сын Быка понемногу осваивался со словами и жестами своих новых союзниц, которые называли себя Волчицами. Сила и быстрота Уламира изумляли женщин; они восхищались его оружием, особенно копьями и дротиками, которые могли поражать врагов на расстоянии. Ослабевшие от неудач и несчастий, они смиренно теснились вокруг могучего незнакомца, им нравилось повиноваться ему. Ун понимал, что такими помощницами не следует пренебрегать. Четыре женщины были более крепкими, ловкими и быстрыми в беге, чем Зура. Все отличались неутомимостью и выносливостью. Женщины, имевшие маленьких детей, легко носили их на спине целыми днями.

Если бы не потеря друга, Ун чувствовал бы себя вполне счастливым, особенно по вечерам, во время стоянок. Всякий раз, когда он извлекал из своих камней огонь, женщины проявляли такую же бурную радость, как и в первый вечер. Этот бесхитростный восторг доставлял большое удовольствие сыну Быка. Особенно любил он смотреть, как пламя костра отражается в больших темных глазах Джейи, освещает ее густые, блестящие волосы. Он мечтал вернуться к родному становищу вместе с ней, сердце его учащенно билось...

К концу недели деревья на пути маленького отряда почти исчезли. Широкая степь раскинулась впереди до самого горизонта. Лишь кое-где виднелись отдельные островки кустарника, небольшие рощицы или одинокие деревья. Ун и его спутницы быстро шли вперед, надеясь встретить какую-нибудь возвышенность, откуда можно было бы оглядеть местность. В середине дня одна из женщин, отклонившаяся к востоку, внезапно вскрикнула и стала звать остальных. Никаких словесных объяснений не требовалось: на земле ясно виднелись следы костра.

– Люди огня! – сказал Ун.

Женщины казались сильно взволнованными. Та, что была у них за старшую – по имени Ушр, – обернулась к Уламу с гневными жестами. Он понял, что Люди огня были врагами женщин. Людоеды не только истребили половину из них, но, без сомнения, уничтожили всю мужскую часть племени, потому что женщины нигде не встречали своих соплеменников с прошлой осени.

Стоянка была давней; видимо. Люди огня останавливались здесь несколько дней назад. Все запахи успели рассеяться. Понадобилось много времени, чтобы установить численность вражеского отряда. Людей огня оказалось немного; ничто не указывало, что Зур находится среди них.

Ун и женщины пустились в погоню. Понемногу след становился отчетливее. Идти по нему было легко, потому что враги все время двигались по прямой линии, направляясь к северу. Дважды обнаруженные остатки костров свидетельствовали о недавних стоянках.

На третье утро молодая женщина, шедшая впереди отряда, обернулась к остальным с громким восклицанием. Подбежав к ней, Ун увидел на рыхлой земле отпечатки нескольких ног и с дрожью радости обнаружил среди них след Зура. Преследование становилось все более легким: земля еще сохраняла запахи врагов – лишнее доказательство, что Ун и его спутницы выигрывали расстояние.

Давно наступил вечер, но луна еще не всходила. Однако маленький отряд продолжал уверенно идти по следу потому, что две женщины обладали способностью видеть в темноте, хотя и в меньшей степени, чем Лесные люди.

Скоро дорогу преградила цепь пологих холмов. Поднявшись по склону самого высокого из них, Ун разжег костер в небольшой ложбине на пол пути к вершине, чтобы сделать его невидимым на расстоянии. Близость неприятеля требовала соблюдения величайшей осторожности.

Днем Ун убил большого оленя, и женщины принялись жарить оленьё мясо на огне костра. Это был один из тех редких спокойных часов, когда первобытные люди забывали на время о своей суровой, полной опасности жизни. Ун тоже, вероятно, чувствовал бы себя счастливым, если бы не отсутствие Зура. Темноглазая Джейя сидела рядом с ним у костра, и сын Быка с волнением думал о том, что Ушр, женщина-вождь, может быть, позволит ему взять Джейю в жены. Суровая душа молодого Улама была полна скрытой нежности. Рядом с девушкой он испытывал непривычную робость, сердце его билось быстрее... Он хотел быть добрым с ней, как Нао с Гаммой.

После ужина, когда дети и большинство женщин уснули, Ун поднялся и стал взбираться вверх по склону холма. Ушр вместе с Джейей и тремя другими Волчицами последовала за ним. Склон был пологим, и они скоро достигли вершины, но, для того чтобы добраться до противоположного склона, пришлось продирается сквозь густой кустарник. Раздвинув ветки, они увидели прямо перед собой при бледном свете звезд простиравшуюся до самого горизонта обширную равнину. Внизу, у подножия холма, тускло блестело небольшое озеро. На северном берегу его, на низкой песчаной косе, мерцал огонь костра. По прямой линии огонь находился в четырех-пяти тысячах шагов от вершины холма, но, чтобы добраться до него, надо было обогнуть озеро и, быть может, натолкнуться на непредвиденные препятствия.

Ветер дул с севера. Можно было подобраться к самой стоянке врагов незамеченным. Но сделать это следовало до восхода луны, пользуясь сгустившейся темнотой. Только быстроногому

Уламру была под силу подобная задача.

Ун внимательно разглядывал вражеский костер и двигавшихся вокруг него людей – то черных, то багровых в свете пламени. Их было пятеро; сын Быка отчетливо различал Зура, сидевшего в стороне от костра, ближе к берегу озера, и седьмого человека, спавшего неподалеку.

Уламр обернулся к Ушр:

– Ун пойдет к Людям огня и потребует, чтобы они освободили Зура!

Ушр поняла его слова и покачала головой:

– Они ни за что не отпустят пленника.

– Люди огня захватили его как заложника, потому что опасались сына Быка!

– Они станут еще сильнее опасаться его, когда у них не будет заложника!

Несколько минут Уламр медлил в нерешительности. Но он не видел другого способа освободить Зура. Будет ли он действовать с помощью мирных переговоров, хитрости или насилия – в любом случае необходимо приблизиться к вражескому костру.

– Ун должен освободить своего друга! – сказал он с мрачной решимостью.

Ушр не нашлась, что ответить.

– Ун должен идти к вражескому костру! – заключил решительным голосом сын Быка.

– Ушр и женщины-Волчицы последуют за ним!

Взглянув еще раз на равнину, Уламр согласился:

– Сын Быка будет ждать на том берегу прихода женщин. Он пойдет один к вражескому костру. Люди огня не сделают ему ничего плохого потому, что он бежит быстрее их и к тому же может сражаться на расстоянии!

Ушр приказала самой юной из своих подчиненных сходить за подкреплением. Ун тем временем уже спускался с холма на равнину. Склон был пологий и ровный, поросший густой травой.

Очувшись у подножия холма, Ун с удовлетворением отметил, что ветер продолжает дуть ему навстречу, относя все запахи назад. Луна еще не всходила, и сын Быка скоро добрался до того берега, где находилась стоянка Людям огня. Менее тысячи шагов отделяло его от вражеского становища.

Небольшие кусты деревьев, высокая трава и несколько удачно расположенных бугорков и возвышений помогли Уламру продвинуться еще на четыреста шагов вперед. Но дальше лежало совершенно ровное, лишенное растительности пространство, где ничто не могло скрыть Уна от зорких глаз врагов. Охваченный мучительной тревогой не столько за себя, сколько за Зура, Уламр притаился в густом кустарнике. Если он внезапно появится перед врагами, не убьют ли они тут же Зура? Или, наоборот, постараются сохранить Человеку-без-плеч жизнь, чтобы самим избежать гибели? Если предложить Людям огня мир, не станут ли они смеяться над сыном Быка?

Ун ждал долго. Багровая луна, окутанная густой дымкой, поднялась над горизонтом из глубины саванны. Пять вражеских воинов легли спать; шестой караулил, сидя у костра. Иногда он поднимался с места и, напрягая зрение и слух, всматривался в темноту, широко раздувая ноздри. Зур тоже не спал. Но дозорный почти не обращал внимания на пленника, считая его слишком слабым и измученным, чтобы помышлять о бегстве.

Постепенно в голове Уна созрел план. Он знал, что Зур, бегавший медленно, был, как и все люди племени Ва, искусным пловцом. Он плавал быстрее самых проворных и сильных Уламров, нырял не хуже крокодила и мог, подолгу оставаться под водой. Если Зур бросится в озеро, он легко доберется вплавь до противоположного берега... Ун же должен отвлечь на себя внимание Людям огня, завязав с ними бой. Но сначала надо как-то предупредить о своем присутствии Зура, дать ему знак. Малейшее подозрение со стороны врагов может погубить все дело!

К несчастью, ветер по-прежнему дул в южном направлении, и все внимание дозорного было приковано к той полосе берега, где скрывался Ун. Каждую минуту широкое лицо Человека огня оборачивалось в сторону кустарника, за которым притаился Уламр. Луна, поднимаясь все выше, постепенно уменьшалась в размере и становилась светлей и ярче. Гневное нетерпение росло в душе Уна. Он уже отчаивался в успехе задуманного предприятия, как вдруг с севера донеслось глухое рычание, и силуэт большого льва возник на вершине одного из холмов. Дозорный с тревожным восклицанием вскочил на ноги. Спавшие вокруг костра воины тоже поднялись и повернули

головы в сторону хищника.

Зур оставался неподвижным, однако лицо его заметно оживилось. Надежда на спасение, видимо, все время теплилась в нем.

Внезапно из-за кустов показался Ун с рукой, протянутой в направлении озера. Момент был благоприятным: более тридцати шагов отделяли Зура от ближайшего противника. Но Люди огня не думали о пленнике; все внимание их было приковано к страшному хищнику.

Берег озера находился всего в двадцати шагах от Человека-без-плеч. Если он сумеет вовремя добежать до него, он окажется в воде раньше любого из врагов.

Зур увидел Уна. Потрясенный и растерянный, он поднялся и, словно во сне, сделал несколько шагов в сторону кустарника. Но Ун снова указал рукой на озеро. Зур понял. Он повернулся и медленно, небрежной походкой направился к берегу. Пройдя десяток шагов, он неожиданно сделал большой прыжок и очутился в воде. В ту же минуту один из Людей огня обернулся...

Более удивленный, чем обеспокоенный, он сообщил своим товарищам о побеге пленника только тогда, когда увидел, что беглец стал удаляться от берега. Двое воинов, отделившись от остальных, бросились к воде; один из них попытался догнать Зура вплавь. Не достигнув цели, он вернулся на берег и стал кидать в беглеца камнями. Но Зур нырнул и надолго скрылся под водой.

Близость льва парализовала действия врагов. Только один воин был отряжен в погоню за Зуром. Обогнув озерную косу, он неминуемо должен был настигнуть Человека-без-плеч в тот момент, когда тот выйдет на берег.

Увидев противника, пустившегося в погоню, Ун беззвучно рассмеялся и стал осторожно отходить назад. Некоторое время он продвигался незаметно, но, очутившись на открытом пространстве, невольно обнаружил себя. Тогда, высоко подняв копьё, он стал ждать...

Вражеский воин был из числа тех, кто сражался с Уном в ту грозную ночь. Узнав в своем противнике громадного Улабра, лишившего жизни его вождя, Человек огня обратился в бегство, громко вопя от страха.

Обеспокоенный судьбой Зура, Ун не стал преследовать врага. Он побежал к озерной косе и обогнул ее. Зур еще не добрался до берега; видно было, как он быстро скользит по воде, изгибаясь, словно уж. Когда же Человек-без-плеч, наконец, вышел на сушу, сын Быка подхватил его, обнял, и не то стон, не то крик радости вырвался из его груди. Они замерли, глядя друг другу в глаза...

Обернувшись к стоянке врагов, Улабр закричал торжествующим голосом:

– Ун и Зур смеются над Людьми огня!

Лев тем временем скрылся. Несколько минут вражеские воины продолжали наблюдать за вершиной холма, затем по знаку старшего устремились в погоню за пленником.

– Они бегают быстрее Зура! – грустно сказал сын Земли. – Их вождь силен, как леопард!

– Ун не боится никого! И у нас есть союзники!

Он увлек Зура к подножию холма. Когда преследователи, обогнув косу, показались из-за поворота, с вершины холма послышались боевые крики. Ушр и семь других женщин-Волчиц вышли на гребень холма, потрясая копьями. Люди огня, обескураженные, прекратили преследование.

Женщины быстро спустились по склону холма, и Ушр сказала Уну:

– Если мы не перебьем сейчас людей-Дхолей, они уйдут и вернуться вместе со всеми воинами своего племени!

Ей пришлось повторить свои слова дважды, только тогда Улабр понял их смысл.

– Говорили ли они что-нибудь о своих сородичах? – спросил Ун Зура.

– До их становища два длинных дня пути. – Внимательно посмотрев на женщин, Человек-без-плеч добавил: – Если мы нападём сейчас на Людей огня, они убьют нескольких женщин и, наверное, кому-нибудь из воинов удастся спастись бегством.

Кровь бурлила в жилах Улабра, но страх потерять снова друга победил его воинственный порыв. Кроме того, сын Быка испытывал в глубине души нечто вроде благодарности врагам за то, что они не лишили жизни своего пленника.

Глава 3

Бегство от людей огня

Ун, Зур и женщины-Волчицы спасались бегством. Вот уже семь дней, как их преследовал многочисленный отряд Людей огня. Одна из женщин обнаружила врагов; с высоты скалистого массива Ун насчитал около тридцати человек. Беглецы двигались медленно, так как Зур был еще очень слаб, но Ушр знала тайные проходы в густых зарослях и топких болотах, а сын Земли придумывал всевозможные хитрости, чтобы запутать врагов и сбить их со следа. Всякий раз, когда на пути беглецов встречался неглубокий ручей или речка, они входили в воду и шли вдоль русла вверх или вниз по течению. Несколько раз Ушр и Ун зажигали сухую траву, по которой они только что прошли. Люди огня теряли след беглецов. Однако многочисленные и упорные, они всякий раз находили его.

Наступил день новолуния. Люди огня не показывались. Беглецы разбили лагерь на поляне в чаще леса. В пути они немного отклонились в сторону равнины и теперь приближались к Большой реке.

Гигантские бамбуки обступили со всех сторон поляну. Было еще светло. Мужчины и женщины готовились к ночлегу: одни рубили сучья и собирали хворост для вечернего костра, другие строили убежище из колючих веток и гибких лиан.

Янтарный свет угасавшего дня сменился красноватыми сумерками. Легкий ветерок, казалось, догонял проплывавшие в вышине розоватые облачка. Слышался глухой, монотонный шум деревьев засыпающего леса.

Сердце Уна было полно нежностью к темноглазой Джейе. Он испытывал странную робость при виде ее тяжелых густых волос и чудесного сияния больших задумчивых глаз.

Иногда, при мысли о том, что согласие Ушр отпустить с ним Джейю было необходимо, суровая и вспыльчивая душа Улабра возмущалась; он выходил из себя, думая о возможном отказе... Но сын Быка хорошо понимал, что следует уважать обычаи чужого племени, особенно если разделяешь с людьми его все превратности кочевой жизни.

Когда звезды замерцали в просветах между бамбуками, Ун подошел к Ушр, только что закончившей трапезу, и сказал:

– Ушр, отдай мне в жены Джейю!

Женщина-вождь, поняв его слова, некоторое время молчала, не зная, что ответить. Законы ее племени были древними. Они существовали так долго, что приобрели несокрушимую силу в представлении Волчиц. Женщины племени не должны были выходить замуж ни за Людей огня, ни за Лесных людей. Но несчастья, обрушившиеся в последнее время на Волчиц, наполнили душу Ушр неуверенностью. Она не знала, остался ли в живых хоть один мужчина ее племени. К тому же Улабр был могучим союзником и верным другом.

Помолчав немного, Ушр сказала:

– Надо сначала избавиться от врагов. Когда мы это сделаем, Ушр ударит Джейю в грудь – и девушка станет женой Уна.

Сын Быка понял только половину ответа, и бурная радость охватила его. А Ушр смотрела на Уна с недоумением: она никак не могла понять, почему сын Быка выбрал тоненькую гибкую Джейю, а не женщину-вождя с мускулистыми руками и массивными челюстями...

В последующие два дня бегство продолжалось. Теперь Большая река была совсем близко. Никаких признаков Людей огня не было. Даже Ушр начала думать, что враги отказались, наконец, от преследования. Желая окончательно увериться в этом, женщина-вождь вместе с Уном и Зуром поднялись на высокую скалу. Достигнув вершины, они увидели вдали Большую реку, величаво изгибающуюся среди необозримой равнины, а еще дальше, на опушке леса, – маленькие, быстро продвигавшиеся фигурки людей.

– Люди огня! – горестно сказала Ушр.

Ун убедился, что количество врагов не уменьшилось, и, взглядевшись внимательно в их движения, заметил:

– Они не идут по нашему следу!

– Они найдут его! – заверила Ушр.

Зур сказал задумчиво:

– Мы должны переправиться через Большую реку!

Такая попытка была не под силу даже самым лучшим пловцам, не говоря уже о том, что река кишела крокодилами. Но люди племени Ва владели искусством переправляться через обширные водные пространства на плотях из толстых сучьев и стволов деревьев, связанных лианами и гибкими ветками.

Зур привел беглецов на берег Большой реки, где в изобилии росли черные тополя. Два ствола, упавшие в воду маленькой заводью, ускорили окончание работы. Задолго до полудня плот оказался готовым. Но враги были близко. Беглецы уже видели головной отряд Людей огня, появившийся из-за поворота реки, на расстоянии трех-четырёх тысяч шагов.

Когда плот отчалил от берега, Люди огня разразились яростными воплями. Ун ответил им своим боевым кличем, а женщины кричали и выли так, словно они и в самом деле были волчицами...

Беглецы плыли медленно, сильное течение сносило плот. Постепенно он приближался к тому месту, где находились Люди огня, и оба отряда очутились, в конце концов, лицом к лицу. Расстояние, разделявшее их, не превышало двухсот шагов. Люди огня сгрудились на узком мысу. Их было двадцать девять, все коренастые и коротконогие, с мускулистыми руками и мощными, как у дholeй, челюстями. Свиристая злоба светилась в круглых, глубоко посаженных глазах. Несколько воинов хотели броситься в воду и добраться до плота вплавь, но, заметив громадного питона и двух крокодилов, дремавших в прибрежных зарослях лотоса, отказались от подобного намерения.

Тем временем Ун, Зур и женщины, работая шестью, старались направить плот к середине реки. Он проплыл между двумя островками, повернулся несколько раз вокруг своей оси, снова приблизился к берегу, где толпились Люди огня, затем направился к юго-востоку. Через некоторое время беглецы благополучно высадились на противоположном берегу, и женщины, сойдя на землю, осыпали Людей огня насмешками.

Маленький отряд поспешно углубился в лес. Они шли до тех пор, пока дорогу им не преградил один из притоков Большой реки. Он оказался неглубоким, и переправиться через него было легко. Однако, прежде чем войти в воду, Зур разрезал на куски оленью кожу и велел всем при выходе из реки обмотать себе ноги этими кусками. Через некоторое время беглецы выбрались на скалистый берег, прошли по нему обернутыми оленьей кожей ногами и залили водой место стоянки.

– Зур – самый хитроумный из людей! – воскликнул восхищенный Уламр. – Люди-Дholeи полагают, что здесь переправилось через реку стадо оленей!

Однако враги столько раз находили потерянный след, что беглецы решили не останавливаться и до самой ночи шли без остановки к северу.

Часть пятая

Глава 1 В ущелье

Земля под ногами стала болотистой. Приходилось либо скользить в грязи, либо осторожно пробираться по зыбкому берегу. Беглецы двигались вперед со скоростью черепахи. Но вот Боль-

шую реку стиснули с обеих сторон крутые скалистые берега, и дорогу маленькому отряду преградила огромная каменная стена длиной в три тысячи шагов. Западный край ее омывался бурными водами Большой реки; восточный терялся в громадном, совершенно непроходимом болоте.

После долгих поисков был найден, наконец, один-единственный проход – узкое и глубокое ущелье, открывавшееся в каменной толще на большой высоте. Путь к нему проходил по крутому склону, усеянному огромными глыбами сланца. Ун, шедший позади всех, добрался до входа в ущелье и остановился, чтобы оглядеть местность сверху. Ушр тем временем ушла вперед. Скоро она вернулась и сообщила:

– Болото продолжается и по ту сторону скал.

– Придется снова переправляться через Большую реку, – сказал Зур, сопровождавший женщину-вождя. – По ту сторону скал есть деревья. Мы сможем построить плот.

Внезапно Ун с тревожным восклицанием указал рукой на юг. Там, между двумя болотами, появились одна за другой семь человеческих фигур. Внешний облик их был достаточно характерным, чтобы не оставлять сомнений.

– Люди-Дхоли! – воскликнула в ужасе Ушр.

Число врагов непрерывно увеличивалось. Вдохнув полной грудью нездоровые испарения болотных вод, Ун измерил глазами расстояние, отделявшее Людей огня от входа в ущелье, и сказал мрачно:

– Люди-Дхоли доберутся сюда задолго до того, как плот будет готов!

Огромные камни валялись повсюду вокруг них. Ун принялся подкатывать их один за другим к узкому входу. Ушр, Зур и все остальные женщины помогали ему. Видно было, как Люди огня медленно пробираются между двумя болотами. Смерть приближалась к беглецам вместе с этими зловещими фигурами.

Ун решил.

– Сын Быка вместе с тремя самыми сильными женщинами останется здесь и будет защищать вход в ущелье, – распорядился он. – Зур и все остальные тем временем построят плот.

Сын Земли колебался. Тревожный взгляд его встретился с глазами друга. Уламр понял его волнение.

– Здесь четыре дротика и два копья, – сказал он успокаивающе. – У меня есть еще моя палица, у женщин – копья. Если мы окажемся недостаточно сильными, я позову на помощь. Иди! Только плот может спасти нас!

Зур повиновался. Для защиты ущелья Ун оставил с собой Ушр и еще одну женщину с широкими плечами и мускулистыми руками. Обернувшись, чтобы выбрать третью, он увидел Джейю. Тряхнув своими пышными волосами, она храбро вышла вперед. Ун хотел устранить ее но девушка смотрела на Уламра с такой лихорадочной, тревожной нежностью, что сердце его дрогнуло и он на мгновение забыл об опасности и смерти... Из всех людей племени Уламров один только Нао испытал когда-то такое же чувство к Гаммле...

Люди огня приближались. Переправившись через топкое болото, они разбрелись вдоль каменистого берега. Один из них, видимо вождь, весь обросший волосами, словно медведь, без усилий держал в громадных ручищах огромное копьё, более тяжелое, чем палица Уна.

Подойдя к скалистому массиву, Люди огня рассыпались вдоль него в поисках прохода. В каменной толще имелось еще несколько расселин, но все они кончались тупиками. Только ущелье, занятое Уном и его спутниками, было сквозным.

Ун, Ушр, Джейя и третья женщина лихорадочно заканчивали укрепление входа. Одновременно они собирали камни, чтобы сбрасывать их на атакующих. Достигнуть входа в ущелье можно было двумя путями: либо прямо вверх по сухому каменистому руслу, промытому весенними и осенними водами, либо окольным путем, сквозь лабиринт сланцевых глыб. В первом случае можно было вести атаку тремя или даже четырьмя рядами; во втором случае нападающие вынуждены были пробираться к входу в ущелье поодиночке, но зато имели возможность атаковать осажденных сверху...

В ста шагах от скалистого массива Люди огня остановились. Злорадно ухмыляясь, они следили за действиями Уна и женщин. Из-под толстых синеватых губ сверкали острые белые зубы.

Внезапно они разразились дикими воплями, напоминающими вой волков или дхолей. Ун показал им свое копьё и палицу.

– Уламры захватят охотничьи земли Людей огня! – крикнул он.

Хриплый голос Ушр присоединился к громовому голосу Уламра:

– Люди-Дхоли истребили моих сестер и братьев! Наши союзники уничтожат людей-Дхолей!

Затем наступило молчание. Влажный, горячий ветер дул со стороны болот. Орлы и ястребы парили над острыми вершинами. В бесконечной тишине слышался лишь несмолкаемый голос Большой реки.

Люди огня разделились на два отряда. Волосатый вождь повел первый отряд окольным путем, среди сланцевых глыб; остальные пытались добраться до входа в ущелье по сухому руслу, укрываясь в расселинах позади валунов.

Ун еще раз пересчитал глазами врагов. Он держал наготове метательный снаряд с вложенным в него дротиком. Ушр и остальные женщины должны были по первому сигналу Уламра обрушить на атакующих град камней. Но враги, скрытые за валунами, оставались невидимыми, показываясь лишь на мгновение в узких извилистых проходах, где в них трудно было попасть. Но вот один из Людей огня оказался на виду. Дротик просвистел в воздухе и впился ему в грудь. Раздался хриплый крик, раненый упал. Ун, напрягая все внимание, держал наготове второй дротик...

Наступление возобновилось. Особенно быстро продвигались враги по окольному пути, где несколько вражеских воинов уже достигли высоты ущелья, оставаясь невидимыми для осажденных. Для того чтобы начать атаку, им нужно было подняться еще выше и взобраться на узкий карниз, откуда они могли по одному спрыгнуть в ущелье.

Прямой путь тем временем также был захвачен врагами. Яростный рев прокатился среди скал, и пятнадцать человек в неистовом порыве кинулись в атаку. Просвистел дротик, полетели камни. Свирепые крики и жалобные стоны раненых отдавались гулким эхом в окрестных утесах. Трое Дхолей замертво скатились вниз; двое были ранены. Но атака Людей огня не остановилась. Несмотря на беспрерывно поражавшие их камни и удачно брошенное Уном копьё, враги уже были на расстоянии восьми шагов от входа. Ун видел прямо под собой свирепые лица с горящими злобой глазами, слышал хриплое, яростное дыхание врагов... Тогда, напрягая все силы, он столкнул на головы нападающих огромный валун, в то время как женщины с мужеством отчаяния продолжали сбрасывать вниз обломки сланца. Страшный вопль прозвучал среди скал, и нападающие в беспорядке покатались вниз.

Ун приготовился сбросить на них второй валун, но в этот момент камень, кинутый сверху, угодил ему в плечо.

Подняв глаза, сын Быка увидел огромную рыжую голову, выглядывавшую из-за скалы. Четыре человека один за другим, спрыгнули в ущелье. Ун попятился держа обеими руками палицу. Ушр и Джейя подняли копья. В узком проходе с той и с другой стороны могли встать в ряд не более трех бойцов.

Наступила короткая пауза. Страх перед громадным Уламом удерживал на месте Людей огня. Ун с тревогой спрашивал себя: не пора ли вызывать подкрепление? Прямо перед ним возвышалась массивная фигура вражеского вождя. Копье, которое он держал в руке, было намного длиннее копий его соратников; лицо дышало силой и уверенностью в победе.

Вождь первым кинулся в атаку; острый конец его копья разорвал кожу на правом бедре Ушр. Мощным ударом Ун отбросил копье в сторону; палица, опустившись, раздробила плечо вражеского воина, ринувшегося в атаку вслед за вождем... Раненый упал, но его место тотчас же занял другой. Новые нападающие появлялись позади первых. Ушр громко закричала, призывая на помощь. Джейя и третья женщина вторили ей. Люди огня, рыча словно волки, набросились на осажденных. Тремя ударами палицы сын Быка отбросил назад три копья, отломив у двух острые наконечники. Ушр ранила одного из Дхолой в грудь. Но третья женщина, пронзенная вражеским копьем, за смертью рухнула на землю...

Страшная палица Улама заставила Людей огня попятиться. Они сгрудились у входа в ущелье. Рыжий вождь, высоко подняв копье, стоял впереди своих воинов. Те, чьи копья пришли в негодность, уступили свое место другим бойцам.

Яростно заскрежетав зубами, вражеский вождь вскинул копье и устремился на Уна. Зоркие глаза его подстерегали каждое движение противника. Ун отпрянул в сторону, но конец вражеского копья рассек ему бедро. Уламр пошатнулся... Вождь торжествующе закричал, предвкушая победу... Тогда сын Быка, собрав все свои силы, высоко поднял палицу и с размаху опустил ее на широкий, заросший огненными волосами череп. Раздался хруст костей, и, откинувшись назад, рыжий гигант с хриплым стоном упал навзничь к ногам своих воинов.

Некоторое время Люди огня оставались на месте, не решаясь перейти в наступление. Но число их все увеличивалось, и скоро враги предприняли новую атаку. Огромная палица Уна снова пришла в движение; она ломала наконечники копий, разбивала черепа, крушила кости. Ушр и

Джейя наносили удар за ударом. Все же, под натиском превосходящих сил врагов, осажденные понемногу отступали и постепенно приближались к тому месту, где ущелье расширилось и где атаки врагов должны были стать сокрушительными.

С невероятными усилиями отбивая направленные на него со всех сторон копыя, сын Быка сумел на короткое время приостановить продвижение врагов. Но вот позади него послышались воинственные крики, и у противоположного входа в ущелье показались остальные женщины во главе с Зуром. Два дротика, один за другим, просвистели в воздухе и впились в тела вражеских воинов; палица Уна разила направо и налево...

Паника охватила Людей огня. Они в беспорядке бросились назад, увлекая за собой раненых, унося мертвых. На бегу Дхоли сталкивали валуны, скатывались вместе с ними по откосу, пытались укрыться в расселинах и ямах. На поле боя остались лишь двое убитых. Женщины сбросили их тела вниз.

Еще не понимая как следует, что произошло, Ун и его соратники, тяжело дыша, стояли у входа в ущелье. Люди огня снова стали невидимы; только трупы убитых валялись среди обломков сланца, усеивавших крутой склон.

Поняв, наконец, что это победа, женщины пришли в неистовство. Перегнувшись через нагроможденные у входа в ущелье валуны, они торжествующе кричали дикими хриплыми голосами. И Ун, несмотря на терзавшие его раны, испытывал чувство горделивой радости. Ведь это он отбил все атаки противников, свалил вражеского вождя и посеял панику среди Дхолей. Это он спас жизнь Джейи, отбросив в сторону вражеское копьё, нацеленное прямо в ее сердце! Сияющий взор Улабра встретился с восхищенным и благодарным взглядом девушки. И снова сердце Уна дрогнуло от неведомого доселе волнения перед прекрасными темными глазами и густыми, рассыпавшимися по плечам Джейи волосами, более мягкими и блестящими, чем самые нежные растения саванны и джунглей...

Сын Земли сказал:

– Зур и женщины нашли много стволов и веток... Плот почти готов!

– Это хорошо. Ун вместе с шестью Волчицами останется охранять ущелье. Зур и остальные женщины закончат постройку плота...

Тихие, горестные звуки заставили друзей обернуться. Склонившись над телом убитой женщины, подруги ее печально повторяли нараспев какие-то грустные торжественные слова, напоминающие не то жалобу, не то песню...

Время идет. Можно подумать, что Люди огня исчезли. Но Ун слышит, как они шуршат и царапаются где-то слева от него, и знает, что враги прокладывают себе путь через гребень скалистого массива. Они хотят перекрыть вход в ущелье с северной стороны и отрезать Уна и его соратниц от остальных. Если врагам удастся достигнуть цели, их победа обеспечена. Несмотря на тяжелые потери, Люди огня все еще сохраняют численное превосходство. Только Улабр сильнее их, только Ушр стоит одного из вражеских бойцов. Но Ушр и Ун ослабели от ран. И Улабр с возрастающим беспокойством прислушивается к движениям противников.

Несколько вражеских воинов показываются слева от Уна. То карабкаясь на плечи товарищей, то вырубая ступеньки в мягком сланце, они поднялись по крутому склону и теперь находятся на расстоянии пяти шагов от узкого каменного карниза, ведущего к вершине. Для того чтобы взобраться на этот карниз, достаточно выдолбить пять или шесть ступенек в гладкой, немного наклонной скале.

Люди огня принимаются рубить первые две ступеньки.

Желая помешать им, Ун бросает свое последнее копьё. Но оно ударяется о каменный выступ, не достигнув цели. Тогда сын Быка начинает кидать в Дхолей камни. Расстояние делает их безвредными.

Прямая атака противника кажется невозможной. Борьба идет сейчас между теми, кто строит плот, и теми, кто рубит ступеньки в податливой породе. И, поскольку никакая опасность со стороны ущелья не угрожает, Ун отправляет двух женщин к Зуру, чтобы ускорить окончание работы.

Третья ступенька готова, за ней – четвертая... Остается вырубить еще одну – и Люди огня достигнут каменного карниза, который приведет их к вершине. Почему-то они очень долго не мо-

гут приступить к работе над этой ступенькой. Но вот, наконец, один из вражеских воинов, взобравшись на плечи другого, начинает долбить ее.

Тогда Ун говорит своим соратникам:

– Идите помогать Зуру. Надо скорей кончать плот! Ун один будет охранять ущелье.

Ушр, окинув внимательным взглядом скалы, зовет остальных женщин. Джейя смотрит на Уна умоляющими глазами и нехотя уходит вместе с другими. Перегнувшись через каменные зубцы, Уламп опять бросает в противников камни, но это не останавливает Людей огня. Последняя ступенька готова. Один из воинов взбирается на карниз, за ним второй... Вражеский вождь, которого лишь оглушила палица Уламп, ползет следом за своими соплеменниками.

Ун бежит к выходу из ущелья, выскакивает наружу и спускается по крутому откосу на берег Большой реки. Первые Люди огня уже показались на гребне скалистого массива.

– Плот еще не закончен, – говорит Зур. – Но он как-нибудь доставит нас на тот берег.

По знаку Уна женщины подхватывают бесформенное, громоздкое сооружение из веток и бревен и спускают его на воду. Позади звучат хриплые возгласы. Люди огня приближаются. Женщины, прижимая к себе детей, в беспорядке прыгают на плот. Ун и Зур покидают берег последними, когда между ними и Людьюми огня остается не более пятидесяти шагов расстояния.

– Через восемь дней мы уничтожим всех Дхолей! – кричит Уламп в то время, как течение стремительно уносит плот от берега.

Глава 2

Возвращение в пещеру

Плот плыл по Большой реке, крутясь среди водоворотов, увлекаемый вперед бурным течением. Несколько раз в особо опасных местах женщины спрыгивали с плота в воду, чтобы облегчить незавершенное сооружение, грозившее вот-вот развалиться. Но вскоре они вынуждены были отказаться от подобных действий, так как вокруг плота то и дело появлялись крокодилы.

Все же плот с беглецами постепенно приближался к правому берегу. Далеко позади, на противоположном берегу, виднелись крошечные фигурки Людей огня. Для того чтобы возобновить преследование, врагам нужно было переправиться через Большую реку, и они не могли сделать это иным способом, чем беглецы.

Сойдя на берег, Ун сказал Зуру:

– Придется идти до самого вечера. Тогда мы через четыре дня доберемся до базальтовой гряды.

Они посмотрели друг другу в глаза. Одна и та же мысль зарождалась в их головах.

– Ун и Ушр ранены, – грустно заметил сын Земли.

– Мы должны во что бы то ни стало опередить Людей огня. Иначе они уничтожат нас.

Ушр пренебрежительно пожала плечами: ее рана была неглубокой. Она сорвала несколько листьев и приложила их к бедру. Зур перевязал раны Уламп. Затем маленький отряд тронулся в путь.

Дорога шла по болотистым, труднопроходимым землям. Однако уже к вечеру Ун и Зур стали узнавать местность.

Следующие двое суток прошли спокойно. До базальтовой гряды оставалось еще два дня пути. Зур придумывал всевозможные хитрости, чтобы сбить преследователей со следа.

На пятое утро вдаль показались хорошо знакомые очертания базальтовой гряды. С вершины холма, расположенного у одного из поворотов Большой реки, был ясно виден ее длинный гребень, увенчанный острыми зубцами. Ун, дрожа от лихорадки, вызванной потерей крови, смотрел блестящими глазами на темную массу базальта. Схватив Зура за руку, сын Быка пробормотал:

– Мы снова увидим нашего союзника!

Радостная улыбка осветила его измученное лицо. Убежище, где они с Зуrom провели столько спокойных, безмятежных дней; могучий зверь, связанный с ними узами таинственной дружбы; ясные зори и тихие вечерние часы возле пылающего костра на высокой площадке перед входом в пещеру пронеслись в его воображении смутными, счастливыми видениями... Повернув к Джейе

осунувшееся от лихорадки и потери крови лицо, Уламп сказал:

– В пещере мы сможем дать отпор целой сотне людей-Дхолей!

Тревожное восклицание Ушр прервало слова Уна. Рука ее указывала на юг, вниз по течению Большой реки. Обернувшись, все отчетливо увидели Людей огня, двигавшихся по следу на расстоянии семи-восьми тысяч шагов.

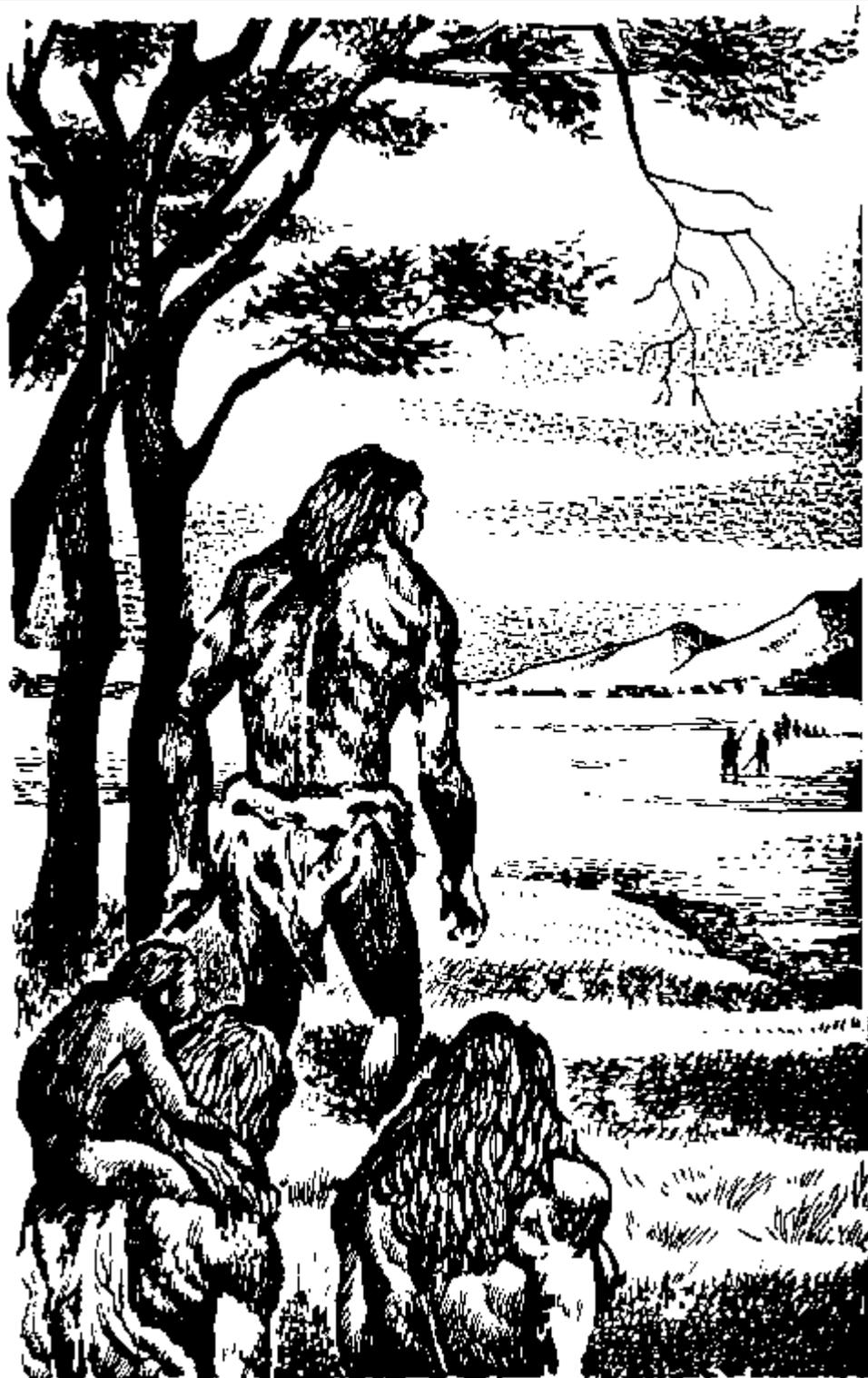
Беглецы торопливо спустились с холма и продолжали путь настолько быстро, насколько это позволяли раны. Уна и женщины-вождя. Надо было во что бы то ни стало добраться до базальтовой гряды раньше, чем враги настигнут их.

Беглецам предстояло преодолеть расстояние примерно в двадцать тысяч шагов.

К середине дня половина пути была пройдена. Но Люди огня выиграли за это время около четырех тысяч шагов. Видно было, как они бегут по следу, словно стая шакалов. Тот, кого Дхоли опасались больше всех остальных, взятых вместе, совсем ослабел от ран. Враги видели, как он плелся, прихрамывая, позади маленького отряда, и, предвкушая легкую победу, торжествующе вопили.

На минуту беглецы остановились. Горящие лихорадочным огнем глаза Уна смотрели на сына Земли с выражением мучительного беспокойства. Внезапно он схватил Зура за плечо, словно стремясь удержать его, пока не поздно, от рокового шага. Но сзади снова слышались крики врагов. Ун взглянул в их сторону, опустил глаза на свое распухшее, кровоточащее бедро, снова посмотрел на врагов, определяя расстояние, отделявшее беглецов от Людей огня, – и с тяжелым вздохом отпустил плечо друга.

Зур кинулся в обход базальтовой гряды к логовищу пещерного льва, а Ун тем временем вел женщин и детей к пещере.

Глава 3 Лев-великан

Когда Ун и его спутницы очутились, наконец, перед входом в пещеру, между ними и преследователями оставалось не более двух тысяч шагов.

Ун вместе с Ушр первыми взобрались на площадку.

За ними последовали остальные. Сначала подняли детей; матери вскарабкались следом. Последние три женщины были еще на половине пути, когда Люди огня, подбежав, стали кидать в них свои заостренные камни. Но камни, брошенные издали, отскакивали от скалы, не причиняя

женщинам вреда. Ун метнул в сторону врагов свой последний дротик. Ушр и другие женщины обрушили на головы нападающих град камней. Люди огня, еще слишком малочисленные, чтобы предпринять атаку, отступили.

Когда же подоспел вражеский арьергард, было уже поздно: все женщины благополучно достигли верхней площадки.

Пещера была абсолютно неприступна. Только один человек – мужчина или женщина – мог одновременно взобраться на узкий выступ скалы, а затем, встав на плечи товарища, подтянуться на руках до площадки перед входом. Одного удара копьём было достаточно, чтобы пресечь подобную попытку и сбросить нападающего вниз.

Люди огня сразу поняли это. Они бродили вдоль базальтовой гряды в надежде найти другой подход к пещере. Но вокруг высились лишь гладкие, совершенно отвесные скалы.

Впрочем, это мало огорчало Дхолей. Они знали, что достаточно подождать несколько дней, и голод, а главное, жажда, отдадут осажденных им в руки. Там, в ущелье, беглецам удалось ускользнуть от преследователей и переправиться через реку. Здесь же день, когда они попытаются выйти из своего убежища, будет их последним днем.

Что могут сделать одиннадцать женщин и двое мужчин против двадцати воинов, полных сил?

Когда женщины и дети оказались в безопасности, Ун оставил на площадке двух дозорных, зажег смолистый факел и, запретив всем остальным следовать за собой, стал спускаться по узкому проходу к нижней пещере. Сердце его сжималось от беспокойства за друга.

А что, если пещерный лев не узнал Зура?

Не пройдя в половины пути, Уламр услышал глухое рычание, заставившее его ускорить шаг. Щель, сквозь которую они с Зуrom столько раз смотрели на царственного зверя, была на месте. Внезапно глубокий вздох облегчения вырвался из груди Уламра. Он увидел Зура рядом с хищником, услышал прерывистое, взволнованное дыхание огромного зверя.

– Пещерный лев по-прежнему союзник сына Земли и сына Быка, – сказал Зур.

Радостное волнение охватило Уна.

– Люди-Дхоли не пошли по следу Зура? – спросил он.

– Они не заметили, как сын Земли отделился от остальных. Зур спрятался за камнями.

Огромный зверь долго обнюхивал Уна; затем, успокоившись, улегся на землю и задремал. Уламр заговорил снова:

– Зур будет выходить из логова только по ночам вместе с пещерным львом... Он не примет ничего против Людей огня, пока Ун не станет снова сильным.

– Днем Зур будет ходить только к болоту. Болото совсем рядом... Уну и женщинам нужна вода для питья...

Уламр тяжело вздохнул. Он думал о болотах и родниках, о ручьях и речках. Жажда, усиленная лихорадкой от раны, мучила его. Не удержавшись, Ун пробормотал:

– Жажда сжигает Уна... но он потерпит до вечера...

– Болото рядом! – повторил Человек-без-плеч. – Ун должен пить, чтобы скорей поправиться и стать снова сильным. Я дойду до болота.

Он двинулся к выходу. Хищник приоткрыл глаза, но тут же снова закрыл, не чуя ничего подозрительного. Зур быстро добрался до болота. Он напился сначала сам, затем опустил в воду примитивный бурдюк из оленьей кожи, скрепленной колючками. Бурдюк вмещал достаточно воды, чтобы утолить жажду нескольких человек. Зур наполнил его водой и вернулся в пещеру.

Ун пил большими глотками свежую, прохладную воду, и ему казалось, что силы снова возвращаются к нему.

– Ушр тоже ранена! – сказал он. – Остальные напьются вечером.

И сын Быка унес бурдюк в верхнюю пещеру. Когда Ушр утолила жажду, он дал несколько глотков воды Джейе.

После этого Ун улегся на полу пещеры и проспал крепким сном до самого вечера. Проснувшись, он почувствовал, что лихорадка исчезла, раны перестали кровоточить. Когда сумерки сгустились над землей, сын Быка поднялся и, выйдя на площадку, стал наблюдать за Людьми огня.

Они разожгли напротив пещеры большой костер и сидели вокруг него, то и дело поворачивая головы в сторону базальтовой гряды. Широкие тупые лица выражали упрямую решимость.

Утомленные долгой погоней, женщины, так же как и Ун, спали до позднего вечера. Разбудил их не столько голод, сколько жажда. Женщины смотрели на Уламура глазами, полными тоски и страха, и думали о воде, принесенной им из глубины пещеры. Только Ушр и Джейя получили ее... И доверие, которое эти слабые существа питали к огромному Уламуру, сменялось в их сердцах тревогой и неуверенностью.

Ушр спросила:

– Куда ушел Зур?

– Зур принесет нам мясо и воду, прежде чем кончится ночь, – ответил сын Быка.

– Почему он не с нами?

– Ушр узнает об этом позже.

И, видя, что женщина-вождь смотрит в темноту, Уламур добавил:

– Ун один будет спускаться в глубь пещеры. Иначе всех нас ждет смерть!

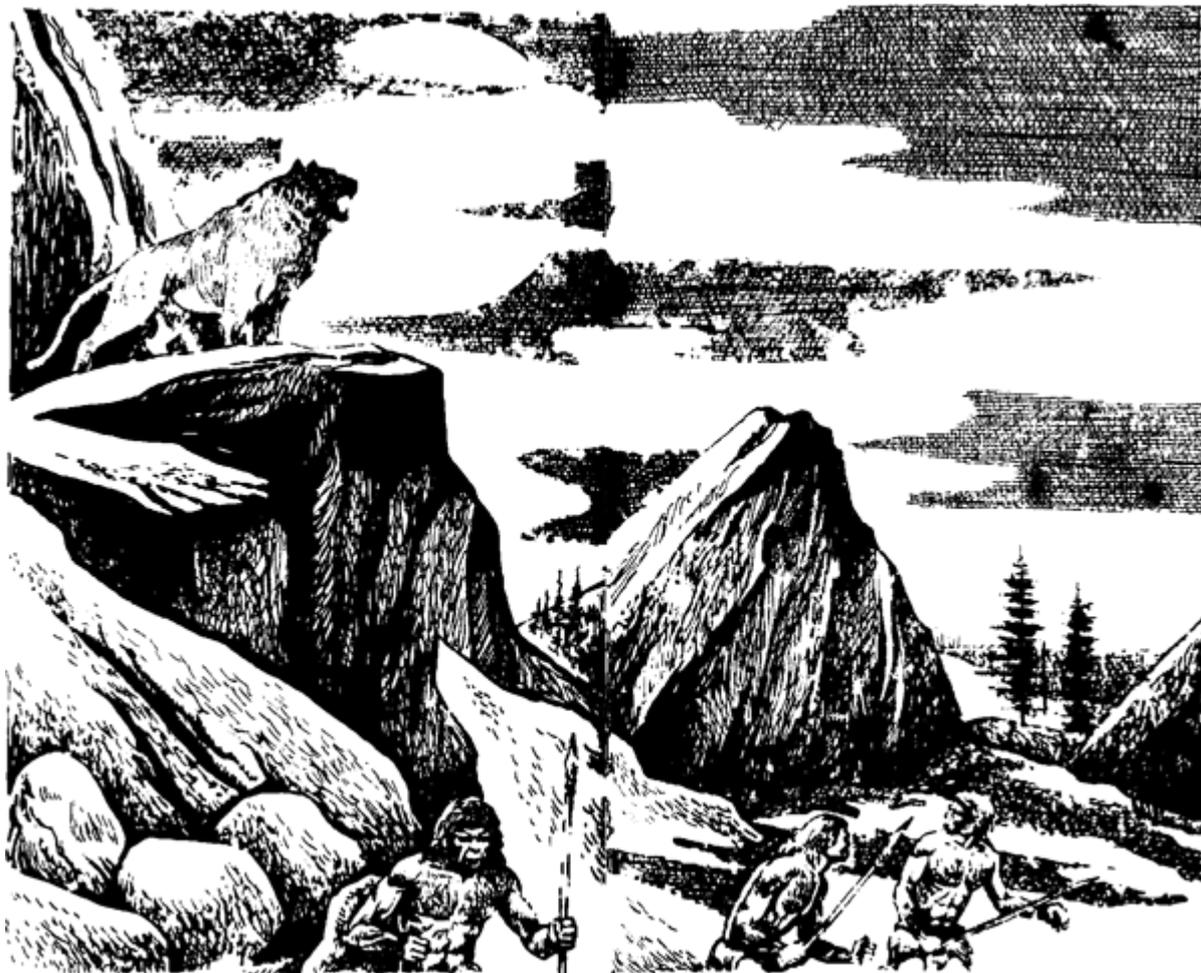
Суровая, полная лишений жизнь приучила женщин стойко переносить голод и жажду. Все, даже самые маленькие дети, привыкли к длительному воздержанию и умели терпеливо ждать.

Ночные светила медленно текли по своим вечным путям. Люди огня спали. Женщины, измученные беспокойством, тоже уснули. Ун дремал, прислонившись к стене.

В середине ночи из темной глубины пещеры донесся далекий зов. Сын Быка вскочил, зажег факел и спустился вниз. Пещерный лев с Зуrom только что закончили охоту: посреди логовища лежала туша большого оленя. Человек-без-плеч отрубил от нее заднюю ногу и передал через щель Уламуру; затем он отправился к болоту, захватив с собой бурдюк из оленьей кожи.

Когда Ун снова появился в верхней пещере с водой и мясом, женщины замерли от изумления, смешанного с суеверным восторгом. В пещере сохранилось немного хвороста, запасенного когда-то Уном и Зуrom. Сходяв еще раз за водой, Ун развел костер и стал жарить оленьё мясо. Это было и вызовом и неосторожностью. Дозорные Людей огня тотчас же увидели в пещере свет и разбудили своего вождя. Вскочив на ноги, он, ошеломленный, уставился на огонь.

Поразмыслив немного, вождь решил, что в пещере мог быть запас топлива; что же касается мяса, которое осажденные жарили на костре, то это было, вероятно, какое-нибудь животное, убитое беглецами во время погони. Тем не менее он послал несколько воинов обследовать на всякий случай базальтовую гряду с противоположной стороны.

Обогнув южную оконечность массива, вражеские воины принялись рассматривать при свете луны многочисленные расселины и трещины, прорезавшие базальтовый кряж. Однако им удалось обнаружить лишь узкие щели, неглубокие складки да несколько углублений под нависающими скалами. Каменный коридор, по которому Зур спасался когда-то от черного льва, привлек на некоторое время их внимание. Миновав его. Люди огня очутились перед широким, темным входом... Сильный запах хищного зверя ударил им в ноздри.

Воины поняли, что какой-то крупный хищник находится неподалеку, и остановились.

Тем временем их собственные испарения проникли в пещеру. Огромная фигура льва появилась у входа, громовое рычание потрясло воздух, и Люди огня, объятые ужасом, убежали без оглядки, узнав в хозяине пещеры самого грозного из существовавших в те времена хищников.

После этого случая вражеский вождь окончательно уверился, что пещера, где скрывались беглецы, не имела иного выхода, кроме того, который стерегли его воины. Если у вождя и оставались какие-нибудь сомнения на этот счет, то в последующие дни они рассеялись без остатка. Ун и женщины все время показывались на площадке перед входом в пещеру. Значит, бегство из нее было невозможно. Людям огня следовало лишь запастись терпением, стеречь и ждать.

Выздоровление Уна шло успешно. Лихорадка прошла, раны стали затягиваться. Зур продолжал снабжать осажденных водой и мясом. Он приучал пещерного льва следовать за собой, и могучий зверь с каждым днем все охотнее подчинялся человеку. Зур угадывал все побуждения хищника, предвидел, смотря по обстоятельствам, его поступки. Он так верно подмечал смену настроений зверя и так ловко применялся к ним, что лев, в конце концов, привязался к Человеку-без-плеч крепче, чем к животному одной с ним породы.

На восьмую ночь Ун, спустившись вниз, чтобы взять приготовленную Зуром воду и пищу, сказал ему:

– Рана закрылась. Теперь сын Быка снова может сражаться. Завтра ночью Зур приведет пещерного льва по ту сторону скал...

Помолчав немного, Человек-без-плеч ответил:

– Сегодня утром Зур заметил, что один камень в щели шатается. Если мы сумеем оторвать его, отверстие станет достаточно широким, чтобы пропустить человека, но слишком узким для пещерного льва.

Он положил руку на самый нижний выступ базальта и стал потихоньку расшатывать его. Ун принялся помогать ему. Мускулистые руки сына Быка скоро заставили камень сдвинуться. Тогда Уламр изо всех сил потянул камень к себе, в то время как Зур толкал его обеими руками. Наконец кусок базальта отломился, за ним – еще два. Уламр отбросил их в сторону и, распластавшись, прополз через образовавшееся отверстие в логовище.

Лев, обеспокоенный всей этой возней, бросил добычу и вскочил на ноги с угрожающим видом. Но ласковое прикосновение руки Зура тотчас же успокоило зверя, и он принялся дружески обнюхивать Уламра.

– Мы можем застигнуть Людей огня врасплох! – радостно воскликнул Ун.

Зур подвел друга к выходу из логовища, показал ему десяток дротиков, которые он выточил за долгие часы одиночества, и сказал:

– Мы будем сражаться на расстоянии.

На следующий день Ун и Зур изготовили еще несколько дротиков, и количество их возросло до четырнадцати. Когда же наступил вечер, Уламр предупредил Ушр и ее подруг:

– Этой ночью Ун и Зур будут сражаться с Людьми огня. Пусть женщины держатся наготове...

Ушр слушала с изумлением:

– Как же Ун и Зур соединятся?

Уламр рассмеялся:

– Мы расширили проход между двумя пещерами... Ун и Зур выйдут по ту сторону скал и нападут на людей-Дхолей вместе со своим союзником.

– Разве у сына Быка и сына Земли есть союзник?

– Ун и Зур заключили союз с пещерным львом.

Ушр слушала, пораженная. Но ум ее был прост, и женщина не стала утруждать себя долгими размышлениями. Доверие, которое она питала к огромному Уламру, превозмогло даже любопытство.

Ун продолжал:

– Женщины не должны спускаться на равнину до того, как Ун подаст сигнал! Иначе пещерный лев растерзает их!

Джейя, восхищенная больше других, не сводила с Уламра блестящих от восторга и любопытства глаз.

– А лев не может пройти из нижней пещеры в верхнюю? – спросила она.

– Нет, проход слишком узок для него!

Последние краски заката погасли на западе. Светлая звезда зажглась в небесной вышине. Ун спустился в нижнюю пещеру.

Костер людей-Дхолей отбрасывал вокруг лишь слабые отблески. Три воина бодрствовали. Остальные уже улеглись спать в ограде из камней, которая защищала их от неожиданных нападений. Двое дозорных дремали; третий, повинувшись приказу вождя, ходил вокруг костра, посматривая время от времени в сторону пещеры.

Подбросив в угасающий огонь несколько веток, дозорный выпрямился и, взглянув вверх, увидел на площадке перед входом в пещеру человеческую фигуру. Это была женщина. Перегнувшись через край площадки, она внимательно смотрела вниз. Дозорный протянул в ее сторону руку, вооруженную копьем, и молча ухмыльнулся. Но усмешка тут же исчезла с его лица. Внизу, у подножия базальтовой гряды, появилась другая человеческая фигура – громадного роста, с широкими плечами. Невозможно было не узнать ее. Несколько мгновений дозорный растерянно созерцал необычное явление, спрашивая себя, как смог и как посмел сын Быка спуститься один на равнину? Затем он окликнул остальных дозорных, и все трое, потрясая копьями, подали сигнал тревоги.

Ун отделился от скал и смело двинулся к вражескому костру. Приблизившись, он бросил в

сторону дозорных заостренный камень. Камень попал в голову одному из Дхолей, но лишь слегка оцарапал ее. Второй камень задел плечо другого дозорного. Яростные крики раздались со всех сторон, и Люди огня стали выскакивать из своего убежища. Тогда, выпрямившись во весь рост, сын Быка испустил боевой клич.

Наступила короткая пауза, во время которой Люди огня разглядывали поочередно то Уламира, то окружающую местность. Наверху, у входа в пещеру, две женщины присоединились к первой. Но на равнине не было видно никого, кроме Уна, все вооружение которого состояло из палицы и нескольких заостренных камней. Изумленный и недоумевающий, вождь Дхолей напрасно старался понять, что все это значит. Несколько мгновений он стоял в растерянности, смутно предчувствуя какую-то ловушку; но воинственный инстинкт скоро взял верх над осторожностью. Горланый голос подал сигнал к атаке, и Люди огня ринулись вперед. Двадцать коренастых фигур устремились к сыну Быка.

Ун бросил свой последний камень и пустился бежать. Но прежняя быстрота, казалось, изменила ему; самые быстроногие из Дхолей явно превосходили его в скорости. Остальные, возбужденные погоней за верной добычей, следовали на расстоянии за первыми. Иногда Уламир спотыкался; иногда, словно сделав над собой огромное усилие, снова набирал скорость и отдалялся от преследователей, но затем расстояние между ними снова сокращалось. Вождь Дхолей уже был шагах в тридцати от беглеца, когда они достигли южной оконечности базальтовой гряды. Люди огня громко вопили, торжествуя близкую победу...

С жалобным криком Ун уклонился в сторону и скрылся среди скал, которые образовали в этом месте несколько узких каменных коридоров, заканчивавшихся на юге более широким проходом.

Вождь остановился, окинул быстрым взглядом окружающую местность и приказал нескольким воинам преградить выход из лабиринта, а остальным – продолжать преследование.

– Смерть Дхолям!

Гневный голос прозвучал впереди, громовое рыкание ответило ему, и огромное темное тело, пролетев в гигантском прыжке по воздуху, упало на землю среди скал.

В следующее мгновение пещерный лев обрушился, словно лавина, на Людей огня. Три воина остались лежать на земле с разорванной грудью; четвертый упал замертво, сбитый одним ударом мочуей лапы...

На высокой плоской скале показались Ун и Зур. Дротики один за другим рассекали воздух и впивались то в горло, то в бедро, то в грудь вражеских воинов. А гигантский хищник, внезапно появляясь из-за скал, то сбивал с ног одного беглеца, то раздирал другого...

Объятые паникой, Люди огня бежали прочь от страшного места. Ужас перед сверхъестественным появлением хищника мешался в их темном сознании с ужасом близкой смерти. Сам вождь удирал наравне со всеми. К сыну Быка вернулась вся его быстрота и сила. Прыгая, словно леопард, он легко нагнал бегущих, и огромная палица опускалась, поднималась и снова опускалась над вражескими головами...

Когда Дхоли добрались наконец до своего убежища среди камней, их оставалось только семь. Остальные валялись в траве убитые или тяжело раненные.

- Пусть Зур остановит пещерного льва! – крикнул Ун.

Укрытые за каменной оградой, враги снова становились опасными. Отчаяние придавало им храбрости. Сквозь просветы между валунами острые копыта Людей огня могли нанести пещерному льву смертельную рану.

Огромный зверь без сопротивления позволил Зуру увести себя. Всюду валялись тела убитых. Лев спокойно схватил добычу и отправился с ней в свое логовище.

Несколько мгновений сын Быка стоял в раздумье. Затем сказал другу:

– Пусть Зур следует за пещерным львом в его логово. Он вернется через верхнюю пещеру и передаст женщинам, чтобы они были готовы.

Сын Земли с гигантским хищником скрылись среди скал. Ун принялся собирать дротики, вытаскивая их из тел убитых врагов. Затем медленными шагами вернулся к убежищу Людей огня. Он видел врагов в просветах между валунами и легко мог убить еще кого-нибудь из них. Но душа Нао была в нем, полная великодушия к побежденным.

– Зачем Люди огня напали на Лесных людей? Зачем хотели они убить Уна и женщин-

Волчиц?

В звучном голосе Улабра слышалась грусть. Люди огня молча прислушивались к его словам. Вражеский вождь на мгновение показался между валунами и подал было сигнал к атаке, но Ун показал ему свой метательный снаряд и продолжал:

– Сын Быка сильнее вождя Дхолей! Он бежит быстрее его и умеет поражать врагов на расстоянии!

Наверху, у входа в пещеру, слышались ликующие возгласы женщин. Они наблюдали с площадки за всеми перипетиями сражения, видели чудесное появление царственного хищника, и их простые сердца были полны суеверного восторга.

Первой спустилась Джейя, за ней Ушр и все остальные женщины, кроме одной, которая должна была охранять пещеру и смотреть за детьми.

Женщины столпились вокруг большого Улабра и с мрачной ненавистью смотрели на каменную ограду. Они вспоминали перенесенные страдания, гибель своих сородичей – и проклинали врагов. Дхоли хранили молчание, но, полные отчаянной решимости, держали наготове свои тяжелые копья. Позиция их была неприступной и, если бы не Ун, враги и сейчас сохраняли бы превосходство в силе. Ни одна из женщин, исключая Ушр, не могла противостоять даже самому слабому воину. Волчицы хорошо понимали это и, несмотря на душившую их злобу, не подходили близко к вражескому убежищу.

Собравшись вокруг угасающего костра Дхолей, женщины принялись кидать в него сухие ветки. Огонь разгорелся с новой силой, далеко озарив саванну. Некоторые женщины начали кричать:

– Дхоли не смеют принять бой! Они умрут от голода и жажды!

Время шло. Ночные созвездия поднимались от востока к зениту или склонялись к западу. Беспокойство и нетерпение понемногу овладели женщинами. Осажденные снова стали казаться им опасными. Они боялись какой-нибудь неожиданности со стороны Людей огня. Ни одна женщина не смела заснуть. Даже Ун и Зур согласились, что необходимо вызвать врагов на бой. Сын Земли повторял:

– Надо заставить Дхолей покинуть убежище!

Он твердил эти слова до тех пор, пока его не осенила, наконец, догадка:

– Дхоли не смогут устоять против огня! Ун, Зур и женщины забросают врагов горящими ветками!

Улабр громко вскрикнул от восхищения, и оба друга принялись обстругивать ветки, чтобы зажечь их с одного конца. Затем они позвали женщин, и Зур объяснил им свой план. Все схватили горящие ветки и бросились к убежищу.

Огненный дождь обрушился на Дхолей. Задыхаясь от едкого дыма, испытывая жгучую боль от ожогов, они пробовали оставаться на месте, но страх и злоба оказались сильнее осторожности.

Коренастая фигура вождя появилась на одном из валунов. С хриплым криком он кинулся вперед, за ним – шесть уцелевших воинов.

По команде Уна женщины отступили. Два дротика просвистели в воздухе, и двое вражеских воинов упали замертво на землю. Из пяти оставшихся четверо устремились к женщинам и Зуру, пятый ринулся на Уна, который держался в стороне. Сын Быка метнул еще один дротик, лишь оцарапавший плечо врага. Затем, выпрямившись, стал ждать. Он мог легко уйти, оставив противника далеко позади, но предпочел принять бой. Тот, кто приближался к нему, был вождем Дхолей – коренастый, с широкими плечами и огромной головой. Он шел прямо на Улабра, выставив вперед свое тяжелое копьё. Встретив палицу, копьё отклонилось в сторону и снова с быстротой молнии устремилось вперед. Грудь Уна обагрилась кровью, но палица, опустившись, в свою очередь, заставила хрустнуть массивный череп. Выронив копьё, вождь упал на колени в покорной позе побежденного хищника, Ун снова поднял палицу... но не опустил ее. Странное отвращение к убийству овладело им с неудержимой силой – то великодушие к побежденным, которое было свойственно только ему и Нао...

Справа от него две женщины лежали поверженные на земле. Но дротики Зура и копьё Волчиц сделали свое дело: трое Дхолей валялись в траве, и женщины, полные ярости, добивали их.

Четвертый, самый молодой, обезумев от ужаса, бежал прямо на Уна. Очувтившись перед огромной палицей, юноша почувствовал, что колена его подгибаются, и упал, распростершись, у ног Уламра. Женщины подбежали, чтобы прикончить его, но сын Быка, протянув руку вперед, властно крикнул:

– Его жизнь принадлежит Уну!

Женщины остановились. Злоба исказила их лица. Но, услышав стоны тех, кто был повержен во время первой схватки, они отправились добивать их. Ун угрюмо прислушивался к яростным крикам и жалобным стонам, радуясь в душе, что Джейя не последовала за своими подругами.

Глава 4

Родное племя

Ун, Зур и женщины-Волчицы прожили целый месяц в базальтовой пещере. Только одна женщина умерла от ран; остальные четыре медленно поправлялись. Рана Уна не была опасной. Избавившись от Людей огня, они оказались полными хозяевами саванны, джунглей и Большой реки. Присутствие пещерного льва заставляло всех других хищников держаться на почтительном расстоянии от базальтовой гряды.

Пройдя сквозь столько испытаний и опасностей, Ун и Зур наслаждались теперь покоем. Зур особенно любил эти тихие, безмятежные дни, когда образы и события длинной вереницей проплывают в памяти.

Женщины чувствовали себя совершенно счастливыми. После всех несчастий, выпавших на их долю, они не хотели иной жизни и не думали больше о независимости и свободе, как бы вручив свои судьбы в руки громадного Уламра. Они не воспротивились даже, когда Ун решил отпустить на свободу обоих пленников. Сын Быка сам проводил Дхолей до места слияния Большой реки с ее правым притоком.

Красота Джейи с каждым днем пленяла все сильнее молодого Уламра. Много раз сын Быка готов был обратиться к Ушр с просьбой выполнить данное ею обещание, но непонятная робость удерживала его.

До сезона дождей оставалось не более пяти недель. Ун все чаще думал о родном становище, о могучем Нао, победителе Кзамов, Рыжих Карликов и Косматого Агу; о вечернем костре, вокруг которого собиралось все племя Уламров, и о своих суровых сородичах, которых он, однако, всегда недолюбливал за жестокость.

Однажды утром он сказал Ушр:

– Ун и Зур возвращаются к Уламрам. Женщины должны следовать за ними и поселиться в пещере, недалеко от гор. Когда минет холодное время, Уламы придут в эти края. Они будут союзниками Волчиц.

Ушр и ее подруги почувствовали, что невзгоды жизни снова надвигаются на них. Разговор происходил на равнине, близ берега Большой реки. Женщины окружили Уламра, самые молодые заплакали. Джейя вскочила с места. Она тяжело дышала, большие глаза наполнились слезами. Ун, глубоко взволнованный, некоторое время молча смотрел на нее, затем, резко повернувшись, обратился к женщине-вождю:

– Ушр обещала, что Джейя будет женой Уна. Джейя согласна! – И дрогнувшим от волнения голосом добавил: – Отдай мне Джейю в жены!

Ушр помолчала минуту, затем схватила девушку за волосы, бросила на землю и острым кремнем провела по ее груди длинную царапину от одного плеча к другому. Брызнула кровь, и Ушр, омочив ею губы Уна, произнесла священные слова предков, которые делали мужчину и женщину мужем и женой.

На следующий день маленький отряд выступил в путь. Ун и Зур с грустью покидали своего союзника – пещерного льва. Зур страдал от этой разлуки несравненно больше Уна. Он горько сожалел об удобной и безопасной пещере, которую вынужден был покинуть, и о могучем хищнике, союз с которым считал своим кровным делом. Ничто не привязывало Человека-без-плеч к племени Уламров. Он был чужим среди них, и молодые воины презирали его за слабость.

Они прошли место, где желтые львы бежали в страхе перед слонами, миновали гранитный кряж, близ которого махайрод растерзал носорога, а Ун убил махайрода, и, наконец, очутились у подножия высокого скалистого отрога, который отходил от горной цепи и далеко вдавался в саванну.

Здесь, в предгорьях, женщины отыскивали вместительную и удобную пещеру, чтобы провести в ней сезон дождей. Затем они помогли Уну и Зуру найти дорогу в горы.

Расставание было тяжелым. Женщины молчали, подавленные горем. Они думали о том, что не будут больше ощущать рядом с собой эту могучую и добрую силу, которая спасла и освободила их от людей-Дхолей. С этого дня они будут снова одни во враждебном мире, полном испытаний и опасностей.

Путники стали подниматься в гору. Из груди Волчиц вырвался долгий, похожий на рыдание, стон. Ун, обернувшись, крикнул:

– Мы вернемся на берега Большой реки!

Прошло много дней. Ун, Зур и Джейя шли крутыми тропинками по горным склонам, поднимаясь все выше и выше. Ун торопился; он так хотел увидеть снова родное становище! Каждый шаг, приближавший путников к Уламрам, наполнял его радостью.

И вот настал день, когда они отыскивали, наконец, узкое ущелье с отвесными стенами, через которое вышли когда-то из недр горы. Пройдя его, путники очутились в подземной пещере, перед расселиной, образовавшейся после землетрясения. За время их отсутствия она стала шире, и все трое без труда пробрались сквозь нее. Затем потянулись подземные коридоры, где гулко звенел голос быстро бегущей воды. Переночевав на берегу подземной реки, путники через два дня достигли тех мест, где Ун и Зур почти год назад оставили Уламров.

День склонялся к вечеру. У подножия крутого холма, под сенью огромного порфиристого утеса, женщины Уламров складывали в кучу сухие ветви и хворост для вечернего костра, который Нао затем должен был зажечь. Дозорные подали сигнал тревоги, и Ун появился перед сыном Леопарда. Наступило долгое молчание. Женщины недружелюбно посматривали на Джейю.

Наконец Нао заговорил.

– Уже скоро год, как вы покинули становище, – сказал он сурово.

– Мы прошли сквозь гору и открыли новые богатые земли для охоты, – ответил Ун.

Лицо Нао озарилось радостной улыбкой. Он вспомнил суровое время своей юности, когда он вместе с Намом и Гавом так же пустился в далекий и опасный путь, чтобы добыть огонь для

Уламров. Снова пережил он в мыслях схватки с серым медведем и тигрицей, бегство от людоедов Кзамов, союз с вожакон мамонтов, коварство Рыжих Карликов и мудрость людей Ва, лес Голубых людей, нападение пещерного медведя и страшную встречу с Косматым Агу и его братьями...

– Рассказывай! – сказал он, взволнованный воспоминаниями. – Нао слушает сына Быка.

Вождь зажег костер, уселся возле него и приготовился слушать сына. Душа искателя приключений постепенно пробуждалась в нем.

Рассказ о красном звере поверг Нао в изумление, но он возмутился, когда Ун сказал, что слоны выше и сильнее мамонтов.

– Нет животных, равных по величине и силе мамонтам, с которыми Нао заключил союз в стране Кзамов!

Он узнал по описанию огромного хищника, обитавшего в базальтовой пещере, и обратился к Наму:

– Этот зверь убивает тигра так же легко, как лев убивает антилопу!

Союз с пещерным львом привел Нао в бурный восторг. Он благосклонно посмотрел на Зура:

– Ва всегда были самыми хитроумными из людей. Это они нашли огонь в камнях. Они переплывали реки и озера на плотках, связанных из веток и бревен, и умели находить ручьи, текущие под землей!

Рассказ о битвах с Людьюми огня взволновал Нао до глубины души. Грудь его высоко вздымалась, глаза сверкали. Положив руку на плечо Уна, Нао воскликнул:

– У сына Быка сердце и сила вождя!

Сидя вокруг костра, Уламы внимательно слушали рассказ Уна, но лица их не выражали доверия. Воины думали о том, что Нао в свое время принес племени огонь и спас Уламров, умиравших от холода в сырой пещере. А сын его, вернувшись из дальних странствий, привел с собой лишь эту девушку-чужеземку да своего хилого спутника, которого никто из Уламров не любил.

Куам, сын Онагра, воскликнул:

– Ун говорит, что земли, которые он посетил, гораздо жарче наших. Уламы не смогут там жить! Когда племя кочевало по Выжженной Равнине, воины и женщины умирали, словно кузнечики осенью!

Глухой ропот одобрения прокатился по рядам Уламров, и Ун понял, что они любят его еще меньше, чем прежде.

И все же в течение всех последующих дней сын Быка испытывал радость при мысли о том, что находится, наконец, в кругу сородичей. Он ходил на охоту вместе со всеми Уламами или проводил время возле Джейи, с которой женщины становища не разговаривали.

Но мало-помалу печаль овладела Уном. Он сознавал, что совершенный им подвиг не менее велик, чем подвиг Нао. Правда, он не вернул Уламам огня, но зато принес известие, что новые земли, обширные и полные неистощимых богатств, лежат по ту сторону гор. Он чувствовал себя на целую голову выше других юношей, знал, что так же силен, как сам Нао. Но Уламров не восхищала его сила. Они предпочитали Куама, палица и копьё которого не смогли бы противостоять палице и копьё сына Быка. Куам должен был стать вождем, когда сын Леопарда умрет. Если это случится, Уну придется во всем повиноваться Куаму. Новый вождь возбудит против него, против Джейи и Зура вражду, которая вот-вот готова вспыхнуть...

Еще раньше, до путешествия, Уну ставили в упрек его дружбу с Человеком-без-плеч. Теперь же он, вдобавок, женился на девушке, рожденной в чужой стране. Значит, и сам он стал для племени чужим.

Особенно ненавидели Уна женщины. Они с бранью отворачивались от Джейи, когда та проходила мимо, а если их было несколько, встречали злобным ропотом появление чужеземки. Даже сестры Уна, дочери Гаммлы, избегали ее.

Через несколько дней гордая душа Уна возмутилась. Он не искал больше близости со своими сородичами и упрямо уединялся вместе с Джейей и Зуром. На охоте Ун тоже стал держаться в стороне от других охотников, если только прямой приказ Нао не вынуждал его действовать заодно со всеми. Он снова пропадал по целым дням в пещерах, бродил по берегам подземной реки и часто, повинувшись бессознательному желанию, оказывался вдруг перед той расселиной, что вела в

страну, которую он так горячо любил.

Однажды утром Ун принялся искать след леопарда. Леопарды в изобилии водились в окрестных лесах. Крупного роста, проворные и смелые, они нападали на оленей, на онагров и даже на молодых бизонов. Нао не охотился на них, суеверно считая себя в некоем мистическом родстве с этими красивыми хищниками. Остальные воины опасались их, и мало кто из охотников осмеливался вступать в единоборство с леопардом.

Ун долго бродил по лесу, но нигде не обнаружил следов леопарда.

Наконец около маленького ручейка, весело катившего свои воды по кремнистому ложу, он наткнулся на свежий след.

Ун спрятался среди густых папоротников и замер. В верховьях ручья, под зелеными сводами деревьев, виднелась невысокая скала, у подножия которой зоркий глаз охотника различил небольшое углубление, наподобие пещеры. Какой-то крупный зверь спокойно дремал у входа, положив голову на вытянутые лапы. Несмотря на расстояние и царивший под деревьями полумрак, Ун сразу узнал леопарда. Более тысячи шагов отделяло охотника от зверя. Ему удалось продвигнуться на целых шестьсот шагов, прежде чем леопард проснулся. Только когда Ун углубился в заросли высоких трав, круглая голова хищника медленно приподнялась и два желто-зеленых огня зажглись в полумраке логовища.

Ун приник к земле. Леопард долго втягивал ноздрями воздух; несколько минут его горящие глаза пристально вглядывались в густые заросли трав и кустарников. Затем голова хищника опустилась на лапы, и пятнистое тело снова стало неподвижным.

Слабый ветерок относил в сторону запах охотника. Ун заторопился, прополз еще сто пятьдесят шагов и спрятался за деревом. Леопард снова поднял голову и прислушался. Затем поднялся и вышел из логова, чтобы лучше разобраться в подозрительных запахах.

Внезапно в чаще раздался крик оленя, и стройная лань промчалась под сикоморами. Леопард бросился за ней.

Лань метнулась к дереву, за которым прятался Ун. Охотник выскочил и пустил в хищника дротик. Просвистев в воздухе, дротик впился в затылок зверя. Леопард яростно мяукнул, но кинуться на человека не посмел. Он скользнул в чащу папоротников и скрылся из виду.

Желая избежать внезапного нападения хищника, Ун вышел на открытое место, держа в одной руке палицу, а в другой – метательный снаряд.

Но леопард не собирался атаковать охотника первым. Ярость его понемногу утихала, он почти не ощущал боли от раны. Хищник описал вокруг Уна широкий круг, стараясь зайти сзади, чтобы прыгнуть на плечи охотнику.

Тем временем другие люди появились в лесу. Издав призывный клич, Ун бросился в погоню за леопардом. Среди деревьев замелькали головы Уламров, вслед зверю полетели дротики, но ни один не достиг цели. Внезапно из-за дерева показалась мускулистая фигура Куама. Взмахнув копьем, он с силой метнул его в леопарда. Копье вонзилось в правый бок зверя. Хищник высоко подпрыгнул и обернулся, готовый защищать свою жизнь. Но Куам исчез, остальные охотники тоже скрылись. Один Ун оставался на виду.

Леопард не колебался больше. В три прыжка он очутился перед сыном Быка и кинулся на него. Удар огромной палицы остановил хищника и бросил его на землю. Следующий удар пришелся прямо по массивному черепу зверя, и леопард покотился по земле бездыханный.

В ту же минуту из-за деревьев показался Куам, а за ним – остальные охотники. Опершись на палицу, Ун смотрел, как они приближались. Он был уверен, что охотники станут восхищаться его силой; теплое чувство родства с этими людьми охватило его. Но лица Уламров выражали лишь отчуждение. Один из охотников, всюду следовавший за Куамом, как Зур за Уном, воскликнул победоносно:

– Куам победил леопарда!

Одобрительные возгласы поддержали его. Куам стоял перед мертвым леопардом и указывал на копьё, вонзившееся в бок зверя. Ун возмутился:

– Это не Куам победил леопарда...

Уламры злорадно засмеялись, показывая на копьё. Охотник, заговоривший первым, продол-

жал:

– Это Куам! Ун только прикончил зверя.

Сын Быка поднял палицу. Гнев бушевал в его груди. Он крикнул презрительно:

– Что такое леопард? Ун победил красного зверя, тигра и людей-Дхолей! Один только Нао так же силен, как Ун!

Куам не отступил. Он знал, что все охотники на его стороне.

– Куам не боится ни льва, ни тигра!

Горькая печаль охватила Уна. Он почувствовал себя чужим среди этих людей одного с ним племени. Схватив убитого леопарда, Ун кинул его на землю к ногам охотников:

– Вот! Сын Быка не поднимет руку на Уламров! Он дарит им леопарда!

Охотники не смеялись больше. Они со страхом смотрели на могучую фигуру и огромную палицу сына Быка. Они признавали его силу, равную силе больших хищников. Но они ненавидели Уна за эту силу и отвергали его великодушные...

Ун вернулся в становище с душой, полной горечи и отвращения. Подойдя к порфиловому утесу, он увидел Джейю. Она сидела, скорчившись, у большого камня. При виде Уна Джейя поднялась на ноги с жалобным возгласом: струйка крови текла по ее щеке.

– Джейя поранила себе лицо? – спросил сын Быка, положив руку на плечо подруги.

– Женщины бросали камни, – ответила она тихим голосом.

– Они бросали камни в Джейю?

Молодая женщина кивнула головой. Дрожь охватила Уна. Он увидел, что лагерь пуст, и спросил:

– Где же они?

– Я не знаю.

Ун опустил голову, мрачный и подавленный. Горе, наполнявшее его душу, стало нестерпимым.

Он понял, что не хочет больше жить вместе с Уламами.

– Хотела бы Джейя вернуться к Волчицам вместе с Уном и Зуром? – спросил он тихо.

Она подняла на него большие глаза, в которых сквозь слезы засветилась радость. Застенчивая и кроткая по натуре, Джейя страдала, живя среди чужих. Она молча терпела вражду и презрение женщин, удрученная тем, что едва понимает язык Уламров. Она не смела жаловаться мужу, и, наверное, и на этот раз не сказала бы ни слова, если бы Ун не спросил ее. Еще не веря своему счастью, молодая женщина воскликнула:

– Джейя пойдет туда, куда пойдет Ун!

– Но она хотела бы жить со своим племенем?

– Да, – прошептала она.

– Тогда мы вернемся на берега Большой реки!

Вздых облегчения вырвался из груди Джейи; она тихо склонила голову на плечо Уна...

Когда Зур вернулся вечером из подземных пещер, сын Быка отвел его в сторону от становища, которое уже наполнилось воинами и женщинами.

– Вот! – сказал он резко. – Ун хочет снова увидеть Волчиц, пещерного льва и базальтовую гряду.

Зур посмотрел на друга своим туманным взглядом, и улыбка осветила его лицо. Он знал, что Ун страдает, живя среди Уламров; да и у самого Зура было тяжело на душе.

– Зур будет счастлив вернуться в базальтовую пещеру!

Слова друга рассеяли последние сомнения Уна. Он приблизился к Нао, отдыхавшему поодаль, в тени порфировой скалы, и сказал:

– Уламы не любят сына Быка. Он хочет уйти снова по ту сторону гор. Он будет жить с племенем женщин-Волчиц и станет союзником Уламров.

Нао слушал речь Уна в молчании. Он любил сына, но знал о неприязни, которую питали к нему Уламы, и предвидел в будущем непрерывные раздоры и столкновения.

– Племя недовольно тем, что Ун отдает предпочтение чужеземцам! – сказал он наконец. – Оно не простит ему этого предпочтения, если Ун будет жить с племенем. Но Уламы уважают

союзников. Они сражались вместе с Людьми-без-плеч. Они перестанут ненавидеть Уна, как только он покинет их. А будущей весной Нао приведет Уламов по ту сторону гор. Они поселятся на плоскогорье, а Волчицы останутся на равнине. Если во время холодов Уламы спустятся вниз, они не будут охотиться на землях Уна. Тогда союз наш будет прочным!

Вождь положил руку на плечо юноши и добавил:

– Сын Быка стал бы великим вождем среди Уламов, если бы не предпочел Человека-без-плеч мужчинам, а чужеземку – женщинам племени.

Ун признал силу этих мудрых слов. Но он не жалел ни о чем. Зур и Джейя были ему дороже и ближе жестокосердных и враждебно настроенных сородичей. Только разлука с Нао огорчала его.

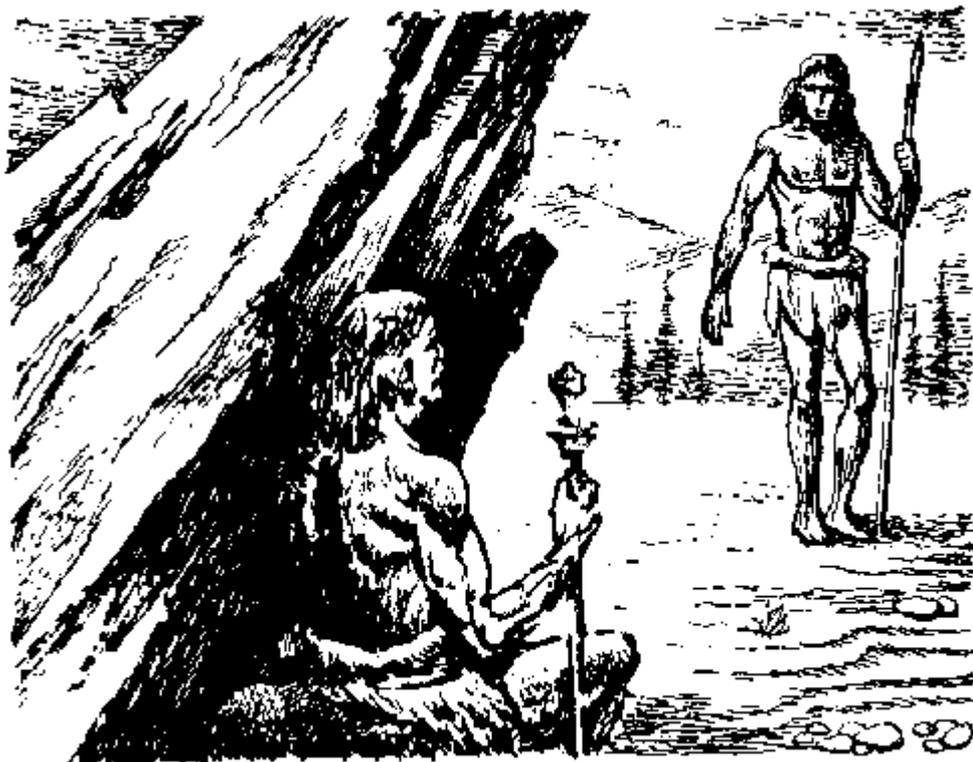
– Ун будет приносить сыну Леопарда зубы зверей и блестящие камни, – сказал он дрогнувшим от волнения голосом.

Сумерки спускались на землю. Тихая печаль наполняла сердца обоих мужчин. Их души были так схожи между собой, но какими разными оказались их судьбы! Оба провели юность в далеких скитаниях и странствиях. Оба совершали великие подвиги и побеждали могучих врагов. Но в награду за эти подвиги племя Уламов избрало Нас своим вождем; сына же его сделало изгнанником.

Эпилог

Два дня назад чета махайродов поселилась среди скал, в трехстах шагах от пещеры, которую занимали Волчицы. Женщины хорошо знали силу, коварство и дерзость этих свирепых хищников. Ни одна не осмеливалась выйти наружу.

Предыдущей ночью махайроды долго рыскали вокруг пещеры. Иногда они подходили так близко, что слышно было их хриплое, прерывистое дыхание. Тогда женщины принимались кричать и кидали в хищников заостренные камни. Но камни, брошенные из-за валунов, преграждавших вход в пещеру, не достигали цели. В конце концов другая, более легкая добыча отвлекла внимание хищников. Но в течение следующего дня то самец, то самка по очереди возвращались к пещере и наблюдали за людьми.

Время дождей было близко.

Сбившись в кучу позади заграждения из камней и колючих веток, женщины с тоской думали об огромном Уламре.

Сын Быка со своей огромной палицей и острыми дротиками, конечно, сумел бы прогнать страшных хищников.

Добыча, доставшаяся махайродам накануне, по-видимому, не удовлетворила прожорливых хищников, и они появились у входа в пещеру задолго до наступления сумерек. День был пасмурный, серые тучи закрывали небо. Резкий ветер дул со стороны равнины, зловеще завывая в скалах. Дети плакали от страха. Женщины, сгрудившись у входа, мрачно созерцали открывавшееся перед ними пространство. Ушр с тревогой думала о том, что махайроды, вероятно, останутся жить близ пещеры на весь период дождей.

Ветер крепчал. Он словно кидался в ожесточении на штурм горы. Оба махайрода показались одновременно перед входом в убежище. Их грозное рычание гулко отдавалось в каменных стенах пещеры. Ушр, удрученная, вышла вперед, чтобы подготовиться к обороне...

Внезапно длинное копьё просвистело в воздухе и вонзилось в затылок одному из хищников – самцу. Заревев от боли, зверь прыгнул вперед, пытаясь преодолеть преграду из камней, но второе копьё, брошенное с огромной силой, пригвоздило махайрода к земле. Громовой голос заглушил рев урагана, и громадная фигура с высоко поднятой палицей появилась у входа в пещеру.

Женщины гурьбой бросились к выходу, опрокидывая тяжелые валуны, служившие им защитой. Махайрод лежал бездыханный. Самка, испуганная его предсмертным воплем и появлением новых двуногих существ, бежала к реке.

Волчицы, крича от радости, теснились вокруг своего избавителя. Их суровые лица светились счастьем; широко открытые глаза смотрели на Уламра с беспредельным обожанием. К ним снова вернулось блаженное ощущение безопасности, уверенность в победе над стихиями, животными и людьми.

Взволнованный встречей, сын Быка воскликнул:

– Вот! Ун и Зур вернулись к Волчицам и не покинут их больше! Они будут жить вместе с ними в большой пещере, близ которой одержали победу над Людьми огня.

Радости женщин не было предела. Они склонились перед Уном в знак любви и преданности. И Уламр, растроганный до глубины души, забыл горечь своего возвращения в родное становище. Теперь он думал только о том, что новое племя будет расти и крепнуть под его защитой...

– Ушр и Волчицы будут твоими воинами! – говорила женщина-вождь. – Они будут жить там, где будешь жить ты, выполнять твою волю и следовать твоим обычаям.

– Они станут сильными и бесстрашными, – ответил Ун. – Они будут изготавливать копья и дротики, топоры и метательные снаряды, научатся владеть ими. Тогда они перестанут бояться Людей огня и красных хищников!

Женщины бросились собирать хворост, и скоро великолепный костер запылал во мраке. Ночь больше не таила в себе ловушек и неведомых опасностей. Счастье, наполнявшее сердца Волчиц, было таким же громадным, как Большая река...

Один только Зур оставался задумчивым. Он знал, что его сердце будет спокойно лишь тогда, когда он снова увидит базальтовую пещеру и своего могучего союзника.

На двенадцатый день пути, преодолевая порывы ледяного ветра, маленький отряд добрался до базальтовой пещеры. Летучие мыши, поселившиеся в ней, улетели прочь при появлении людей. Сокол с хриплым криком снялся с места.

Выпрямившись во весь рост на площадке перед входом, Ун смотрел на простиравшиеся перед ним леса и равнины. Всюду кипела жизнь. Воды Большой реки давали приют и пищу бесчисленным черепахам и крокодилам, рыбам и земноводным, гиппопотамам и питонам, пурпурным цаплям и желтоголовым журавлям, черным аистам, ибисам и бакланам. Леса и саванны изобиловали оленями, сайгами, куланами, дикими лошадьми и онаграми, гаурами и буйволами. Голуби и фазаны, попугаи и другие лесные птицы гнездились среди ветвей. Бесчисленные растения предлагали людям свои плоды.

Ун чувствовал себя сильнее самых могучих хищников. Он был Человеком-завоевателем и

Жозеф Рони-старший «Пещерный лев»

покорителем дикой, нетронутой природы на этой прекрасной и богатой земле. Зур и Джейя, Ушр и все другие женщины были как бы частицей его существа, продолжением его жизни и подвигов...

Зур медленно спускался в нижнюю пещеру. Он подошел к расселине и заглянул в нее: логовище было пусто... Сердце его сжалось от недоброго предчувствия. Сын Земли прополз сквозь щель в пещеру и осмотрелся. Свежеобглоданные кости валялись на каменном полу рядом с сухими; запах хищника был сильным и стойким.

Зур выбрался из логовища и долго бродил вокруг в мучительном беспокойстве, не думая о хищных зверях, которые могли скрываться в густом кустарнике. Но едва он вошел под сень деревьев, как лицо его озарилось счастливой улыбкой:

– Пещерный лев!

Там, в зарослях бамбука, темнела гигантская фигура хищника, склонившегося над тушей только что убитого оленя. Услышав голос Зура, лев поднял свою царственную голову и, радостно зарывчав, бросился навстречу человеку...

Когда могучий зверь очутился рядом с ним, Зур запустил обе руки в его густую гриву, и гордость, равная гордости Уна, наполнила его сердце.

